

1548

1953

PCP

З А П И С К И

О В Ъ О С А Д Ъ

ЧИТ. ЗНЛ

С Е В А С Т О П О Л Я .

1. 1942

У(С)15

1548

ЗАПИСКИ

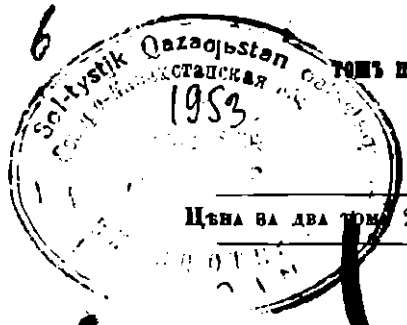
ОБЪ ОСАДѢ

СЕВАСТОПОЛЯ

Н. БЕРГА.

СЪ ДВУМА ПЛАНАМИ.

Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

ЦѢНА ВА ДВА ТОМА 2 РУБ. 50 КОП. СЕР.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

1858.

3377 ✓

3377

6

Handwritten signature or mark.

ПЕЧАТАТЬ ПОВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
указанное число экземпляровъ. Москва, 25 августа 1857 г.

Ценсоръ *Н. Фонз-Крузе.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во время службы моей въ Крыму, при Главномъ Штабѣ Южной арміи, я велъ записки ежедневнымъ событіямъ, случаямъ и встрѣчамъ, которымъ былъ свидѣтель и о которыхъ слышалъ. Эти записки сгорѣли у меня на фрегатѣ «Коварнѣ» 26 августа, 1855. Переѣхавъ въ лагерь на Инкерманъ, я записалъ неше- для все, что могъ припомнить. Въ послѣдствіи, въ Бахчисараѣ, въ Одессѣ и наконецъ въ Петербургѣ, при столкновеніи съ разными лицами, я провѣрилъ, дополнилъ и исправилъ записанное, и теперь рѣшаюсь издать въ свѣтъ, прибавивъ къ этому кое-что изъ напечатаннаго мною прежде о томъ-же предметѣ.

Изданныя записки вовсе не исторія осады: это про- межуары частнаго лица, изложеніе, по возможности,

«Всего», случившагося въ Севастополѣ въ то время, когда я находился тамъ на службѣ. — Тутъ читатель увидитъ и жизнь базара, и Маленькій бульваръ, и библиотеку; все это переищдено съ обыкновенными явлениями севастопольской жизни: бомбами, похоронами, битвами. Я старался не пропускать рѣшительно ничего, ибо все, что мы видѣли, всё наши мелкія происшествія не были похожи на такія-же происшествія другихъ городовъ, а носили на себѣ особенный, осадный «севастопольскій» характеръ. — Все это выработалось въ воздухѣ Севастополя, и, мнѣ кажется, описаніе его безъ этихъ аксессуаровъ было-бы не полно.

Что до военныхъ дѣйствій, — я выставилъ самыя любопытныя и яркія, которыхъ громъ долетѣлъ до насъ еще прежде. При описаніи ихъ, я имѣлъ въ виду, гдѣ это было можно, — сосредоточить вниманіе читателей оволо первыхъ лицъ, дабы знать всё предварительныя распоряженія и смотрѣть изъ центра. Я старался уяснить для незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ и не видавшихъ бомбъ, батарей и осады, все, что издали кажется не такъ понятнымъ. Въ разсказахъ моихъ я употреблялъ самыя простой языкъ, держась «народныхъ» севастопольскихъ названій, а иногда оставляя даже выраженія разсказываемаго событія, дабы ихъ языкомъ живѣе представить, «какъ показалось» въ известную минуту и въ известномъ мѣстѣ то, о чемъ идетъ дѣло. Такія выраженія у меня отточены, или напечатаны куromъ.

Кроме личных наблюдений и сообщеннаго очевидцами, коихъ считаю главнымъ и лучшимъ источникомъ, — и пользовался некоторыми изданными у насъ и у Французовъ книгами по этому предмету. Въ описаніи дѣйствій союзниковъ руководствовался преимущественно Базанкуромъ, который жилъ 5 мѣсяцевъ при Главномъ Штабѣ Восточной арміи, для веденія историческихъ записокъ, и которому были доступны многіе офенціальныя документы.

Все собранное мною такимъ образомъ я оставилъ безъ всякихъ исключеній, хотя черезъ это одинъ пунктъ вышелъ ярче, а другой только очеркнуть. При моихъ небольшихъ средствахъ, не было никакой возможности привести все къ одному знаменателю и уравнять всѣ тоны, особенности и подробности. Пусть иное перетягиваетъ: можетъ статься, кто нибудь другой дополнить именно то, чего у меня нѣтъ, а я, можетъ быть, напалъ на такіе слѣды, на которые не случится напасть другому. Мы, конечно, только вкладчики будущаго, но также должно помнить и то, что для составленія въ будущемъ полной и верной исторіи настоящихъ событій, необходимы «наши» отрывочныя труды, «наше» слово. Кто знаетъ: можетъ быть, если вы не скажете «ваше» слова, его уже никто не скажетъ, и въ этой мѣстѣ останется навсегда пустая страница. И потому должно записывать все, что знаешь, откинувъ всякую робость боясь, что напишешь мало.

«Во внимание прошу покорнейше просить Участников и свидетелей всего наложеннаго, у кого найдется свободная минута, — сказать мнѣ откровенно, что покажется имъ невѣрнымъ, исправить иную цифру, внести пропущенное имя, адресую свои замѣчанія въ редакцію Журнала Библиотеки для Чтенія.

СЕВАСТОПОЛЬ ВЪ ФЕВРАЛѢ

1855 года¹⁾.

—

Дорога изъ Кишинева въ Севастополь. — Прїѣздъ. — Первые бомбы. — Сѣверная сторона. — Александръ Ивановичъ. — Ночная сиватка на новомъ редутѣ. — Толки. — Перевѣздъ на Южную сторону. — Знакомство съ городомъ. — Опять Сѣверная сторона. — Госпитальные баракки и ампутація. — Посѣщеніе бастіоновъ. — Нахимовъ. — 4-й бастіонъ и мины. — Корабль и парходъ. — Греки-волонтеры. — Ракета. — Малаховъ Курганъ. — Новый редутъ. — Отъѣздъ. — Чатырдагъ. — Бахчисарай. — Дворецъ Хана. — Фонтанъ Слезь. — Дорожныя приключенія. — Кишиневъ.

—

Не могу не сказать нѣсколько словъ о самой дорогѣ въ Севастополь. На всякой дорогѣ не безъ приключеній. Я выѣхалъ изъ Кишинева съ однимъ гусарскимъ офицеромъ, 6 февраля,

¹⁾ Эта статья была прежде напечатана подъ названіемъ: «10 дней въ Се-»

почью. Дорога была ни то, ни се: ѣздили на саняхъ и въ телегѣ. Мы предпочли сами и чуть не раскаялись: рѣка Быкъ, которую надо переѣзжать тотчасъ по выѣздѣ изъ города, чуп весну, разынгралась, и версты двѣ мы тащились водою, едва не зачерпывая въ сани. Волны плескали такъ близко, что можно было касаться до нихъ рукой, несколько не пагубалось. Разумѣется, эти двѣ версты показались намъ за десягъ. Это было самое неспоное путешествіе. Но зато, выбравшись изъ волнъ, мы ударили по вѣтвѣ по тремъ. Дорога пошла ровнымъ косо-горомъ. По сторонамъ тянулись бессарабскія пологія горы, которыя впотьмахъ трудно было разглядѣть: стояли въ воздухѣ какіе-то туманные чертежи. Къ утру уже мы были въ Бендерахъ. При взглядѣ на старую цитадель, построенную Генуэзцами, мнѣ пришли на мысль знакомыя всякому имена. Говорятъ, недалеко отъ города, въ одной деревнѣ, уцѣлѣлъ еще тотъ домъ, въ которомъ Карлъ XII отстрѣливался отъ Турокъ. — Мы долго двигались по длинной гати, между деревьями. Вдали видно было кнѣжныя крѣпостныхъ работъ: повсюду возводились батареи; каруцы, нагруженныя военными снарядами, то въѣзжали въ крѣпость по временнымъ мостамъ, то выѣзжали оттуда; съ валовъ глядѣли пушки. Въ концѣ гати насъ ожидала двоякая переправа: Дибетръ уже тронулся, и часть льда прошла. Наканунѣ переправляли на паромѣ; но въ ночь явились новыя льдины, и у самаго перевоза сдѣлалась *лажора*, т. е. затерло ледъ. Немного ниже ходили лодки; но большая часть пробѣгающихъ переправлялась по льду вѣшкомъ. Такъ сдѣлали и мы. Нѣсколько солдатъ взяли наши вещи, и мы гуськомъ перешли черезъ ледъ. Подставы лошадей, какъ водится, не было. Какой-то Малороссійнинъ взялся сбѣгать въ селеніе Перканъ, гдѣ была станція, — всего какую-нибудь версту. Тѣмъ временемъ я накинулъ въ бумажничѣ старую цитадель. Кажется, башни прежде кончались зубцами: видны ихъ слѣды;

и, притомъ, крышечки, выброшеныя сверху, какъ-то свѣжи и новы.

Скоро пріѣхала телега особеннаго колоніальнаго устройства, съ откиднымъ задкомъ на цѣляхъ. Одинъ солдатъ замѣтилъ другому, смѣясь: « у насъ, въ Россіи, въ такихъ-то навозъ позить! » По тутошній мужикъ обидѣлся и сказалъ: « ахъ ты навозъ, навозъ! эту телегу на тридцать цѣлковыхъ не купишь! навозъ, навозъ! » — Въ самомъ дѣлѣ, телега была хорошал, чистотой нѣмецкой работы, съ тонкими колесами на желѣзныхъ осяхъ. Но она не спасла насъ отъ невыносимыхъ толчковъ по колоти, или, какъ тамъ называютъ, *по грудѣ*. Никогда я не испытывалъ такихъ мученій въ дорогѣ. Между тѣмъ, въ воздухѣ начинало теплѣть. Взивались жаворожки и слышалось вѣяніе весны. Мы сбросили шубы; но къ вечеру захолодѣло опять. Въ Качурганѣ, на второй стациіи отъ Бендеръ, предстолла новая переправа. Никто не взялся переправлять ночью, и намъ пришлось перешевать на стациіи. Утромъ, съ верховымъ впереди, мы поѣхали по узкой греблѣ въ бродъ. Говорили намъ, что бѣда свернуть съ гребли: направо и налево омутъ. Въ самомъ дѣлѣ, волны крутились и шумѣли по сторонамъ. Однако, мы переправились благополучно. Опять *грудѣ* и мученія! Въ колоніи Мангеймъ, въ сорока верстахъ отъ Одессы, извозчикъ указалъ намъ на русскій трактиръ, гдѣ можно было перевести духъ. Русскій бородачъ-хозяинъ пилъ чай. Кругомъ все было по-русски: на стѣнахъ лубочныя картички духовнаго содержанія. Словомъ, это былъ русскій островокъ на нѣмецкомъ морѣ. Измѣнила одна печь, сложешная въ видѣ какого-то кувшинчика.

Черезъ три стациіи мы подѣхали къ Одессѣ. Подѣздъ былъ самый неудачный. Все было забрызгано грязью. Длинное преддѣлье Молдаванка показалось намъ еще длиннѣе. Мы все ждали Одессы, восхваляемой Одессы, и моря — не было

ни Одессы, ни моря! Сбрыли однообразныя зданія изъ вѣстнаго бута, который замѣняетъ тамъ кирпичъ, тнулся направо и нѣлво. Мы ѣхали какимъ-то болотомъ, а не мостовой. Вотъ и Одесса! огромныя зданія, начавшія выростать одно за другимъ, показали намъ, что мы уже въ городѣ. Пошли выѣски съ русскими и итальянскими надписями. «*Погребъ съ разными винами*» непрѣменно переводился: Cantina con diversi vini. Улицы также назывались по русски и по итальянски: *Коннал* — Strada Konna; *Херсонская* — Strada Chersona; *Полицейская* — Strada della Polizia... А вотъ и море, и статуя Дюка!... Европейская гостищица, у которой мы останоуились — одно изъ лучшихъ зданій въ городѣ, съ прекрасной рестораціей. Насъ обдало блескомъ и сіишемъ. Отдохнувъ минуту, среди всевозможнаго комфорта, и побѣжалъ на Щеголевскую батарею, которая была недалеко, подъ горой, на краю мола. Кругомъ шумѣло опустѣлое море. Щеголевская батарея очень проста, съ землянымъ брустверомъ. По дорогѣ я видѣлъ много сваеннаго камня. Готовится постройка укрѣпленій. На зданіяхъ, идущихъ по горѣ, замѣтно нѣсколько пробоявъ ядрами. Статуя Дюка тутъ же, когда поднимаешься на знаменитую пороховскую лѣстницу. Мѣсто, гдѣ отлетѣлъ кусокъ въ осаду 11 апрѣля, (1854) задѣлано металломъ, со вставкою ядра.

Мы выѣхали ночью. Первые двѣ станціи идутъ берегомъ моря, подлѣ самыхъ волнъ. Казалось, возны пласкали въ колеса телеги, и шумъ ихъ отдавался въ тишинѣ, подобно раскату по мостовой тысячн экипажей. Было что-то особенное, что-то пріятное, укачивающее, въ этомъ ночномъ невидимомъ гулѣ... но вотъ гудяціе раскаты стали затихать. Дорога повернула влѣво. Мы пріѣхали въ селеніе Варваровку и опять къ ночи, а надо было переправляться черезъ Бугъ, версты двѣ по тошкому льду, который несъ былъ въ окошкахъ. Опять не нашлось проводниковъ, и мы волей, или неволей перепочевали

въ Варваровкѣ. На зарѣ явилось шесть человѣкъ такъ называемыхъ *лоцмановъ*, въ башлыкахъ, въ толстыхъ еукошныхъ сермягахъ и съ особенными желѣзками подъ сапогами, чтобы не раскатываться по льду. Они взяли наши вещи; и мы пошли гурьбою къ рѣкѣ. Но едва мы ступили на ледъ, какъ насъ понесло вѣтромъ. Шикакъ нельзя было держаться, даже съ помощью подкованныхъ лоцмановъ; мы сѣли на салазки, куда сложили были наши вещи, и покатались. Вести было легко, по причинѣ душлага въ спину вѣтра. Мы служили парусомъ. Пятеро лоцмановъ, ухватясь за веревки, не шли, а бѣжали, подгоняемые сапями. Шестой, съ небольшимъ багромъ въ рукѣ, шелъ, катясь, впереди и указывалъ дорогу, безпрестанно пробивая ледъ. Скоро мы очутились среди рѣки, на ледяной, и, казалось, безконечной равнинѣ. Кругомъ мело и крутило снѣжную пыль, и за нею нельзя было разглядѣть береговъ. Закутавшись въ шубу, я смотрѣлъ на синій, прозрачный ледъ, по глади котораго несли вьющимися полосами мелкія снѣжины, и, приглядѣвшись, казалось, что мимо насъ несутся волны... но вотъ, сквозь снѣжную пыль, стали являться зданія Николаева и деревня, похожія на неподвижный дымъ. Мы причалили и, оставивъ салазки подъ берегомъ, начали подыматься въ гору великолѣпнымъ садомъ, мимо бесѣдокъ, засыпанныхъ снѣгомъ. Николаевъ произвелъ на насъ самое выгодное впечатлѣніе: свѣтлые дома, прѣмья, широкія улицы. Не потому ли все это такъ свѣтилось, что кругомъ сіялъ только что вышавшій снѣгъ, которому мы чрезвычайно обрадовались. Разумѣется, явись на станцію, мы потребовали сапи. Такъ-какъ къ снѣгу завернулъ и морозъ, то надо было купить теплые сапоги, или кельги. Но кельгъ мы не нашли въ цѣломъ Николаевѣ и обулись въ медвѣди. За Николаевымъ становится замѣтнѣе однообразіе Херсонскихъ степей. Вплоть до Симферополя идетъ какъ бы одна и та же степь, исчерченная безчисленными дорогами, съ воз-

ни Одессы, ни моря! Стрыла однообразныя зданія изъ вѣстнаго бута, который замѣняетъ тамъ кирпичъ, тинулись направо и налево. Мы ѣхали какимъ-то болотомъ, а не мостовой. Вотъ и Одесса! огромныя зданія, начавшія выростать одно за другимъ; показавя намъ, что мы уже въ городѣ. Пошли вывѣски съ русскими и итальянскими надписями. «*Погребъ съ разными винами*» непрѣмъно переводился: *Cantina con diversi vini*. Улицы также назывались по русски и по итальянски: *Конная* — *Strada Konna*; *Херсонская* — *Strada Chersona*; *Полицейская* — *Strada della Polizia*... А вотъ и море, и статуя Дюка!... Европейская гостиница; у которой мы остановились — одно изъ лучшихъ зданій въ городѣ, съ прекрасной рестораціей. Намъ обдало блескомъ и сініемъ. Отдохнуть минутой, среди всевозможнаго комфорта, и побѣжалъ на Щеголевскую батарею, которая была недалеко, подъ горой, на краю мола. Кругомъ шумѣло опустѣлое море. Щеголевская батарея очень проста, съ землянымъ брустверомъ. По дорогѣ я видѣлъ много сваленнаго камня. Готовятся новыя укрѣпленія. На зданіяхъ, идущихъ по горѣ, замѣтно нѣсколько ядрами. Статуя Дюка тутъ же, когда поднимаешься на знаменитую ворошиловскую лѣстницу. Мѣсто, гдѣ отлетѣлъ кусокъ въ осаду 11 апрѣля, (1854) задѣлано металломъ, со вѣтанкою ядра.

Мы выѣхали ночью. Первые двѣ станціи идутъ берегомъ моря, подлѣ самыхъ волнъ. Казалось, волны плескали въ колеса телеги, и шумъ ихъ отдавался въ тишинѣ, подобно раскату по мостовой тысячи экипажей. Было что-то особенное, что-то пріятное, укачивающее, въ этомъ ночномъ невидимомъ гулѣ... но вотъ гудящіе раскаты стали затихать. Дорога повернула влѣво. Мы пріѣхали въ селеніе Варваровку и опять къ ночи, а надо было переправляться черезъ Бугъ, версты двѣ по тошккому льду, который весь былъ въ окошкахъ. Опять не нашлось проводниковъ, и мы волей, или неволей перепочевали

въ Варваровкѣ. На зарѣ явилось шесть человѣкъ такъ называемыхъ *лоцмановъ*, въ башлыкахъ, въ толстыхъ еуконошныхъ сермягахъ и съ особенными желѣзками подъ сапогами, чтобы не раскатываться по льду. Они взяли наши вещи; и мы пошли гурьбою къ рѣкѣ. Но едва мы ступили на ледъ, какъ насъ понесло вѣтромъ. Никакъ нельзя было держаться, даже съ помощью подкованныхъ лоцмановъ; мы съли на салазки, куда сложены были наши вещи, и покатались. Вести было легко, по причинѣ душаго въ спину вѣтра. Мы служили парусомъ. Платеро лоцманомъ, ухватясь за деревки, не шли, а бѣжали, подгоняемые сапими. Шестой, съ небольшимъ багромъ въ рукѣ, шелъ, катясь, впереди и указывалъ дорогу, безпрестанно пробуя ледъ. Скоро мы очутились среди рѣки, на ледяной, и, казалось, безконечной равнинѣ. Кругомъ мело и крутило снѣжную пыль, и за цею нельзя было разглядѣть береговъ. Закутавшись въ шубу, я смотрѣлъ на снѣжій, прозрачный ледъ, по глади котораго несло вьющимися полосами мелкія снѣжинны, и, приглядѣвшись, казалось, что мимо насъ несутся волны... но вотъ, сквозь снѣжную пыль, стали являться зданія Николаева и деревня, ~~и~~ ~~ложія~~ на неподвижный дымъ. Мы причалили и, оставивъ салазки подъ берегомъ, начали подыматься въ гору великолѣпнымъ садомъ, мимо бесѣдокъ, засыпанныхъ снѣгомъ. Николаевъ произвелъ на насъ самое выгодное впечатлѣніе: свѣтлые дома, прѣмыя, широкія улицы. Не потому ли все это такъ свѣтлось, что кругомъ сіялъ только что выпавшій снѣгъ, которому мы чрезвычайно обрадовались. Разумѣется, являсь на станцію, мы потребовали сапи. Такъ-какъ къ снѣгу завернулъ и морозъ, то надо было кушить теплые сапоги, или кельги. Но кельгъ мы не нашли въ цѣломъ Николаевѣ и обулись въ медвѣди. За Николаевымъ становится замѣтнѣе однообразіе Херсонскихъ степей. Вплоть до Симферополя идетъ какъ бы одна и та же степь, исчерченная безчисленными дорогами, съ воз-

вышающимися кое-гдѣ извѣстными курганами. На станціяхъ не спрашивайте ничего: съ трудомъ найдется кусокъ чернаго хлѣба. Лѣсъ и сосъ царствуютъ на всемъ необъятномъ пространствѣ стени. Лѣсъ даже брать доньги. На бѣду мы попали туда въ такую пору, когда нельзя было скоро вѣхать. Чудеса происходили на станціяхъ. Это было переходное состояніе почтовыхъ дворовъ отъ частныхъ лицъ въ казнѣ. Мы пересѣли въ телегу, можно сказать, еще среди зимы: стенью, по сторонамъ большой дороги, лежалъ снѣгъ и былъ прекрасный санный путь. Пришлось опять колотиться *по груди*. На бѣду ямщикомъ попался Татаринъ, не говорившій по-русски и не знавшій дороги. Въѣхавъ въ Перекопъ, онъ подвезъ насъ къ какому-то дому и сказалъ: *нушта!* то есть, почта. Но это оказался частный домъ, а почта была еще далеко. Лошади не довели и стали среди груди. Мы пошли ишкомъ и спросили, гдѣ трактиръ. Намъ указали черезъ дорогу на свѣтнншееся зданіе. Мы перешли по мерзлымъ кочкамъ грязи, и нашимъ взорамъ предсталъ бильярдъ, на которомъ спалъ какой-то господинъ. Сонный трактирщикъ объявилъ, что ничего итъ, все вышло! Мы вернулись на станцію и спросили у смотрителя: итъ ли чего закушать? — Ничего итъ! отвѣчалъ онъ. — Да итъ-ли хоть чернаго хлѣба? — итъ! — На полу, у печки, лежалъ какой-то казакъ: онъ ежился надъ нами, всталъ и сказалъ, что найдетъ хлѣба. Черезъ итъсколько времени онъ принесъ ломоть. — А соли? — Сейчас! — На солью надо было снова бѣжать черезъ улицу. Онъ принесъ и соли въ горсти и высыпалъ на столъ. Мы поспѣшили выѣхать. Безконечно тонулась стень со своими станціями. На одной изъ нихъ какой-то добрый геній въ видѣ русскаго полковника предложилъ намъ франзолъ, т. е. французскій хлѣбъ, и мы нанесли съ нимъ чаю. Тутъ же, откуда ни возьмись, нашъ обратный курьеръ изъ Севастополя. Онъ далъ намъ жареную куропатку и совѣтовалъ закусить съѣтнымъ въ Симферополѣ.

Но въ Симферополь мы попали ночью. Однако достучались въ гостиницу *Золотого Якоря* и добыли ветчины. За Симферопольем виды измѣнились: показались горы и въ небѣ орлы. Къ Бахчисараю горы стали выше, а дорога труднѣе. Поминутно приходилось переѣзжать глубокіе горные ручьи. Десятки конскихъ труповъ разбросаны были по садамъ и въ полѣ. Къ счастью, подъ самымъ Бахчисараемъ, — на ужасной стациіи по глинистымъ косогорамъ, размытымъ тающими снѣгами, — намъ попался лихой ящикъ, Русскій и вмѣстѣ Татаринъ. Онъ родился въ татарской деревнѣ, говорилъ бойко по-татарски и имѣлъ нѣкоторыя татарскія ухватки, но смѣтливость въ немъ осталась русская. Удивительно спускалъ онъ въ ручьи, объѣзжалъ косогоры, крича на Русскихъ по-русски, по-татарски на Татаръ, которые шли при обозахъ, запряженныхъ волами и верблюдами. Онъ былъ боекъ на все, зналъ названія горъ и переводилъ ихъ по-русски. «А знаешь ли Чатырдагъ?» — Какъ не знать! По русски Палать-гора; но отсюда ея не видать, а видно съ Алматинской стациіи, и то въ ясную погоду! — Съ этимъ лихачемъ мы подѣхали къ Бахчисараю, ница глазами ханскихъ дворцовъ, съ ихъ садами и фонтанами. Но они были въ концѣ города, который весь остался влѣвѣ. Заѣзжать было некогда. На стациіи, окруженной нѣсколькими домиками, какъ бы выселками изъ города, мы велѣли переложить лошадей, а между тѣмъ зашли къ Ииду закусить. Какой-то офицеръ сидѣлъ уже за столомъ и завтракалъ. На окнѣ подлѣ него стояла машинка съ музыкой, которую онъ безпрестанно заводилъ. Только что она перестанетъ, онъ сейчасъ въ карманъ за ключемъ, — тррр! тррр! — и пошла опять музыка. Идиовка подала намъ презрительный супъ и жаркое. Мы пообедали исправно, и притомъ подлѣ музыку. Поѣхали опять между горами, обгоняя безчисленные обозы. Виды стаповились лучше и лучше. И вотъ Дуваика, послѣдняя стациія передъ Севастополемъ! Почтовый дворъ — длинненскій

домикъ татарскаго покроя, съ черепичной крышей, и сзади — высокія горы.

Село раскинуто ниже, въ лощину, домъ надъ домомъ; а эллими оная идутъ горы ешею полосой, и по ней свѣтлыми столбами встаютъ снизу пирамидальныя тополя. Вся Дувака просится въ картину. Мы поѣхали удивительными мѣстами. Направо, надъ нами, высились горы, въ выдавшихся подъ камешными утесами, на которыхъ были видны слѣды плескавшего въ нихъ когда-то моря, такъ по крайней мѣрѣ казалось. По гребнямъ иныхъ небесныхъ холмовъ чернѣли шикіе, приземистые дубчики, прицѣпившіеся подобно грибамъ. А нѣтъ, внизу, темнѣли сады, съ густовѣтвистыми грушами и чистымъ, веселымъ орѣхомъ. Посрединѣ бѣжала какап-то рѣчка, и разбросанныя хаты лежали по утесамъ; а за ними, дальше, горы и горы... По сердцу билось, и намъ было не до видовъ. Неужели тутъ, сейчасъ, Севастополь? непрітели? осада? Мы въѣхали на горы и ожидали скоро увидѣть городъ. Оставалось верстъ шесть-семь; но Севастополь не появлялся. Казалось, мы въѣзжали на послѣднюю гору, за которой долженъ былъ открыться городъ; но за этой горой слѣдовала еще другая, выше, и еще испытаніе нашему терпѣнію. Городъ показывается не ближе, какъ верстахъ въ четырехъ. — Отдаленная гора и по ней разсыпаны строения. Впереди сияла бухта съ кораблями. Направо и нѣтъ горы, а вдали море и тоже корабли. Когда мы подѣзжали, не было никакихъ выстрѣловъ, ничего. «Гдѣ же непрітель? гдѣ наши?» Ящикъ-Татарченко ничего не могъ намъ объяснить и, притомъ, едва говорилъ по-русски. Сперва онъ указалъ на палатки нѣтъ и сказалъ: «вотъ тутъ Французъ!» а потомъ, поворочавшись немножко, сказалъ: «нѣтъ, тутъ не Французъ, а Французъ таятъ!» Мы больше его не спрашивали и все глядѣли на городъ, ожидая выстрѣловъ. Немного погоды, прямо противъ насъ, но очень далеко, какъ бы

за городомъ, вилмлась бомба; уже пещерѣло и потому было видно ея полетъ, обозначившійся огненной полосой. Потомъ поднялось еще двѣ-три въ перестрѣлку, слабый звукъ долетѣлъ послѣ. Мы все вѣхали прямо, спускаясь въ лощину. Налѣво, очень близко, у бухты, показалось нѣсколько домиковъ, похожихъ одинъ на другой. Дорога поворотила вправо, и мы останавливаемся у стаціи — довольно большаго каменнаго дома, съ огромными закоптѣлыми окошками. Предполагалось много комнатъ, но комната, принадлежащая стаціи, была одна, — и что за комната! Въ углу, направо за досками, была сыпавъ опесъ; въ другомъ стояла кровать смотрителя; налѣво, подъ окнами, еще кровать, на которой спалъ какой-то офицеръ; посрединѣ была устроенъ столъ, изъ доски на двухъ камнѣхъ; на окнахъ и по угламъ стояли ружья и полусабли. У печки, въ родѣ лежанки, сидѣли на разныхъ почтовыхъ тюкахъ и на чемъ попало нѣсколько офицеровъ, въ шинеляхъ и въ фуражкахъ, или въ папахѣхъ; кипѣлъ самоваръ, и видѣлась бутылка съ ромомъ. Еще нѣсколько лежали на опесѣ. Полеъ былъ каменный ¹⁾. Мы вынули изъ телеги вещи, бросили тутъ же въ кучу на полеъ, и пошли являться по начальству.

Штабъ расположенъ въ одномъ изъ непогихъ однообразныхъ домиковъ, или такъ называемыхъ бараконъ, которые мы видѣли, подѣвжая, у бухты. Въ остальныхъ помѣщаются госпитали. Затѣмъ плетъ небольшая площадь; пройди ее, къ бухтѣ, налѣво же, стоятъ два каменные сарая; тотчасъ за ними пристань, и домикъ въ одинъ этажъ, въ три окна, въ которомъ жилъ главнокомандующій ²⁾. Отъ этого домика на право въ гору — четвертый номеръ укрѣпленія ³⁾, и рядомъ палатка, называемая *Одесской*

¹⁾ Въ Севастопольскомъ Альбомѣ, издавомъ мною, рисунокъ 2-й.

²⁾ Тамъ же рисунокъ 4-й.

³⁾ Не надо смѣшивать этого укрѣпленія съ 4-мъ бастиономъ, находившимся на Южной сторонѣ.

Гостиница ¹⁾). Еще дальше, по горѣ, идутъ палатки торгующихъ разными съветными принасами. Тутъ же палатки одной роты Якутскаго полка; множество разныхъ экипажей — тарантасовъ, телегъ, жидовскихъ будъ, молдаванскихъ каруцъ, татарскихъ арбъ — наставлено тутъ же безъ всякаго порядка. Лошади, верблюды, волы кормятся подлѣ, и при нихъ безотлучно живутъ ихъ хозяева. Подъ возами лаютъ собаки. Вы видите вѣчное движеніе въ гору и съ горы къ бухтѣ, на пристани и около бараковъ. Солдаты, ямщики, Татары, Молдаваны и Русскіе слують взадъ и впередъ, то пѣшіе, то верхами. Но больше всего солдатъ и офицеровъ. Поднявшись на гору, мимо четвертаго номера, вы увидите позади его большой оврагъ, по тамошнему *балку*; и новую бухту, на берегу которой разбросано нѣсколько домиковъ; потомъ гора и повал балка, и въ ней опять строенія и бухта. Вдали, на выдавшихся мысахъ, огромными массами выдвигаются два форта: Михайловскій и Константиновскій, которые обыкновенно посятъ ими батареи или казармъ ²⁾). Гораздо правѣе и ближе идетъ укрѣпленіе, называемое Сѣвернымъ — и вотъ *вся Сѣверная сторона*. Однако же это не городъ: городъ за главной бухтой, его видно отсюда, но до него полторы переты водой, хотя и кажется ближе. Вы видите множество зданій, раскинутыхъ по горѣ и подымающихся неровными зубцами по ея окраинѣ. Выше всѣхъ стоитъ библіотека. Сокровища ума царствуютъ надъ городомъ, не болѣе никакихъ выстрѣловъ. Лѣвѣе, почти прямо противъ Сѣверной пристани, идетъ еще гора, также покрытая строеніями. На третьей горѣ ихъ уже меньше, и наконецъ идутъ голыя горы, которыхъ возвышенныя точки заняты нашими и непріятель-

¹⁾ Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 3-й.

²⁾ Тамъ же рисунокъ 32-й.

сбили батареи. Осады не видать: она тамъ, за краемъ, и оттуда взлетываютъ бомбы.

Я отдѣлялся раньше товарища и пошелъ въ Одесскую гостиницу. Хозяинъ палатки, между прочимъ, нашъ военный маркизъ, какъ-то скоро со мной познакомился. Его зовутъ Александръ Ивановичъ. Въ его палаткѣ чего хочешь, того просишь: на полѣ, у самой парусиной стѣнки, стояли боченки съ виномъ, масломъ, пкрой и селедками. На нихъ — банки съ огурцами, грибами, пшчулями. На прилавкѣ, посрединѣ, громоздился ящикъ съ конфетами, сигарами, сухарями; подъ потолкомъ началась рядами сушеная рыба, колбасы, харьковскіе крекелы. Ишны гирлянды попортившихся лимоновъ и нигуда негодной колбасы висѣли единственно для симметріи. Въ задней части палатки, изъ трехъ кирпичиковъ, сложена была печь, вѣчно дымящаяся: тамъ пекли блины, поджаривали рыбу.... Три расторопныхъ прикащика бѣгали изъ угла въ уголь, услуживая безконечнымъ посѣтителемъ, изъ которыхъ кто сидѣлъ, кто стоялъ. Найти мѣсто было трудно. Два небольшіе столика, по обѣ стороны ширмъ, на которыхъ собирались почевать куры, были уже заняты. Александръ Ивановичъ устроилъ мнѣ пристраище на прилавкѣ и обѣщалъ напоить чаемъ; а чай у него отяичный, московскій, и лучшал въ городѣ вода, чистая, какъ стекло, пропускаемая сквозь машину. Съ тѣхъ поръ, какъ неприятели заняли рѣку, жители довольствуются колодцами. Но Александръ Ивановичъ беретъ воду въ какой-то Голландіи, верстахъ въ двухъ отъ города, откуда носить ее солдаты въ бочечкахъ и получаютъ отъ него по чаркѣ водки и, кромѣ того, особое награжденіе деньгами. Всѣмъ дѣло до Александра Ивановича и всѣ его знаютъ. Онъ извѣстенъ даже первымъ саовникамъ города. Александръ Ивановичъ никогда не почуветъ въ палаткѣ, потому что тамъ холодно, а имѣетъ пріютъ на почъ на пароходѣ, а не тѣ на кораблѣ. Александръ Ивановичъ всегда

всегда. Онъ не можетъ говорить съ вами безъ улыбки, иль сколько илутовской, выражающей больше самодовольствіе, нежели смѣхъ; больше «ты, моля, тамъ что ни толкуй, а мы знаемъ, что знаемъ.» Костюмъ его — пальто иль шпнель, подпоясанная крестъ на крестъ шарфомъ; на головѣ — особенный картузъ, немного старомодный. Черезъ плечо перекнута сумка, гдѣ прѣпасть великой мелочи; но онъ ей никому не дастъ и увидѣть всегда такъ открыть сумку, что вы не увидите денегъ, или увидите два двугривенныхъ и рубленую бумажку. «Вотъ послѣднія!» скажетъ вамъ Александръ Ивановичъ. Въ его сумкѣ двадцать перегородокъ... Таковъ Александръ Ивановичъ. Онъ наполнилъ меня чаемъ и потомъ моего товарища, который, между тѣмъ, подошелъ; вѣзъ съ насъ не дорого, дешевле книшневскаго. Порція у него, какъ и въ городѣ, по таксѣ, установленной Остенъ-Сакеномъ ¹⁾ — двадцать-пять копѣекъ. Провизія свѣжая, прекрасная. Однако, надо было проститься съ Александромъ Ивановичемъ и подумать о переправѣ. У насъ не было ни пароходовъ, ни кораблей для ночевки. Мы спустились прямо подъ гору, къ пристани; но шлюпки уже перестали ходить: было семь часовъ, а послѣ этого часу запрещено плаваніе по бухтѣ. Мы постояли у моря, поглядѣли на черпѣющія массы кораблей и пошли на станцію. Въ комнатѣ, которая за два часа кинѣла народомъ, не было ни души. Я осматрѣлъ печи: онѣ лежали, какъ были положены. Немного спустя стали приходить тѣ же офицеры и располагаться спать на овецъ. Мы съ товарищемъ легли тутъ же и черезъ минуту заснули. Часа въ три утра меня разбудило какое-то движеніе и шумъ. Слышно было сильную стрѣльбу. Я всталъ и вышелъ за ворота; тамъ уже толпилась кучка народу. Встали два-три офицера и толко-

¹⁾ Генералъ-адъютантъ баронъ (иногда графъ) Остенъ-Сакенъ былъ тогда начальникомъ гарнизона въ Севастополѣ.

вали, что бы значила эта стрельба; а солдаты, стоявшие около насъ, разсуждали такъ: « ишь ты расхотился! то было смолкъ, а то опять! давно ужъ такъ не палилъ! » О неприятелѣ говорятъ здѣсь обыкновенно въ третьемъ лицѣ: *онъ, намъ, смолкъ...* Бомбы огненными полосами рѣзали небо, тамъ, далеко, на краю; а лѣвѣе, на бугрѣ, шла частая ружейная перестрѣлка. Я поглядывалъ немного и, ничего не понималъ и порядочно озлобился, воротился на овесъ и опрѣшь уснулъ. Товарищъ мой и не просыпался. Мы встали утромъ довольно поздно и узнали, что было дѣло на новомъ редутѣ, у Килебалки, и что наши крѣпко его побили. Взявъ вещи, мы отправились къ переправѣ, по хотѣли зайти къ Александру Ивановичу. Солдаты, несшие вещи за нами, сказали, что будутъ ждать насъ — тамъ, у пристани, въ сараѣ. Мы махнули рукой и поднялись въ гору, къ Одесской гостинницѣ.

Александръ Ивановичъ встрѣтилъ насъ разсказомъ о славномъ ночномъ дѣлѣ и указавъ черезъ бухту мѣсто, гдѣ дрались. Толпившіеся въ палаткѣ офицеры только и говорили, что объ этомъ дѣлѣ. Слышались разныя вѣсти, полки перепутывались, пачальники также. Не было двухъ сходныхъ показаній, между тѣмъ, событіе было такъ недавно и такъ недалеко...

A pomyslałem w duszy, cóż są gminne dzieje?
 Popiół, w którym zaledwie iskra prawdy tleje;
 Hieroglif mchem zarosłe zdołający kamień.
 Napis, którym spowite usnęło znaczenie;
 Odgłos sławy wicjący przez lat oceany,
 Odbity o wypadki, o kłamstwa złamany,
 Godzien śmiechu uczonych.... Lecz nim się zaśmieje,
 Niechaj powie uczone: «Czém są wszystkie dzieje?» ¹⁾

¹⁾ «И подумалъ я въ душѣ: что такое народное повѣствованіе? Пепелъ, въ которомъ едва тлѣетъ искра правды; гьероглифъ, украшающій поросшія мхомъ камени; надпись, которую повѣсто уснуло значеніе; отголосокъ славы,

Иногда вставити и расширяеть у самих Волынцевъ и Солонгитцевъ, а еще можно прочесть у Французовъ, и въ настоящую минуту могу разсказать объ этомъ дѣлѣ нѣсколько точнѣе и подробнѣе, нежели разсказалъ моимъ читателямъ, печатавъ въ первый разъ «10 дней въ Севастополѣ».

9-го февраля (1855), въ сумерки, мы заложили на Корабельной сторонѣ, влѣво отъ Килебалки, редуть, получившій потомъ названіе Солонгинскаго. Работа¹⁾ шла очень тихо, по причинѣ каменитаго грунта земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ должно было употреблять взрывы. Къ вечеру, 11-го февраля, ровъ передъ правымъ фасомъ редута, — гдѣ грунтъ былъ немного податливѣе, — углубленъ аршина на два, а съ лѣваго фаса не болѣе аршина, и поставлены туры²⁾, по орудію ввезены еще не были.

Французы тотчасъ замѣтили наши новыя работы. Капроберъ 11-го числа, утромъ, лично осмотрѣвъ мѣстность изъ ближайшихъ траншей и далъ приказаніе Генералу Боскѣ атаковать наши новыя верки.

Боскѣ назначилъ для этого: 2 батальона зуавовъ³⁾ (500 человекъ каждый), 1 батальонъ 4-го морскаго полка, 1 баталь-

иющій черезъ окопы лѣтъ, обитый в случайности, изломанный обь ложь, достойный сѣдла ученымъ.... Но прежде, чѣмъ засѣдется, пускай скажутъ ученымъ, что такое всякое повѣствованіе, всякая исторія». . (Рорас xv Pri-
slo.)

¹⁾ Работали три батальона Солонгинскаго полка.

²⁾ Круглая плетенка изъ прутьевъ, вышитою въ полчеловѣческаго роста. Надъ нею дѣлали брустверъ и траверсы батарей, насыпая туръ землею и камнями. Въ Севастопольскомъ Альбомѣ туры можно видѣть на рисункахъ: 11, 38 и 87-мъ.

³⁾ Зуавами называются у Французовъ особая войска, имѣющія свою форму: куртку изъ ситнаго сукна, вышитую разноцвѣтными шурками, всегда разстегнутую. Подъ нею роль машики. Галстунъ на шеѣ нѣтъ. Алыя шаровыя шаровары суживаются въ концѣ ноги, немного ниже колѣна, какъ у Турокъ, и на поясѣ обхватываются широкимъ шарфомъ. Обувь составляютъ осо-

онъ 6-го линейнаго и 1 батальонъ 10-го линейнаго полковъ¹⁾. Генераль Мерапъ, командующій 3-й дивизіей 2-го корпуса, избранъ управлять атакой, а на дѣлѣ атака поручена генералу де Моцѣ.

Въ 11 часовъ все было готово. Французскія войска помѣстились въ траншеяхъ, сзади второй параллели. Справа батальонъ зуавовъ, подѣ командой Лакретеля и полковника Клера; въ центрѣ моряки, съ генераломъ де Моцѣ; Слева другой батальонъ зуавовъ, подѣ командой Дарбуа.

Два батальона 6-го и 10-го линейнаго полковъ, подѣ командой подполковника Дюбб, должны прикрывать наступленіе.

У насъ въ это время на заложеномъ редутѣ находились два

быя сапалаи, а иногда п башмаки. На головѣ красная феска съ синей кистью. — О происхожденіи зуавовъ написано во Франціи нѣсколько статей, съ тѣхъ поръ, какъ зуавы, по возвращеніи изъ Крыма, вошли въ моду. Вотъ что говорить объ нихъ журналъ *Volent*, замѣтуя свои свѣдѣнія изъ статьи Лео Леспеса: «батальоны зуавовъ состояли первоначально изъ Кабилонъ, племени Зуау, отборныхъ вѣхотницевъ Ажирскаго Дея, которыхъ взяли во французскую службу маршалъ Клозель, въ 1830 году. Мало по малу къ зуавамъ стали прибавлять лучшихъ солдатъ французской арміи, усвоившихъ себѣ жизнь туземцевъ. Нынѣ въ зуавскихъ полкахъ собраны самыя разнообразныя стпхія. Большинство представителей приходится на долю Парижа. На роту (125 ч.) полагають: десять медицинскихъ студентовъ, окончившихъ курса; пять докторовъ нравъ, возлюбившихъ военное ремесло; десятокъ всякаго сброда изъ Антуанскаго предместья, притоца Парижской сволочи; отъ-восьми до двѣнадцати разжалованныхъ унтеръ-офицеровъ; подожимы разорившихся промышленниковъ; остальное — бродные сыны всѣхъ восьмидесяти шести департаментовъ. Старыхъ кадровыхъ солдатъ, отличенныхъ шевронами, называютъ въ зуавскихъ полкахъ «Магохетани». Обыкновенное прозвище зуава — «шакаль», и еще «шаградсуг», то есть человекъ, который умѣетъ воспользоваться чѣмъ-нибудь чужимъ, для матеріальныхъ наслажденій, умно, ловко и смѣло.»

¹⁾ Такъ говорить Базанкуръ: *l'expédition de Crimée, livre 1, p. 187*. Но по словамъ пѣвчихъ, взятыхъ нами въ этотъ день, у нихъ было: 3 батальона зуавовъ, 2 батальона Венскихъ стрѣлковъ, 1 батальонъ моряковъ и весь 43-й линейный полкъ. Въ резервѣ стола дивизіа Англичанъ.

полка Польинский полкъ (до 2-хъ тысячъ человекъ) и 3 батальона Селегинскаго, (до 1500 ч.). 4-й батальонъ этого полка оставался въ Корабельной и приходилъ на работу днемъ, а тѣ три уходили. — Кромѣ того были небольшія команды саперъ, моряковъ и человекъ 12—15 пластуновъ. Всего навсѣ находилось на редутѣ около 4-хъ тысячъ человекъ.

Расположеніе войскъ было таково: 4-й батальонъ Волынскаго полка стоялъ въ цѣпи, передъ редутомъ. Шагахъ въ 30-ти отъ этой цѣпи, подлѣ проходившей тутъ саперной дороги, помещались пластуны, съ сауломъ своимъ Даниленкой¹⁾. Па-

¹⁾ Это не было ихъ назначеніемъ только на эту ночь. Пластуны постоянно, (съ конца 1854 г.) держали секреты впереди всего лѣваго фланга и доносили о движеніяхъ непріятеля. Ихъ главнымъ пребываніемъ, *Штабъ-квартирой* слуга Даниленки, былъ старый туннель, пробитый въ скалѣ изъ Троицкой въ Георгиевскую башню, для водопровода. Тамъ, на вѣчномъ сквозномъ вѣтрѣ, пребывали эти молодцы, знаменитыя рокожками. Выйдя изъ туннеля, они бродили впереди всей Корабельной и забирались иногда довольно далеко. Однажды, въ концѣ 1854 года, они добрались до редута Викторіи и оригинально сняли часового, ставши его съ бала особорудуемымъ крючкомъ. Они употребили потомъ эти крючки перѣдко. Кромѣ того придумали еще какія-то веревки, которыя протаскивали по землѣ, во время ночныхъ вылазокъ, и рвали бѣгущихъ непріятелей. У 10-го пластуна была такая веревка, длиною въ несколько сажень; и у каждаго тонкая бичевка въ 3 четверти. Этими бичевками пластуны вязали своихъ плѣнныхъ, и вязали опять таки не просто, а по своему: стягивали изъ только 2 большіхъ пальца, руки назадъ, и потомъ одной бичевой сдѣлывали трехъ-четырехъ выветей. Такая пучка была послушна малѣйшему движенію, какъ одинъ человекъ, и не требовала много проволочныхъ. Эти веревочные способы рвать и вязать непріятеля, точно какого зѣбра, — со *mode étrange de combat* — бѣзъ ужасно Англичанъ и Французовъ. Послѣ нашей вылазки съ 4-го бастіона, 2-го генваря 1855 г., гдѣ пластуны въ особенности разнажились своими веревками и крючками, — главнокомандующій Французской арміи рѣшилъ написать объ этомъ къ начальнику войскъ Южной стороны Севастополя: «*Sans vouloir affirmer, заключаетъ онъ свое письмо: que l'emploi de ces moyens soient contraires aux règles de la guerre, il m'est peut-être permis de dire, en me servant d'une vieille expression française: «que ce ne sont point là des armes courtoises».* (Но желая утверждать, чтобы

лѣво и направо отъ нихъ были секреты въ двухъ пунктахъ, по 3 человека въ каждомъ. 3-й батальонъ Вольнскаго полка находился между цѣпью и редутомъ, шагахъ въ полтораста отъ послѣдняго. 1-й и 2-й батальоны того же полка стояли направо и лѣво, также сзади цѣпи, подкрѣпляя ея оконечности.

2-й и 3-й батальонъ Селенгинскаго полка работали внутри редута, имѣя ружья въ козлахъ, за валомъ, сзади. 1-й батальонъ того же полка работалъ во рву, на переднемъ и правомъ фасѣ, имѣя ружья также въ козлахъ, за валомъ вправо.

По тревогѣ внутренніе батальоны, т. е. 2-й и 3-й, должны были занять банкеты; а 1-й батальонъ, выйдя изъ рва, долженъ былъ построиться, противъ праваго неходящаго угла, въ колонны къ атакѣ, и поддержать правый флангъ Вольнскаго полка.

Первая половина ночи, съ 11-го на 12-е февраля, была чрезвычайно свѣтла; но не задолго до разсвѣта, луна закатилась, на небѣ сгустились тучи и настала непроницаемая тьма.

Мы никакъ не ожидали нападенія.

Въ 3-мъ часу ночи Французы подошли безъ выстрѣла, густой массой, имѣя впереди каждаго батальона по 2 роты авангарда, и небольшія команды саперъ, съ шапцевымъ инструментомъ.

Есауль Даниленко, услышавъ впереди шумъ, послалъ къ генералу Хрущову, командиру храбрыхъ Вольницевъ, казака, который не успѣлъ добѣжать, какъ уже сзади пластуновъ загремѣли выстрѣлы и раздались крики, подобныя нашему «ура»: Французы прорвались сквозь цѣпь въ нѣсколькихъ мѣстахъ и бросились на редутъ со всѣхъ сторонъ, преимущественно съ лѣваго фланга. Иные, хватаясь за туры, еще не насыпавшіе землей,

эти средства были противны правиламъ войны, я позволяю себѣ замѣтить, пользуясь одною старою поговоркой Французовъ, «что это оружіе вовсе неучтиво»).

скатывались съ нихъ въ ровъ. Многіе вскочили на валъ, и между ними генераль де Моцэ, который тутъ же ранилъ тремя пулями, но не оставилъ своего поста... наши едва успѣли взяться за ружья и скрестили съ непріятелемъ штыки надо ровомъ редута. Французы были опрокинуты мигомъ, но скоро оправлялись опять и опять едва не овладѣли редутомъ. — Волинцы смѣшались съ Селенгинцами, Французы съ нашими. Въ редутѣ и кругомъ происходила самая жестокая схватка: рѣзались, колотились, стрѣляли въ упоръ, съ трудомъ отличая въ потьмахъ другъ друга. Конечно, многимъ досталось отъ своихъ пуль... Всюду, въ кромѣшной тьмѣ, слышались крики. Тамъ Французы звали на помощь своихъ; здѣсь громко раздавалось: «ребята, сюда!» видѣ ревѣло ура! то наши, то ихъ ряды бѣжали впередъ, или отступали.

Бсауль Даниленко, бившійся со своими пластунами тутъ же, вдругъ услышалъ крики изъ темноты: «ребята, Русскіе, сюда!» — онъ бросился съ тремя пластунами на зовъ, и увидаль, что одинъ нашъ унтеръ-офицеръ отбивается прикладомъ отъ шестерыхъ Французовъ. Замѣтивъ пластуновъ, они было отшатнулись, но потомъ напали опять. Унтеръ-офицеръ былъ раненъ; на Даниленку наскочили двое, и схватили его сзади за руки, потащили. Даниленко былъ старый казакъ, лѣтъ 60-ти, уже весь сѣдой, но крѣпкій и бравый. Онъ сильно упирался, старался освободить руки; вдругъ одинъ изъ державшихъ его Французовъ, споткнулся на убитого и упалъ навзничь; Даниленко, также споткнувшись, упалъ на него, и мигомъ освободивъ правую руку, выхватилъ кинжалъ и ширнулъ Француза; потомъ выдернулъ изъ-подъ лежачаго штуцеръ и кинулся съ нимъ на другаго Француза, который его преслѣдовалъ — Французъ побѣжалъ...

Такія сцены происходили въ разныхъ точкахъ битвы.

Между тѣмъ 1-й батальонъ Селенгинскаго полка построился

право, какъ было предположено заранѣ. Полковникъ Сабашинскій раздѣлялъ впередъ цѣпь, изъ одной роты, и двинулъ батальонъ прямо въ гору, частію исполнивъ диспозицію, а частію имѣя въ виду воспрепятствовать обходному движенію непріятеля съ нашего праваго фланга. Пройдя шаговъ 500, онъ остановился и знавъ, что Французы должны быть гдѣ-нибудь близко, послалъ унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ впередъ цѣпи, полкомъ. Они проползли нѣсколько шаговъ и потомъ воротившись съ извѣстіемъ, что двѣ колонны непріятеля стоятъ въ ложинѣ очень недалѣко. По вѣзмъ вѣроятностейъ, это были два батальона 6-го и 10-го линейныхъ полковъ. Немного спустя наши услышали разговоръ офицеровъ съ солдатами: офицеры побуждали солдатъ идти впередъ.

Полковникъ Сабашинскій, собравъ цѣпь, велѣлъ ударить наступленіе и наши съ крикомъ ура бросились въ штыки. Послѣ краткаго сопротивленія, Французы бѣжали въ Георгіевскую балку, изъ которой, какъ казалось, вышли.

Въ этой стычкѣ ранено 2 французскихъ офицера, человекъ 30 убито и столько же взято въ плѣнъ.

По влѣво и сзади все еще кипѣлъ бой. Подошедшіе къ Килешбалкѣ пароходы «Владиміръ», «Громоносецъ» и «Хероносъ» стали пускать по непріятелю бомбы и гранаты. Къ нимъ присоединился и корабль «Чесма», стоявшій неподалеку на якорѣ. Выстрѣлы ихъ ложились довольно удачно и это окончательно смѣшало непріятеля. Французы отступили, устлав трупами горы и балки. Одинъ зуавъ ухватилъ за воротъ командира Волынцевъ, генерала Хруцева, и потащилъ къ своимъ рядамъ, но бывшій подлѣ гарнизета ударилъ зуава наотмашъ пинкой трубы въ голову и убилъ наповалъ.

Французы потеряли въ этой схваткѣ до 500 человекъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ 14 офицеровъ (9 убито и 5 взято въ плѣнъ ранеными. Одинъ совершенно цѣлый взятъ на

назу, однихъ звуковъ убыло изъ строю 330 человекъ. Мы потеряли убитыми и ранеными : 5 оберъ-офицеровъ и 302 человека нижнихъ чиновъ.

Должно отдать справедливость : Французы дрались отлично. Я слышалъ имъ похвалы отъ многихъ офицеровъ и солдатъ, участвовавшихъ въ бою. Русскій человекъ на это честенъ : онъ никогда не обойдетъ похвалою своего врага, если врагъ того стоить ; и никто съ такой охотою и такъ простодушно не хвалитъ, какъ Русскій человекъ.

Баронъ Остенъ-Сакенъ писалъ на 3-й день къ главнокомандующему французской арміи, между прочимъ, слѣдующее : *je m'empresse de vous prévenir que vos braves soldats morts, qui sont restés entre nos mains dans la nuit du 23, ont été inhumés avec tous les honneurs dus à leur intrepidité exemplaire* ¹⁾.

Этихъ храбрыхъ, числомъ около ста, похоронили (12 февр. утромъ) почти на самомъ мѣстѣ боя, не много ниже редута ²⁾. Было вырыто двѣ большихъ ямы : въ одной положили офицеровъ, 9 человекъ ; въ другой нижнихъ чиновъ, въ три ряда, въ томъ платьѣ, въ какомъ они были подняты. Зуавы имѣли широкіе шерстяные кушаки : ихъ размотали и закрыли ими покойникамъ глаза и потомъ засыпали землей. Католическій священникъ отслужилъ панихиду. Въ это время рота солдатъ сдѣлала залпъ изъ ружей. Точно также хоронили и нашихъ.

Это были довольно рѣдкіе похороны въ Севастополѣ. Впоследствии, когда осада приняла болѣе серьезные размѣры, уже некогда было заниматься подобными церемоніями, да и не достало-бы рукъ.

¹⁾ « Считаю долгомъ васъ увѣдомить, что ваши убитые храбрые солдаты, оставшіеся въ нашихъ рукахъ послѣ дѣла ^{23/11} февраля, похоронены со всеми почестями, подобными ихъ примѣрной стойкости ».

²⁾ Художественный Листокъ, 1857. № 8.

Читатель увидитъ ниже, какъ производились обыкновенные Севастопольскіе похороны.

Въ рапортѣ своемъ князю Меншикову, отъ 12 февраля, за № 927, баронъ Остенъ-Сакенъ также отдалъ честь храбрости Французовъ, выразившись въ заключеніе такъ : « рукопашный бой продолжался часъ и Французы сражались героими, но русскій грозный штыкъ въ рукахъ удалыхъ Волицевъ и Селегницевъ одолѣвъ, и осуществилъ отъзвъ 12-го февраля — *патискъ*. »

Панившись чаю у Александра Ивановича, мы спустились къ пристани. Наши солдаты стояли и ожидали насъ при вещахъ, подлѣ сарая, куда свозили убитыхъ. Тутъ мы увидѣли нѣскольکو жертвъ ночной схватки, подобранныхъ послѣ погребенія, о которомъ я сейчасъ сказалъ. Русскіе и Французы лежали рядомъ въ однихъ рубашкахъ и нижнемъ платьѣ, безъ обуви. Въ головахъ у Русскихъ теплились восковыя свѣчи, приткнутыя къ землѣ. Страшный видъ! Блѣдные лица, кровь, тяжелыя раны. Я насчиталъ тридцать труповъ. Два зуава поразили меня своей красотой. Они оба были черноволосые; волосы раскинулись космами по землѣ; высокіе лбы, правильныя черты, небольшие усы и бороды; у одного были голубые глаза и выраженіе лица близкое къ восточному. Калешкоровыя сорочки были чисты, брюки красныя. У другаго я замѣтилъ голубой шарфъ, и этотъ несчастный былъ еще нѣсколько живъ. Высокалъ грудь, пробитая пулей, подымалась, и онъ шепелилъ рукой. Но черезъ минуту, кажется, онъ уже не жилъ. Въ углу лежалъ, тоже убитый пулей, молодчина, русскій фельдфебель, весь въ крови... Мы вышли, съѣша освѣжиться отъ тягостнаго впечатлѣнія.

« На Графскую, на Графскую! » кричали у пристани: это означало — на Графскую пристань, въ городъ. Я шелъ машинально по доскамъ, и вкоро волны закачали яликъ — Сѣвернал

сторона съ ея трунами побѣжала прочь. Мы прошли мимо корабля «Храбрый»; за нимъ видѣлся корабль «Великій Князь Константинъ»; яликъ и катеръ неслись наветрѣчу, мчались вдали; то стихалъ, то раздавался снова плескъ весель, дружно ударявшихъ по водѣ, — и вотъ ближе и ближе удивительный городъ, ярче и ярче пестрѣющая масса зданій... Мы пролетѣли мимо Павловской батареи, этихъ страшныхъ пушечныхъ рядовъ, — всегда готовыхъ заревѣть... вотъ и берегъ! «Шабашъ!» крикнулъ рулевой; веслы попадали въ яликъ. Одинъ гребець вскочилъ съ багромъ на носъ и уцѣпился за камень... Перевозъ въ двѣ версты стóитъ копѣйку серебромъ! Иные платятъ нѣсколько дороже, но, кажется, не выше трехъ копѣекъ.

Пристань кипѣла народомъ. Налѣво, у кучи складенныхъ ядеръ, бабы торговали яблоками, яичами и разными разностями; шумѣло нѣсколько самоваровъ со сбитнемъ; толпились солдаты, матросы, мужики... Изъ намъ подбѣжали носильщики, предлагая услуги. Одинъ хотѣлъ забрать все; но мы взяли двухъ и пошли налѣво по широкой улицѣ, нѣсколько въ гору. Направо показалось прекрасное зданіе Благороднаго Собранія, гдѣ былъ въ настоящее время перевалочный пунктъ ¹⁾. Передъ нимъ, на площадкѣ, стояли пушки и сложены были въ кучахъ ядра. Позади этого зданія, высоко вверху, видѣлся бульваръ Казарскаго, и на немъ памятникъ этому герою: на бѣломъ пьедесталѣ темная, чугуниная трирема. Свѣтло глядѣлъ Севастополь. Направо и налѣво шли красивые дома и между ними соборъ, обращенный къ бухтѣ. Подлѣ него другая отстраиваемая церковь, и тутъ же, поперекъ улицы, баррикада изъ бѣлаго камня ²⁾. Но ничего разрушеннаго. Народъ двигался по улицамъ, попадались

¹⁾ Часть улицы, о которой я говорю, изображена въ Севастопольскомъ Альбомѣ на рисункѣ № 25. Домъ Собранія — рисунокъ 23. Памятникъ Казарскаго — рисунокъ 6.

²⁾ Все это въ Севастопольскомъ Альбомѣ на рисункѣ № 5.

и женщины; всего болѣе, конечно, было военныхъ, солдатъ и офицеровъ, — и все это въ шинеляхъ, въ длинныхъ сапогахъ сверхъ брюкъ и въ фуражкахъ. Нигдѣ эполеты или кивера! Городъ смотрѣлъ такъ, что не вѣрилось, будто онъ въ осадѣ. Къ тому же, ни выстрѣла! Мы прошли около версты до первой гостиницы Шнейдера: нѣтъ ни одного номера! Спросили дальше, у Томаса ¹⁾: тотъ же отвѣтъ! Что было дѣлать? Мы вспомнили объ одномъ пріятелѣ, совоспитанникѣ по Московскому Университету, К*, бывшемъ на ординарахъ при Остенъ-Сакенѣ. Мы нашли его спящимъ. Въ ночь, наканунѣ, онъ былъ при командующемъ войсками, въ дѣлѣ, и усталъ. Но сонъ прошелъ въ минуту при встрѣчѣ со старыми знакомыми; студенческое, московское сердце заговорило. Онъ жилъ тѣсно, втроемъ съ двумя другими офицерами, въ небольшой комнаткѣ, и потому пріютить насъ не могъ, но пока пріютилъ наши вещи. Мы и тому были рады. Отпустили носильщиковъ, разговорились и забыли думать, гдѣ будемъ ночевать. Судьба послала намъ пріютъ: явился одинъ гусарскій офицеръ и предложилъ намъ номеръ у Шнейдера; онъ занималъ два, и ему было много. Мы сейчасъ же перебрались. Я былъ въ нетерпѣннн видѣть скорѣе городъ, бастионы, осаду; но оказалось, что вдругъ сдѣлать этого нельзя. На бастионы пушко проводниковъ; прітомъ, Севастополь не похожъ на другіе города: чтобы ходить по немъ, необходима нѣкоторая привычка, а нето вы устанете на первой полуверстѣ: онъ весь въ горахъ и балкахъ. Обыкновенныхъ улицъ, похожихъ на великія другія улицы, немного: пять-шесть во всемъ Севастополѣ; остальное — это холмы и косогоры, покрытые стросіями, и между ними идутъ неправильныя переулки, безъ мостовой и тротуаровъ; часто даже не переулки, а не знаешь, какъ назвать: стоитъ стоймя гора; въ ней врыты

¹⁾ Объ гостиницы на рисункѣ № 25:

камень то въ видѣ ступеней, то какъ случится; дома, идущіе лѣвѣру, кажутся построенными одинъ на другомъ; между ними — то широко, точно какал площадь, то узкій корридоръ, и вдругъ спускъ внизъ по такимъ же камнямъ... а тамъ бухта въ версту шириной, и надо ждать ялика, не то обходите вереть нить кругомъ. За бухтой новый городъ. Среди мелкихъ доминокъ, разсыпанныхъ по горѣ, выступаютъ громадныя строения порфей, казармъ и батарей... Прошли мимо ихъ: тамъ еще балка, на днѣ ея нѣсколько красивыхъ дачъ... Обернитесь назадъ: тамъ бухта и море... Таковъ поэтической Севастополь, трудный для путешествій. Его никакъ не окнешь взглядомъ весь, а надо разсматривать по частямъ, и долго разсматривать.

Итакъ, въ первый день, я не видалъ осады вовсе и, отъ чего дѣлать, пошелъ къ пристани. Какъ-то тянуло на Сѣверную сторону, и все оттого, что она была чуть-чуть знакомѣе. «На Сиверную! на Сиверную!» кричалъ какой-то старикъ, стоя въ лодкѣ съ другимъ гребцомъ. Я съѣлъ къ нему; набралось еще человекъ пять-десять, и мы отчалили. Я пробылъ на Сѣверной до вечера, и все почти у Александра Ивановича. Я велушивался въ толки входившихъ и уходившихъ, вглядывался въ физиономіи. Тутъ же познакомился я съ однимъ чиновникомъ государственныхъ имуществъ В*, который занимался поставкою дровъ для арміи. Онъ жилъ давно въ Севастополѣ и зналъ хорошо все и пѣлъ. Онъ говорилъ мнѣ о тяжелыхъ минутахъ, пережитыхъ городомъ, когда шелъ непріятель и кругомъ пылали запасы корабельныхъ лѣсовъ. Ихъ зажгли сами Русскіе. Никто не думалъ, что Севастополь удержится. Адмиралъ Корниловъ одушевилъ жителей. Все бросилось на работы, и въ пять дней создали то, для чего нужны были мѣсяцы. Тотлебенъ и Фолькмутъ завѣдывали постройками батарей, и подошедшій поздно непріятель увидѣлъ семь грозныхъ бастіоновъ. Говорятъ, Сестъ-Арно изорвалъ шашку, когда узналъ, что дравшесся съ

нимъ на Алмѣ войско было у Севастополя послѣднее, было все... даже говорятъ, это ускорило его смерть. В* пригласилъ меня къ себѣ въ городъ, и мы вмѣстѣ пошли на пристань.

В* жилъ за бульваромъ Казарскаго. Проходя мимо, я увидѣлъ близко простой памятникъ, съ простою надписью: *Казарскому*.

Недалеко оттуда построена баррикада и стоятъ пушки большого калibra. Лѣвѣе, черезъ нѣсколько шаговъ, еще баррикада. Это мѣсто чрезвычайно высоко, вѣроятно, самое высшее въ городѣ. Оттуда весьма хорошо видно Чатырдагъ, несмотря на восемьдесятъ верстъ разстоянія. Съ другихъ точекъ онъ видѣнъ хуже. Домикъ В* немного ниже этой точки. Изъ него также видно не менѣе полгорода и, между прочимъ, нѣсколько бастіоновъ. Я просидѣлъ у него часовъ до девяти, говоря о Севастополѣ и дожидаясь выстрѣловъ, которые обыкновенно начинаются около этого времени, но не дождался и пошелъ домой, съ проводникомъ-Татаринномъ, который почти бѣжалъ передо мною, прыгая впотѣмахъ по камнямъ, какъ будто днемъ, то спускаясь, то подымаясь. Я безпрестанно отставалъ отъ него. Такъ мы добѣжали до большой улицы, на которой я жилъ, и расстались. Оттуда я уже зналъ дорогу. Ничего не встрѣчалось на улицахъ. Было совершенно тихо и темно, какъ вдругъ загремѣли выстрѣлы. Я чуть не воротился, чтобъ поглядѣть на полетъ бомбъ, но чувствовалъ большую усталость. Мой товарищъ былъ уже дома, и я засталъ его лежащимъ спать. Онъ былъ большой оригиналъ и флегматикъ, видалъ бомбы не разъ и ближе, и мало о нихъ думалъ. Смотря на него, и я легъ и тутъ же заснулъ. Къ утру выстрѣлы стихли. Вставъ, мы уже не слышали ничего. Напившись чаю, я переѣхалъ на Сѣверную, чтобы увидѣться съ докторомъ, княземъ Долгорукинымъ, и быть на операціяхъ. Я встрѣтилъ его у бараконъ, и мы вошли вмѣстѣ въ операціонную палату. Баракъ—это длинное камен-

ное строепіе въ одинъ этажъ. Внутри стоятъ кровати въ два ряда, направо и налево. Надъ ними родъ шкапчиковъ, куда большіе кладутъ свои вещи. Въ операціонномъ баракѣ оставлена нѣкоторая пустага при входѣ, гдѣ ставится столъ или кровать для операцій. Дальше, на кроватяхъ, лежали Русскіе и Французы, раненыя въ последнее дѣло. Французовъ было трое, и всѣ зуавы: капитанъ и два солдата. Капитану только что отпили ногу. Онъ глядѣлъ очень бодро. У него было славное лицо; большая запяшолка съ просѣдью, и густые, короткіе усы. Бѣлая повязка на головѣ въ видѣ чалмы дѣлала его похожимъ на Араба. Онъ лежалъ довольно далеко отъ дверей, вблизи которыхъ собирался дѣлать операцію одному русскому солдату, раненому пулей въ локоть. Все столнилось около этого солдата: четыре доктора осматривали рану; тѣ-три сестры милосердія ¹⁾ готовили инструменты, биты, корпію, воду; нѣскольکو солдатъ устанавливали кровать. Въ это время я подошелъ къ капитану. Онъ обратился ко мнѣ и просилъ дать знать, что онъ съѣхалъ на одинъ край кровати и можетъ упасть:

— Это моя смерть! прибавилъ онъ.

— Да не могу ли я вамъ помочь?

— Ну, пагнитеесь!

И пагнулся, онъ обхватилъ руками мою шею; но едва я сталъ приподнимать его, какъ онъ опустилъ въ пнеможеніи руки:

— Итъ... оставьте, оставьте! сказалъ онъ: — вы очень скоро!...

Черезъ минуту мы принялись снова, и въ три пріема я положилъ его какъ надо. Налево подлѣ него лежалъ зуавскій сол-

¹⁾ О службѣ сестеръ милосердія въ Крымскихъ госпиталяхъ и о времени прибытія ихъ въ Севастополь говорится въ особо-приложенной статьѣ, въ концѣ книги.

дать, бывший въ дѣлѣ подь его командой. Ему предстояла такая же операція. Лицо его было совершенно восточное, темное, но безъ бороды и съ легкими усами. Удивительно пркіе, большіе глаза блуждали въ орбитахъ. Я подошелъ къ нему и спросилъ, не надо ли ему чего. Онъ поглядѣлъ на меня и отвѣчалъ неохотно: «Ничего!» Третій лежалъ направо отъ капитана, чрезвычайно красивый, съ небольшой черной бородой, въ фесѣ и въ синей курткѣ съ шитьемъ на плечахъ и рукавахъ. Смертная тоска изображалась во всѣхъ его чертахъ; на черныхъ глазахъ какъ бы туманъ. Онъ безыкойно двигался по кровати; то приталъ руки подь одѣло, то клалъ ихъ подь голову. Пуля попала ему ниже живота и зашла въ такомъ мѣстѣ, откуда никакъ нельзя было ее вынуть. Рѣшили не дѣлать операціи, и онъ долженъ былъ умереть и, кажется, зналъ объ этомъ. На всѣ вопросы окружающихъ онъ не отвѣчалъ ни слова или отвѣчалъ неохотно. Стали дѣлать операцію солдату, дали хлороформъ; потекла кровь... операція была трудная и тянулась долго. Солдатъ все время стоная и бранился. И всегда стонуть въ этомъ страшномъ силѣ. Я съ трудомъ высмотрѣлъ всю операцію; но зато слѣдующіи мнѣ были ничего. Сестры милосердія, довольно молодыя дѣвушки, смотрятъ совершенно спокойно и безпрестанно подмываютъ текущую ручьями кровь. Ногу солдату-зуаву отрѣзали вмгъ и стали перевязывать жилы. Тутъ уже отпимають хлороформъ. Шесть человекъ держали руки; но зуавъ былъ такъ силенъ, что въ минуты невыносимой боли, когда ему приставляли къ носу тешую губку, онъ подымалъ державшихъ, крича: «*au nom de Dieu! vous me brulez! vous me brulez!*...» Капитанъ все время смотрѣлъ на операцію и одушевляя товарища: «*Tenez vous brave, mon enfant! Nous guerirons bien, voyez-vous!*» Таколь онъ былъ со своими *дѣтьми*. Но тутъ же находился, по какому-то случаю, одинъ перебѣжчикъ, — вѣроятно, его сунули туда показѣть до

распоряженій о немъ. Капитанъ зуавовъ и солдаты тотчасъ почували, что это не плѣнный, и никто съ нимъ не хотѣлъ говорить; да и Русскіе смотрѣли на него косо. Онъ былъ въ синей шинели съ короткимъ кашубономъ, бѣлокурый, съ голубыми глазами, и все какъ-то жалелъ, точно злѣбъ. Скоро и солдатузуаву окончили операцію и положили его неподалеку отъ капитана. Все удивлялись его крѣпкому сложенію; но одинъ докторъ замѣтилъ, что онъ изнуренъ, и потому... Богъ вѣсть, что будетъ!

— Зачѣмъ вы его такъ много заставляли работать? сказала докторъ капитану.

Капитанъ не отвѣчалъ ни слова. Я вышелъ и отправился по другимъ баракамъ; въ одномъ нашелъ плѣнныхъ Англичанъ вмѣстѣ съ Французами. Какая разница въ физиономіяхъ! Все были бѣлокурые, въ особенныхъ низенькихъ шапкахъ, безъ всякихъ полей, съ номеромъ напередн. Одинъ былъ въ красномъ мундирѣ, съ бѣлыми петлицами, и въ черномъ нижнемъ платкѣ; другіе — въ черныхъ шинеляхъ, похожихъ на французскія. Красный все расхаживалъ, присаживался на разныя кропачи, а тѣ два занимались писаніемъ письма. Тутъ же былъ одинъ французскій драгунъ. Онъ сидѣлъ на постели, въ одной рубашкѣ, и намазывалъ на ломоть чернаго хлѣба что-то въ родѣ масла и ѣлъ. Въ третьемъ баракѣ я увидѣлъ еще двухъ раненыхъ зуавовъ: одинъ нулей въ подъемъ ноги, другой въ грудь, и этотъ уже умиралъ. Онъ былъ очень похожъ на того, которому въ первомъ баракѣ отняли ногу, какъ будто братъ. Когда я подошелъ, онъ лежалъ съ закатившимися глазами и хрипѣлъ; но вдругъ устремилъ на меня свои большіе глаза, уже подернутые пеленою смерти, глядѣлъ съ минуту; потомъ опять глаза его закатились, и онъ захрипѣлъ. Я воротился въ первый баракъ взглянуть на тѣхъ, кому сдѣланы были операція. Русскій солдатъ смотрѣлъ совершенно спокойно и разговаривалъ со своими.

Съ капитаомъ зуавовъ говорилъ одинъ докторъ. Между прочимъ, спросили у него, женать ли онъ. Non, les femmes — c'est folie! Nous avons quelques officiers, qui sont mariés, mais... c'est folie!.. »

— Вы сходите на главный перевалочный пунктъ, въ городъ, сказалъ мнѣ Долгорукій: — тамъ Пироговъ: когда онъ дѣлаетъ операцію, надо стать на колѣни!

Но я узналъ послѣ, что Пироговъ боленъ, и мнѣ не удалось его видѣть.

Изъ бараковъ я зашелъ на время къ Александру Ивановичу. Онъ накормилъ меня какой-то маленькой свѣжей рыбкой и еще блинами. Блины у Александра Ивановича дешевле, нежели въ Кишеневѣ: двадцать копѣекъ порція, три большіе блина, а въ Кишеневѣ — два, и, притомъ, маленькихъ. Я заговорился съ нимъ и опоздалъ на переправу. Отчаливали послѣдніе ящики. Я сѣлъ на одинъ, очень маленькій, съ двумя пьяными гребцами; на руль помѣстился какой-то офицеръ, советамъ не умѣвшій править. Мы три раза палатали на катеръ и чуть-чуть не попали подъ пароходъ. Страшныя колеса пронумѣли надъ самими ушами. Къ двумъ пьянымъ гребцамъ присоедилился еще одинъ пьяный пассажиръ. Онъ все вставалъ и расхаживалъ.... Призаюсъ, когда я ступилъ на камни, мнѣ долго казалось, что они качаются и такъ же зыбки, какъ лодка. Часу въ девятомъ я былъ дома и нашелъ товарища за чаемъ. Немного погода, мы услышали выстрѣлы. Слуга, пришедшій изъ гостиной, сказалъ намъ, что непріятель пускаетъ бомбы и что четыре ушло нѣдалеко въ улицы. Мы напьемъ чаю и пошли поглядѣть; но стрѣльба стихла. Мы сѣли у воротъ одного дома на камень и смотрѣли въ сторону непріятеля. Было очень тихо и пустынно въ улицахъ. Черезъ полчаса стали подыматься бомбы съ нашихъ бастіоновъ. Мы прослѣдили бомбъ тридцать и пошли домой. Непріятель не отвѣчалъ. Мы легли спать подъ выстрѣлы,

которые становились рѣже и рѣже. Я проснулся очень рано. Можетъ быть, меня разбудила стрѣльба: непріятель опять пу-
скала бомбы. Ихъ разрывало гдѣ-то близко, но слуху налѣво.
Я подошелъ къ окну: на улицѣ уже двигался народъ, не обра-
щая никакого вниманія на бомбы. Только двое, стоявшихъ на
противоположномъ тротуарѣ, повидимому, кушцы, взглядывали
вверхъ великій разъ, какъ слышался взрывъ, и крестились; по-
тожь они начали разговаривать. Черезъ часъ стрѣльба
утихла. Товарищъ мой всталъ, и мы пошли вмѣстѣ къ своему
университетскому знакомцу. Тамъ собралось нѣсколько офи-
церовъ. Одинъ изъ нихъ намѣревался идти на шестой бастионъ,
къ начальнику 1-й линіи, капитану 1-го ранга Зорину. Я про-
силъ взять меня съ собой.

— Чтò жъ, поидемте. Я васъ представляю Зорину, и вы мо-
жете увидѣть всю линію бастионовъ, которые подъ его коман-
дой, начиная съ пятаго по десятый.

А мигъ только этого и хотѣлось.

Мы поднялись на гору, мимо бульвара Казарскаго, и, повер-
нувъ налѣво, зашли поклониться праху Лазарева и Корпилова,
положенныхъ вмѣстѣ, подъ одной доской. Надъ ними воздви-
гается храмъ Святаго Владимира. Выведешь только одинъ фун-
даментъ ¹⁾. Оттуда мы зашли въ Библіотеку, о которой я ска-
жу подробности нѣсколько ниже. Обойдя нижній этажъ, мы под-
нялись вверхъ, на открытую террасу, откуда видѣнь весь
городъ, бастионы, четыре непріятельскіе лагеря и ихъ кораб-
ли. Духъ захватываетъ отъ неописаннаго чувства восторга, ко-
гда окинешь все это глазами... Эти живописные холмы, съ
ихъ бугрищимися уацями, эти бухты, захлебнувшіеся кораб-

¹⁾ Мѣсто, гдѣ положены Лазаревъ и Корпиловъ, а потомъ Истоминъ и
Нахичевъ, изображено въ Художественномъ Листкѣ Тима, 1855, № 26.
Тамъ-же представлена и библіотека.

лыми, которымъ не даютъ простора... Боже мой! И такой городъ отдать...

Пятый и шестой бастионы отсюда ближе всѣхъ — вереты полторы, небольшие. Но видны одни казематы — каменные здания въ одинъ этажъ, гдѣ помѣщаются офицеры и часть прилуги. Дальше ихъ и соединяющей ихъ стѣны не видно ничего. Они кажутся какъ бы на горизонтѣ. Передъ ними балка съ бѣлѣющими домиками. Въ улицахъ двигался народъ. Мы спустились съ террасы и пошли по направленію къ этимъ бастионамъ и скоро пересѣкли одну широкую улицу, которая называлась *Большой Морской*. Это была некогда одна изъ самыхъ населенныхъ улицъ, съ вѣчнымъ движеніемъ и дѣятельностью. А теперь стояли брошенные дома, съ разбитыми окнами; ходившій народъ — были единственно солдаты. Встрѣтилась еще одна баба съ ребенкомъ на рукахъ и нѣсколько мальчишекъ, которые катили ядро. Имъ платятъ на бастионахъ по копейкѣ за штуку. Но все-таки видишь много валяющихся ядеръ, даже на площадкѣ, у самой Графской пристани. Потомъ мы пошли обыкновенными севастопольскими улицами, по холмамъ.

— Вотъ здѣсь недавно убило одного солдата штуцерной пулей, сказалъ мой спутникъ.

Это мѣсто было еще саженьхъ въ двухъ стахъ отъ бастионовъ. Я такъ усталъ, что хотѣлъ было сѣсть и отдохнуть; но домъ Зорина ужъ былъ не далеко. Онъ помѣщался въ немъ съ адъютантами и канцеляріею. Мы шли всѣхъ дома, за работою. Все были моряки, и все въ шинслахъ, или въ сюртукахъ безъ эполетъ. Зоринъ принялъ меня, какъ стараго знакомаго. Мы сѣли закутить. Со мной рядомъ сѣлъ Ахбауеръ, бывшій адъютантъ Шильдера; онъ былъ здѣсь старшимъ сапернымъ офицеромъ и завѣдывалъ работами на шестомъ и шестомъ бастионахъ. Онъ предложилъ мнѣ идти съ нимъ послѣ обѣда на пятый бастионъ. Надо было идти мимо стѣны, построенной еще давно и неко-

ченной. Внутренняя часть каземата была во многих мѣстахъ пробита насквозь, и послѣ того пробитыя завалены камнями. Крыша сбита совсѣмъ. На ней замѣтна небольшая земляная насыпь, и посрединѣ стоитъ нѣсколько туровъ.

По всему двору были видны земляныя насыпи съ отверстіями, обдѣланными въ рубль. Это землянки солдатъ, или, какъ зовутъ на бастионахъ, блиндажи, но солдатски — курлыги. Фасъ бастиона, обращенный къ неприятелю, состоялъ изъ землянаго вала, боченковъ, мѣшковъ съ землей и туровъ. Въ валу продѣланы амбразуры, зашавъшенные веревочными щитами, введёнными Зорлинымъ, потому что деревянные разбивало ядрами и даже пулями, и щепками било прислугу. Въ амбразурахъ стоятъ пушки, преимущественно морскія, большого калибра; внизу, у лафетовъ, сложены въ пирамиды ядра, свалена картечь, патроны; протягивается толстый канатъ, сдерживающій орудіе, когда отдастъ его выстрѣломъ; мотаются талп — особенныя веревки съ блоками; палъ вышиною сажени въ двѣ. Вокругъ сдѣланы ходы по доскамъ; на нѣкоторыхъ стоятъ вахтенныя съ трубами, слѣдя за неприятелемъ. Нѣсколько штуцерныхъ стоятъ тутъ же, и каждый ожидаетъ случая выстрѣлить. На дворѣ всегда кипитъ работа: роютъ блиндажи, возятъ землю, офицеры ходятъ между работающими, наблюдаютъ, кричатъ; садятся на пушки и разговариваютъ другъ съ другомъ, нѣсколько не думая о пуляхъ, которыя иногда звѣшаютъ объ то орудіе, гдѣ они приеѣли... А вотъ въ амбразурѣ, на полу, помѣстился цѣлый десятокъ матросовъ, поставили котель и ѣдятъ кашу. Одинъ, пожалуй, расскажетъ вамъ, какъ вчера убило у нихъ товарища на этомъ самомъ мѣстѣ. — Вдругъ вахтенный кричитъ: «бомба»! или «паша ѣдетъ!»¹⁾ Чугунный шаръ хлопается на дворѣ; кто

¹⁾ То-есть, «къ намъ, на бастионъ». О бомбахъ, летящихъ черезъ бастионъ, или совсѣмъ въ другую сторону, вахтенный не остерегаетъ.

прилегаеть, кто остается такъ; бомбу разорвало, осколки, жужжа, летять надъ головами, и опять все пошло по прежнему. Путь вамъ бастионъ и жизнь бастиона! Впрочемъ пятый бастионъ не изъ самыхъ опасныхъ. Здѣсь траншеи непріятелей саженихъ въ 250. Я взглянулъ въ отверстіе щита у одного орудія: далеко въ полѣ шелъ едва замѣтный желтый валъ, сливался съ грунтомъ земля — то были траншеи непріятелей. Мѣстами высккипала дымокъ — выстрѣлъ изъ штудера, но безъ звука, — и только. Больше никакой жизни; никто не показывается изъ-за вала, и не вѣришь, что тамъ много народу. А, между тѣмъ, смерть помпучно несетя изъ-за этого безжизнешаго вала... Французы очень осторожны. Впослѣдствіи я глядѣлъ на ихъ траншеи по цѣлымъ часамъ — ничего, крокъ вала. Если покажется кто нибудь, то верстахъ въ двухъ, или еще дальше.

Познакомясь съ бастиономъ, я сталъ рисовать разбитую стѣну каземата, прислонясь спиной къ мѣшкамъ на валу. Пули безпрестанно ложились черезъ валъ и шелкали въ камни заданія. Я боялся за работавшихъ во дворѣ; но ничего не случилось. Потомъ я накиннулъ два лагери, англійскій и французскій, въ трубу, которую мнѣ держалъ матросъ. Мы загородились мѣшками и были безопасны отъ выстрѣловъ. Я такъ зарисовался, что забылъ о пуляхъ и уже не слыхалъ ихъ свиста. Матросъ, соскучаясь, или уставъ держать трубу, сталъ обкладывать ее камешками, которые доставалъ тутъ же на валу, безпрестанно высовываясь. Я замѣтилъ ему это. «Ничего, ваше благородіе!» отвѣчалъ онъ, какъ обыкновенно отвѣчаетъ русскій челоувѣкъ. Въ это время пуля ударила въ мѣшокъ, противъ моего уха.

— Видишь! сказалъ я.

— Пулька! отвѣчалъ онъ, несколько не перемѣняя положенія и глядя черезъ валъ, какъ будто не его дѣло.

Вообще наши очень неосторожны. Когда нужно идти трапезнями, идутъ гдѣ случится, поирямѣе; часто высовываются

изъ за нилл. Или ужъ такъ смѣло созданъ русскій человекъ! Мнѣ рассказали такой случай, — кажется, уже извѣстный всѣмъ; но я его повторю, какъ слышалъ тамъ: летѣло передъ бастиономъ стадо дрохвъ. Наши выстрѣлили въ одно время съ Французами: четыре дрохвы унало между ними и нами. Долго никто не рѣшался итти подымать. И что жъ? первый пошелъ Русскій, одинъ офицеръ, поднялъ двѣ дрохвы, а двѣ оставилъ имъ, сказалъ: «возьмите — можетъ и наши!»

Я кончилъ рисовать. Меня окружили офицеры: артиллеристы и моряки. Лейтенантъ Марковъ, командующій на бастионѣ, пригласилъ взглянуть на его блиндажъ. Это была небольшая подземная комнатка, съ печью и кроватью. Правда, въ ней едва можно было повернуться; но зато тепло и совершенно безопасно отъ бомбъ¹⁾. Я нарисовалъ и ее и простился съ храброй семьей пятаго бастиона.

Уже вечерѣло, когда я воротился къ Зорину.

Во время ужина пришли доложить, что противъ 6-го бастиона непріятель возводитъ багарею и ставитъ пушки. Зоринъ велѣлъ сдѣлать до пятидесяти выстрѣловъ съ пятаго бастиона ядрами и до ста съ шестаго бомбами. Скоро загудѣли выстрѣлы, и у насъ затряслись окна и двери. Я не дослушалъ до конца и заснулъ. Знаю только, что непріятель не отбѣчалъ.

На другой день, 15 февраля, я пошелъ на 6-й бастионъ, имѣя провожатымъ матроса. Шестой бастионъ совершенно похожъ на пятый: такой же казематъ, немного цѣлѣе; такого же устройства валъ, непріятель почти въ такомъ же разстояніи. Тутъ я познакомился съ лейтенантами Шемякинскимъ и Гедесоновымъ и комендантомъ бастиона, полковникомъ Лидовымъ, человекомъ весьма простымъ и добрымъ, но столько же точнымъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Онъ едва не взялъ меня подъ

¹⁾ Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 7-й.

арестъ, давъ секретное приказаніе не выпускать меня, покуда не буду гъ наведены справки, и все это потому только, что я былъ въ другой формѣ, невиданной на бастионахъ. Я ничего этого не зналъ. Онъ самъ мнѣ разсказалъ послѣ очень просто. Мы пошли траншеями въ блиндажъ Шемякина, который былъ въ четверти персты отъ бастиона, подлѣ батареи, называвшейся Шемякинской, или Польшковой. Я сталъ рисовать морскія орудія. Пули безпрестанно поевпстывали черезъ валъ; но я уже къ нимъ привыкъ. Потомъ мы вошли въ блиндажъ: явился хересъ, сыръ и какая-то рыбка. Мы пробесѣдовали довольно долго, какъ вдругъ услышали глухой ударъ пули подлѣ дверей блиндажа. Все выскочили взглянуть, не убитъ ли кто. Но оказалось, что пуля пошла въ бѣлье, повѣшенное для просушки, пробила насквозь двѣ мокрыя рубахи, одну за другою, и зарылась въ мелкихъ камняхъ. Сила полета штуцерной пули изумительна. Здѣсь было до четырехсотъ сажень разстоянія между ихъ и нашими траншеями. Мнѣ показывали пули, которыя случалось отыскать — это смятыя, или расплюснутыя комки свинцу. Вернулся къ Зорину, я нашелъ у него адмирала Нахимова. Онъ былъ въ сюртукѣ и въ эплеткахъ. Зоринъ представилъ меня. Адмиралъ — это само простодушіе и доброта. Онъ позволилъ мнѣ видѣть все бастионы и обѣщалъ дать проводниковъ.

Я рѣшился прочесть ему:

Дядя! братъ твой незабвенный
 Былъ студенческой отецъ! ⁴⁾

Его тронули рассказы и воспоминанія о братѣ. Онъ охотно слушалъ меня, и мы проговорили около часу.

На другой день я пошелъ на десятый номеръ батареи, которая находится рядомъ съ батареей Шемякина. Номеръ идуть не по

⁴⁾ Стихи М. А. Стаховича, помѣщенные въ 6-й книгѣ «Москвитинина» 1854 года.

порядку. Матросъ повелъ меня сначала траншеямъ, а потомъ сказалъ, что надо вылезть и идти прямо, потому что тутъ траншеи очень желки, да и все такъ ходятъ. «Вонъ, видите, идетъ!» Дѣйствительно, шелъ какой-то водоносъ, и, притомъ, очень тихо. То же совѣтывали сдѣлать и солдаты, сидѣвшіе въ траншеяхъ. Мы вылезли и пошли прямо и скоро догнали водоноса. Три человѣка были порядочною цѣлью. Я видѣлъ все линіи непріятельскаго вала, какъ на ладони. Тамъ, во всемъ полѣ, не было ни души. Вдругъ подлѣ насъ ударила пуля.

— Видишь, сказалъ я матросу: — по насъ стрѣляютъ! Я тебѣ говорилъ, что надо идти траншеями.

— Э, наше благородіе! котора паша, отъ ней шгдѣ не схоронишься!

Другая пуля пролетѣла между мной и водоносомъ. Я пошелъ скорѣе, и черезъ шть минутъ мы уже были на батареѣ. Она стоитъ на углу, однимъ фасомъ къ морю, другимъ къ небольшой бухтѣ; третій фасъ обращенъ въ поле, къ шестому бастиону. За бухтой, прямо, видна возвышенность, гдѣ былъ древній Херсонесъ. Теперь отъ него осталась только небольшая стѣнка, выходящая по скату къ бухтѣ, и то я сомнѣваюсь, чтобы это была древняя стѣнка. Издали она совершенно похожа на траншею, по, говорятъ, не траншея. Больше ничего нѣтъ на мѣстѣ Херсонеса — ничего стараго, да и новаго не много: разрушенная церковь св. Владиміра и, у самой бухты, также разрушенныя домики карантина, неосторожно оставленные непріятельмъ. Они устроили тутъ завалы и въ послѣднее время даже оставили пушки. По этой-то батарее велѣлъ накацуиѣ Зоринъ сдѣлать полтораста выстрѣловъ. Ее сбили и послѣ сбивали не разъ; но черезъ десть она являлась опять и удержалась.

Все это мѣсто, гдѣ былъ Херсонесъ, прелестно, несмотря

на пустышность. Не налюбуешься этими перелвами холмовъ, за которыми тотчасъ идетъ море, и на немъ корабли, конечно, не паши.

Въ бухту садятся безпрестанно утки; но никто не смѣетъ за ними охотиться —

● Nikt, bez straty życia lub swobody,
Nie mógł przestąpić zakazanej wody;
Tylko słowiki Kowieńskiej dąbrowy
S bracią swojemi Zapuszczańskiej góry
Wiodą, jak dawniej, Litewskie rozmowy⁴⁾.

Конечно, утки въ бухтѣ разговаривали по-русски...

Десптал батарея имѣетъ особенное устройство: она сложена изъ глиняныхъ кирпичиковъ, очень правильно и красиво. По ней стрѣляютъ такъ же, какъ по питому и шестому бастіонамъ, но, по замѣчанію командира ея, капиташъ-лейтенанта Андреева, черезъ день. «День молчатъ, а на другой ихъ какъ будто что прорветъ!» выражается онъ и въ эти дни обыкновенно никого къ себѣ не приглашаетъ. «Приходите завтра: завтра не будетъ стрѣльбы.» Но то бѣда, что бываютъ ошибки къ наблюденіихъ храбраго капитана, и вдругъ *ихъ прорветъ* совѣтъ не въ тотъ день, когда онъ рассчитываетъ, и озадаченные гости не знаютъ что дѣлать. Я попалъ, по счастью, въ день спокойный. Ни одного выстрѣла впродолженіи часа, который я провелъ тамъ, сидя все время въ амбразурѣ, на пушкѣ, любуясь видами и думая о старомъ Херсонесѣ, о тѣхъ, которые давно здѣсь также бились — и улеглись... и вотъ ихъ сонъ встревоженъ новыми громами.

⁴⁾ Никто безъ потери жизни, или свободы не могъ переступить запретныхъ водъ. Только соловьи Ковенской дубровы съ братьями своими Запущанской горы ведутъ, какъ прежде, литовскіе разговоры....

Артиллерійскій офицеръ, находившійся при орудіи, смотря въ одну со мной сторону, думалъ тоже о сѣбѣ, только о другомъ: онъ рѣшилъ, что Французъ, должно быть, спитъ и потому не стрѣляетъ. «А вотъ вчера стрѣлялъ!» — Онъ показалъ мнѣ засѣвшія въ лафетѣ пули. Немного спустя, очень далеко, явились какіе-то всадники; они ѣхали шагомъ, опустили поводья. Все это можно было рассмотреть только въ трубу. Съ нѣкаго бастіона пустили по нимъ бомбу; но они не обратили на нее никакого вниманія, хотя она ложилась очень близко. Потомъ показалась куча зуавовъ, шедшихъ изъ-за горы, съ ведрами въ рукахъ. По нимъ также пустили бомбу. Часть прилегла къ землѣ, а другіе продолжали идти и черезъ минуту были уже въ балкѣ. Наконецъ и нашему бастіону нашлось развлеченіе: у церкви св. Владимира все молчалъ какой-то человекъ, выходилъ изъ-за стѣны, прохаживался и опять уходилъ. До него было больше версты и стрѣлять не слѣдовало, но стали стрѣлять отъ скуки. Однако пули ложились отлично. Ишья падали саженьхъ въ пяти: это видно было по взвивающейся пыли.

Съ десятой батареи я пошелъ на седьмой и восьмой номера, которые соединены вмѣстѣ и находятся не такъ далеко отъ десятаго, по направленію къ городу. Артиллерійскій офицеръ, любовавшійся со мной Херсонсомъ, проводилъ меня нѣсколько шаговъ и указалъ на свой разрушенный казематъ, въ которомъ засѣло нѣсколько ядеръ, пущенныхъ непріятельми съ моря, въ осаду 5 октября. Огромныя пирамиды французскихъ и англійскихъ ядеръ возвышались подлѣ. «Вотъ что мы собрали у себя во дворѣ; а сколько еще не собранныхъ тамъ, въ полѣ!» сказалъ офицеръ. По его словамъ, въ этотъ день непріятелемъ было пущено въ городъ, со стороны моря, до двадцати-пяти тысячъ ядеръ и бомбъ.

Седьмая и восьмая батареи стоятъ также на берегу моря.

По выкладкѣ онѣ похожи на своего соседа — десятый номеръ. Тутъ очень тихо. Рѣдко прилетаютъ пули, и то, разумеется, шальные. Прицѣльныхъ быть не можетъ, по разстоянію и мѣстности. Я засталъ матросовъ въ ученьѣ: они примѣривались къ орудіямъ, дружно взмахивали башниками, и перебѣгали съ мѣста на мѣсто. По валу ходилъ какой-то офицеръ съ подозрительной трубкой. Я подпился къ нему и просилъ позволенія взглянуть на батарею. Онѣ повелъ меня самъ, объясняя все подробно и просто. Это былъ капитанъ-лейтенантъ Луговскій, простой и смѣтливый морякъ. — «А каковъ у насъ видъ!» сказалъ онъ, обернувшись къ морю. Нельзя было не остановиться и не полюбоваться. По самому горизонту тянулись широкій корабль и пароходы, скрывавсь налѣво за мысъ Херсонеса. Одинъ пароходъ стоялъ съ правой стороны, отдѣльно отъ другихъ, для наблюденій. Я постоянно видѣлъ его на этомъ мѣстѣ.

— Нельзя не отдать чести, сказалъ капитанъ: — повѣрите ли, этотъ пароходъ, какъ пришелъ и сталъ, такъ и не трогался во всю зиму и выдержалъ самые крѣпкіе вѣтры. Другіе корабли раскидало, а онъ устоялъ. Не знаю, кто другой здѣсь выстоитъ столько!

Мы повернули на задній фасъ батареи, гдѣ уже идетъ восьмой номеръ, обращенный къ городу.

Вотъ тутъ вчера упало десять ракетъ, сказалъ Луговскій: — и одна въ кучу рабочихъ, которые ужинали; говорить, даже въ чашку, но не задѣла никого!»

Луговскій также былъ 5 октября на батареѣ и хвалилъ нѣтъ нашихъ матросовъ.

— Не перескажешь никакими словами, что это за народъ: съ пили нельзя робѣть!

Онъ повернулся во дворъ, смотря на тѣхъ, которые учились, и, какъ бы делѣя ихъ глазами, задумался, и такъ мы

простояли почти минуты двѣ. Кто знаетъ, какія отмѣтки дѣлала его память, когда глазъ перебѣгалъ по лицамъ... Насъ обоихъ разбудилъ выстрѣлъ. Съ бала пустили бомбу по работавшимъ налѣво отъ Херсонеса. Мы прослѣдили полетъ ея и взрывъ. Бомба пролетѣла около трехъ перетъ. Судите, что же можно было разглядѣть на такомъ разстояніи. Я искалъ кучки работавшихъ, но ничего не могъ найти и насплу увидѣлъ въ трубу, потому что высовывались только головы. Я простился съ Луговскимъ, и пошелъ на Александровскую батарею, которая считается девятымъ номеромъ и находится тутъ же, подлѣ седьмой и восьмой. Съ ея стѣпъ я снова любовался моремъ. Капитанъ-лейтенантъ Козловскій далъ мнѣ проводника-матроса, который провелъ меня по валу, показывая красивые ряды орудій, только что отчищенныхъ. На этой батарее въ настоящее время больше нечего дѣлать, какъ чистить орудіа. Ей будетъ работа, если начнутъ бомбардировку съ моря.

Я воротился домой, когда уже стемнѣло, и пошелъ къ Шемкину, который меня давно звалъ и какъ-то особебно пришелъ мнѣ по душѣ; но ворота бастиона были заперты. Часовой свѣсилъ ружье и сироплѣ отзылъ. Я послалъ своего матроса узнать отзылъ, или привести ефрейтора, а самъ сѣлъ у порога на камень и сталъ смотрѣть въ сторону засыпающаго города. Было очень тихо. По горамъ горѣли огни. Черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ подывающую ракету, очень далеко, версты за четыре. Ихъ пускали обыкновенно съ повышенности надъ Килебалкой. Ракета летитъ такъ: вдругъ освѣщается площадка, гдѣ ракета пущена, и потомъ видно по небу огненную полосу, но больше, какъ четверть всего полета; дальше ракета уже летитъ въ потьмахъ. Впрочемъ, бывають нѣрѣдка случаи, что ракета весь полетъ совершаетъ съ огнемъ и все время видима. Велѣдъ за первой взвилась еще. Я пасчи-

такъ семь, пока воротился мой матросъ. Иныя падали гдѣ-то близко; слышно было свистъ, одна загремѣла по камнямъ. На ту пору, не знаю почему, и испугался. Когда захонывалась за мной калитка бастионныхъ воротъ, мнѣ уже казалось, что ракета сейчасъ щелкнетъ меня по затылку. Мы прошли дворомъ и потомъ спустились въ траншеи. Слышалась перестрѣлка ложементовъ¹⁾ На темныхъ валахъ, темными тѣнями двигались часовые. Я не нашель Шемлякша въ блиндажѣ: онъ былъ въ казематѣ. Надо было идти туда. На одной площадкѣ, между траншеями, пуля ударила подлѣ моей ноги. Бѣжалъ отъ ракетъ и чуть не попалъ подъ пулю! Можетъ быть, и правъ матросъ, сказавши: «которая наша, отъ нея не схоронимся!» это игра въ счастье и несчастье... На ту пору страхъ опять былъ отъ меня далеко. Мудреный инструментъ человѣческая душа: что ни мигъ — натягиваетел невидимой рукой новыя струны...

Въ казематѣ я нашель большое общество офицеровъ. Мнѣ предложили превосходнаго хересу. Комедантъ, полковникъ Лидовъ, о которомъ я уже упоминаль, разсказалъ мнѣ о 24 октября. Колонны Французовъ доходили до шестаго бастиона и были на возвышенности, между шестымъ и десятымъ. Ихъ прогналь Мнѣскій полкъ и картечные выстрѣлы съ десятаго номера. Около недѣли валялись не убранные трупы. Непрiятель не убиралъ и не позволяль намъ. Наконецъ ихъ подобрала — и все-таки мы. Черезъ шесть дней послѣ дѣла одинъ солдатъ принесъ изъ рва рашенаго, нашего же рядоваго, который былъ еще живъ.

Я пробыль въ казематѣ часовъ до десяти. Утромъ 16-го подняли Французы сильную стрѣльбу съ новой батареи по шестому бастиону и сбили у насъ только 3 мѣшка, выстрѣливъ 25

¹⁾ Небольшой завалъ, насыпь, впереди батареи, ближе къ непрiятелю, куда залегаютъ ночью и уже остаются тамъ на цѣлый день.

релье. Съ того же бастіона замѣчено движеніе непріятельскихъ колоннъ отъ моря, въ полной парадной формѣ и подъ музыку. И подбѣжалъ взглянуть и захватилъ только хвостъ, спускавшійся въ балку; вахтенный сказалъ мнѣ, что было тысячъ до пяти. Говорить, они дѣлають перѣдко такія эволюціи, чтобы занять насъ чѣмъ нибудь. Ночью отирается на берегъ и утромъ идетъ въ парадѣ, какъ будто новыя войска, а, между тѣмъ, гдѣ нибудь у нихъ становится пушки.

Послѣ чаю и рѣшился идти на четвертый бастіонъ, какъ говорили, самый опасный. И слыхалъ о немъ еще въ Кишиневѣ. Зоринъ далъ мнѣ въ товарищи одного изъ своихъ адъютантовъ: И чувствовалъ себя нехорошо и никакъ не могъ разсѣять тягостныхъ мыслей. Мы прошли нѣсколько улицъ, почти пустыхъ. Подъ конецъ, близко къ бастіону, встрѣтили домъ, совершенно разрушенные бомбами. Мѣстами торчали одни неправильные обломки стѣнъ; крышъ не было. Эти дома могли служить самыми лучшими, естественными баррикадами. А въ иныхъ и нарочно были пробиты амбразуры. На мостовой и тротуарахъ валялись ядра и осколки гранатъ. Тутъ, дѣйствительно, чувствуешь осаду. Въ концѣ послѣдней улицы идетъ площадь, на которой стоитъ католическая церковь, одно изъ крайнихъ зданій къ бастіону. Говорить, во время осады 5 октября, *первое* ядро сбило надъшею на этомъ храмѣ — *raz in terra*. *Первое* говорится для большаго курьезу. Прямо за площадью видны театръ, сильно пострадавшій отъ выстрѣловъ⁴⁾. Затѣмъ начинается подъемъ въ гору, довольно пологій. Здѣсь была когда-то бульваръ; теперь нѣтъ и слѣда украсившихъ его деревьевъ. Крѣпкая дорога, мѣсто прежней бульварной дорожки, почти вся покрыта чугушными черенками и врывшимися ядрами. Взойдя на гору, мы спустились въ трап-

4) Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 26-й.

шею и тотчас услышали свистъ пуль. Такъ дошли мы до большаго блиндажа, гдѣ помѣщается адмиралъ Новосильскій съ капитаномъ 1-го ранга Кутровымъ. Кутровъ вышелъ къ намъ навстрѣчу. Его спокойная физиономія ободрила меня. Въ это время одна пуля ударила въ блиндажъ шагахъ въ двухъ отъ насъ и еще ближе отъ кучки матросовъ, стоявшихъ тутъ же. Никто изъ нихъ и не пошевелился, и, кажется, я одинъ видѣлъ эту пулю. Это меня совершенно успокоило. Съ той минуты до конца, часа два сряду, проведенные мною на четвертомъ бастионѣ, я уже не чувствовалъ ни малѣйшаго страха. Мы пошли опять траншеями, втроемъ, съ Кутровымъ. Выстрѣлы изъ пушекъ гремѣли безпрестанно. Ружейныхъ было вовсе не слышно, или слышно только временами, и то какъ звукъ пистолцовъ.

— Вотъ на этомъ мѣстѣ, въ самой траншеѣ, сегодня убило трехъ вдругъ одной пулей, сказала Кутровъ: — пуля прошла по головамъ; и вотъ здѣсь еще одного!

Весело было слушать тѣмъ, кто переступалъ черезъ это мѣсто! — Траншеи были полны солдатами, которые сидѣли и лежали въ самыхъ безнечныхъ положеніяхъ, конечно, не думая о пуляхъ. Вскорѣ открылся бастионъ, нѣсколько отличный отъ тѣхъ, которые я уже видѣлъ. Это была площадка, вся зарытая землянками, вся въ буграхъ. Тамъ и сямъ чернѣли отверстія — входы въ блиндажи. Пороховой блиндажъ возвышался надо веѣми. Кругомъ, на сдѣланной изъ земли насыпи въ видѣ вала, или тѣсные земляные траверсы, съ наложенными на нихъ мѣшками¹⁾. Штуцерные были въ постоянномъ движеніи, подбѣгали, выстрѣливали, — и опять заряжался штуцеръ. Весь бастионъ представлялъ какое-то суетливое и мѣстѣ грозное кипѣніе. Гдѣ-то бѣхали пушки; ясно было слышно гудѣніе

¹⁾ Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 8-й.

ядра. Кто стрѣлялъ? мы? они? разобрать было трудно. Наши выстрѣлы сливались съ выстрѣлами непріятели, который таился тутъ же, за валомъ, всего въ шестидесяти саженихъ. Мнѣ все какъ-то не вѣрилось, что онъ такъ близко.

— Отсюда вы можете видѣть непріятели, сказалъ мнѣ капитанъ, подведя меня къ одному орудію, укрытому щитами такъ плотно, что едва оставалась щель для глаза. — Но, пожалуйста, поосторожьте, прибавилъ онъ; — учтивые Французы здѣсь повсе неучтивы!

Я поднялся на орудіе и взглянулъ въ щель, между щитомъ и пушкой; желтѣлъ траншейный валъ, лежали такіе же мѣшки какъ и у насъ, мѣстами высекаивалъ дымокъ безъ звука, какъ пылъ съ вала, — словомъ, то же, что я видѣлъ и съ другихъ бастионовъ, только не въ. Потомъ мы пошли дальше мимо траншей. Вдругъ осколокъ бомбы, разорвавшейся въ непріятельскихъ траншеяхъ, прожужжалъ надъ нашими головами и упалъ въ кучку работавшихъ внутри бастиона.

— Вотъ какъ у насъ, сказалъ Кутровъ: — своимъ какъ разъ убьетъ! — Что, никого? крикнулъ онъ визъ.

— Никого! отвѣчали оттуда.

— Ну, слава Богу!

Такие случаи бывають нерѣдко. Осколки бомбъ французскихъ летятъ къ намъ назадъ. Слѣди за полетомъ осколка, и увидѣлъ между блиндажами, въ одной сторонѣ бастиона, образъ на столбикѣ, подъ досчатымъ навѣсомъ. Передъ нимъ теплилась неугасимая лампада... Я помолился. Невыразимо благодатно дѣйствуетъ тамъ молитва, и все бы молился—и за эту горсть храбрыхъ, что всякую минуту дождатся костью, и за всѣхъ тѣхъ, отдаленныхъ, скорбящихъ на всемъ великомъ простраствѣ Русской земли, и за всю православную Русь... Я не много помню такихъ минутъ...

Вскорѣ насъ окружили офицеры, командующіе орудіями, и

стали ходить вмѣстѣ съ нами. Я пожелалъ снять часть бастіона съ его любозытными курлыгами. Но вдругъ пошелъ дождикъ. Услужливые и добрыя моряки сейчасъ устроили падо мною навѣсъ изъ дубковъ. Индея столъ и стулъ, и это подлѣ гремлицихъ орудій; но я не слыхалъ ихъ грома. Черезъ четверть часа привыкаешь къ шуму, и кажется, какъ будто не стрѣляютъ. Я ерисовалъ два фаса, ближайшіе къ непріятелю.

Подлѣ пороховаго блиндажа есть спускъ въ мшну. Миѣ было разрѣшено спуститься. Мы пошли вдвоемъ съ однимъ офицеромъ, нагнувшись, сперва въ полусвѣтѣ, потомъ въ совершенныхъ потьмахъ. Когда слышно было, что кто-то идетъ навстрѣчу, кричалъ: *держи нальво* или *направо*, чтобы не столкнуться. Но было такъ узко, что всегда задѣвали другъ друга. Наконецъ я усталъ и поползъ на рукахъ и колыняхъ. Товарищ мой отдѣлился отъ меня далеко, миѣ было слышно только его голось: *Держи нальво, направо!*.. вдругъ я почувствовалъ подъ руками воду; надо было опять встать. Мшпа шла уже и уже. Сперва я ощущивалъ по бокамъ доски и столбы, но потомъ все кончилось: пошелъ голый земляной корридоръ. Тягостное чувство испытываетъ непривычный человекъ подъ этими тѣсными сводами, что-то сдавливающее, удушашее. Мы дошли до того мѣста мшны, гдѣ наша галлерей сошла съ непріятельскою. Тутъ зажжены фонари и сидятъ на полу солдаты. Я видѣлъ непріятельскія работы. Ихъ мшны цемного шире; больше нѣтъ никакой разницы. Говорить, встрѣтись съ нами, они бросили копать и ушли. Тутъ поставлена большая воронка съ порохомъ и засыпана землей. Мы отдохнули и поворотили назадъ. Признаюсь, хотѣлось скорѣе выльзти изъ этого длиннаго гроба. Въ концѣ, уже близь къ выходу, мой товарищъ пригласилъ меня **зайти къ штабъ-капитану Мельникову, завѣдывающему мшными работами**, въ его мшнь, которая устроена тутъ же въ мшнѣ. Изъ гроба мы очутились въ довольно пори-

дочкой лачнать, убитанной коврами. Посреди стоялъ столикъ и кинжалъ самоваръ. По стѣнамъ или земляные диваны, тоже покрытые коврами. Подлѣ одной стѣны была печь, ростомъ въ человѣка, не доходившая до потолка ¹⁾. На ней сверху лежали разные тетради, бумаги, чертежи и — *Мертвыя Души*. Куда не пропадетъ гений! Гоголь, гдѣ ты? слышишь-ли ты?

Хозяиномъ и вѣнкетъ создатель этой комнаты, — молодой человекъ, украшенный георгиевскимъ крестомъ, называемый въ шутку моряками *оберъ-кромъ*, — принялъ меня какъ давно пендашаго брата и угостилъ чаемъ. Между тѣмъ, я сплялъ его подземное жилище.

И онъ вѣчно тамъ — при огняхъ! Полковникъ Тотлебецъ бываетъ у него всякій день, обходитъ все галереи, все рукава. Мельниковъ любитъ его какъ отца. Когда онъ говорилъ мнѣ о немъ, у него дрожала голова отъ невыразимаго уваженія и преданности къ этому человеку. О, если бы написать исторію этихъ бастионовъ, не вычеркивая ни одного дня, не стирая ни одной черты, сколько умиляющаго, поучительнаго, исторгающаго сладостнѣйшія слезы было бы на ея страницахъ!

Мельниковъ вывелъ меня на свѣтъ другимъ путемъ. Мы очутились во рву, гдѣ было много работающихъ. Работы здѣсь тяжелы, по причинѣ каменистаго грунта. Каждый першокъ стѣбитъ большихъ усилий. Черезъ ровъ, надъ нами, свистѣли пули и осколки бомбъ. Мельниковъ говорилъ мнѣ, что наканунѣ у него убило во рву двухъ человекъ осколкомъ нашей же бомбы. И сплялъ **входъ** въ мишу, подлѣ котораго мы стояли. Мы разстались съ Мельниковымъ, какъ братья, и я не знаю,

¹⁾ Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 9-й.

есть ли два русских человека, которые тут не сдѣлаются братьями.

Меня повели траншеями и сказали, что адмиралу угодно меня видѣть. Когда я вошелъ въ его блиндажъ — большую, просторную комнату, съ длиннымъ столомъ посрединѣ, на которомъ лежали книги и журналы — я увидѣлъ человека среднихъ лѣтъ, высокаго роста, съ темными волосами, съ привлекательнымъ выраженіемъ лица, въ сюртукъ безъ эпозеть. Рѣдко встрѣчаемый извѣстный бѣлый крестъ украшалъ его шею. Сомнѣній не было: это былъ Новосильскій ¹⁾). Я представился... Векорѣ въ блиндажъ вошло человекъ десять офицеровъ, въ шинеляхъ и морскихъ черныхъ пальто. И провели съ нами самые пріятные полчаса. Адмиралъ, привыкшій къ своему блиндажу, какъ къ дому, и давно забывшій объ опасности, сказалъ мнѣ простодушно: «заходите какъ нибудь вечеромъ, нашьемся вмѣстѣ чаю.» Онъ далъ мнѣ провожатаго до дому, потому что уже стало смеркаться, и я могъ сбиться съ дороги. Мы пошли траншеями. Навстрѣчу намъ, также траншеями, шли солдаты, сѣвши ружья, цѣлый полкъ, въ прикрытіе на ночь. Они шли, не думая о встрѣчныхъ, и даже не глядя впередъ. Я нѣсколько разъ отводилъ рукою штыкъ, чтобы не наткнувшись, но это мнѣ скоро надоѣло; штыковъ впереди казалось безконечно много, — и я предпочелъ вылезти изъ траншеи и идти по сторонѣ, горою, подставляя себя неприятельскимъ пулямъ, однако по мнѣ не стрѣляли. Вообще къ вечеру прекращается перестрѣлка батарей, а идетъ перестрѣлка однихъ ложементовъ.

Прощай, славный четвертый бастионъ! Не знаю, увижу ли тебя еще разъ, а если увижу — тѣ ли меня встрѣтятъ?..

¹⁾ Портретъ его въ Художественномъ Листкѣ 1856, № 7. Тамъ-же портретъ Контръ-Адмирала Цафлянова и Капитана 1-го ранга Зорина.

Уже стремительно свистя, когда и отворилъ дверь въ мою комнату у Морина, гдѣ ждали моего возврата. Въ зналъ, что и на четвертомъ бастионѣ. Собралась большаѣ компаніѣ. Ахбауеръ, только что поротившійся съ работъ, разсказывалъ случай въ трашеяхъ. Онъ шелъ позади двухъ солдатъ. Однѣмъ, старымъ, все кланялся пулямъ, а шедшій за нимъ молодой подтрунивалъ надъ нимъ.

— Д, дѣдушка! Чтѣ ты все кланяешься? полно!

— А вотъ, погоди, поклоннись и ты!

— И поклонись, какъ убьютъ... дай Господи только напавалъ!

Въ эту минуту пуля ударила его прямо въ сердце, и онъ повалился къ ногамъ Ахбауера. — Говорилъ, между прочимъ, о ракетахъ, которыя пускалъ непріятель наканунѣ. Однѣмъ офицеръ, пріѣхавшій изъ города, разсказывалъ, что ихъ насчитали пятьдесятъ-семь, и что нѣсколько унало на Сѣверную сторону, — одна подлѣ Одесской палатки. Тутъ я опять вспомнилъ слова моего проводника-матроса о *нашей*, отъ которой не схороннись... ни на Сѣверной, ни гдѣ... Разсказывавшій офицеръ былъ молодцоватый морякъ; онъ пріѣхалъ на неосѣданной казацкой лошади. Черезъ плечо его морскаго пальто моталась богатаѣ турецкаѣ шапка, добытаѣ въ Синопѣ.

Утромъ 17-го мы увидѣли снѣгъ. Дулъ ужасный вѣтеръ. Было очень холодно, какъ зимой, и и не воображалъ, что куда нибудь выйду; но адмиралу Нахимову угодно было прислать мнѣ лошадъ и адъютанта въ товарищи, для осмотра остальныхъ бастионнн. Нообѣдавъ, мы поѣхали на третій бастионъ, идущій параллелью отъ четвертаго, за огромной балкой. Дорога шла обыкновенными севастопольскими улицами и, между прочимъ, надъ бухтой, по глинистому гребню горы, размытому снѣгомъ. Лошадѣ наши скользили и катились. Вся большая бухта, корабли,

Сѣверная сторона, укрѣвленія, были оттуда какъ на ладони. Очаровательные виды! Но не тѣмъ

Въ то время сердце полно было.

Я думалъ, какъ мы будемъ переправляться черезъ мостъ, чуть не въ версту, устроенный на судахъ и тепдерахъ, посредствомъ перекинутыхъ досокъ¹⁾. Въ двухъ мѣстахъ, по неровности тепдеровъ, эти доски вызвышались и понижались, и на нихъ были прибиты поперечныя планки и все это скрипѣло и качалось вмѣстѣ съ судами. Съ горы мостъ казался узенькой досчатой полоской, и не вѣрилось, что по немъ можно проѣхать на лошади. Спустившись ниже, и нашелъ его также не слишкомъ широкимъ: три-четыре доски, и шикакихъ перилъ. Однако, мы поѣхали. Вѣтеръ сильно парусилъ мнѣ въ бурку; лошадь катилась по мокрымъ доскамъ, подъ которыми далеко внизу слыѣли бурлившія волны. Справа и слѣва безпрестанно мелькали солдаты, шедшіе туда и навстрѣчу. Я чуть-чуть не слѣзъ, чтобы вести лошадь въ поводу; но товарищъ мой ѣхалъ впереди такъ спокойно, какъ по широкой улицѣ, поглядывая по сторонамъ и, кажется, еще любуясь видами.

— Вы бросьте поводья и забудьте все, сказалъ онъ мнѣ, замѣтивъ мою нерѣшимость: — лучше будетъ.

— Я такъ и слѣлалъ, и, точно, вышло лучше. Поднямаюсь потомъ въ гору, я думалъ опять о чувствахъ страха. Кажется, что за издоръ: ѣхать подъ пули — и болтаться моста!.. Мы проѣхали какую-то свободку, среди которой было десять-двадцать лавокъ съ разными съѣстными припасами; толпились солдаты... Потомъ мы увидѣли нѣсколько большихъ строеній и церковь; миновали площадку, уставленную солдатскими

¹⁾ Художественный Листокъ Тима, 1855, № 30.

ружьями въ козлахъ, и очутилъсь на одной изъ батарей 3-го бастиона. Этотъ бастионъ отличаетъ отъ другихъ. Въ пняхъ амбразурахъ нѣтъ вовсе щитовъ, и, какъ въ окно, видишь въ нихъ глубокую живописную балку съ раскиданными по ней рѣдкими домпками, когда-то живыми, примащивыми, полными позвѣн. Вдали, на краю возвышенія, видѣлся четвертый бастионъ. Было непріятно холодно. Карандашъ вываливался изъ рукъ. Я вошелъ въ одинъ солдатскій блиндажъ, который топился. Человѣкъ нѣтъ солдатъ сидѣли въ однихъ рубашкахъ, на общихъ подмосткахъ, протиравъ ноги, и каждый занимался своимъ дѣломъ. Кто шилъ, кто читалъ азбуку. На стѣнахъ я замѣтилъ образъ и лубочныя картинки. Было такъ тепло, что я не смелъ за грѣхъ открыть двери и въ нихъ рисовать одно орудіе, которое пришлось какъ разъ напротивъ. Отъ холоду, или отъ чего другаго непріятель молчалъ: ни штуцерныхъ (такъ называютъ иногда штуцерныя пули), ни бомбъ, ничего. Да и вообще по этому бастиону стрѣляютъ мало. Разстояніе отсюда до ихъ траншеи довольно велико: около версты. Это обстоятельство позволяетъ намъ быть нѣсколько безопасными и не заправивать пныхъ пушекъ щитами.

Потомъ артиллерійскій офицеръ, командующій тѣмъ орудіемъ, которое и спалъ, повелъ меня въ церковь, устроенную въ казематѣ. Въ большой, мрачной комнатѣ, уставленной ружьями, заваленной аммуниціей, сіла лампадами одна небольшая часовня стѣнки, покрытая образами: это была иконостасъ бастионной церкви. Бомба пробилъ въ одномъ мѣстѣ потолокъ, но не повредила ничего, даже не ранила никого изъ солдатъ, находящихся тутъ постоянно. Всѣхъ ихъ человѣкъ десять. Здѣсь говѣла на первой недѣлѣ команда бастиона; но послѣ этого было приказано командующимъ войсками ѣхать скоромное, вслѣдствіе испрошеннаго имъ разрѣшенія Святѣйшаго Синода.

Я не поѣхалъ на другіе бастионы, потому что уже вечерело.

Мы возвратились въ городъ совѣтъмъ впотымахъ. У Зорина собиравались на вылазку противъ карантина, чтобы взглянуть на новую батарею, а если удастся, такъ и заклепать пушки. Также хотѣли завалить какой-то колодезь. Матросъ, ординарецъ Зорина, обыкновенно ходившій со мной, пришелъ проситься на вылазку; но его не пустили, сказавъ, что ничего не будетъ, и въ самомъ дѣлѣ ничего не было, по причинѣ ясной ночи.

На другой день, часу въ девятomъ утра, я отправился къ Нахимову и засталъ его уже одѣтымъ и готовымъ куда-то ѣхать. Онъ хотѣлъ, однако, чтобы я поспѣлъ нѣсколько. Говорили, конечно, о Севастополѣ.

Онъ велѣлъ адъютанту свозить меня на корабль и потомъ у него обѣдать, въ двѣнадцать часовъ, но предупредилъ, что у него постное. Мы полетѣли на гичкѣ, въ шесть веселъ, и остановились подъ громадой трехдечнаго корабля «Великій Князь Константинъ». Надо было взбираться по мудреной лѣстницѣ, или такъ пазываемому *трапу*, стоямя. Я не надѣлся на ноги, которые еще болѣли отъ нутешествія въ мишу, и вошелъ въ портъ, — родъ окошка, противъ котораго ставится орудіе. Мы осмотрѣли все подробности. Это не корабль, а игрушка. Миѣ показали, между прочимъ, двѣ пробитыя палубы упавшею какашциѣ ракетой. Въ третьей она остановилась, измявшись, какъ сапогъ. Времени было еще довольно, и мы отправились на пароходъ «Владимиръ», стоявшій оттуда не больше, какъ въ верстѣ, по-морскому — въ пяти кабельтовахъ¹⁾. Я никогда не забуду пріема добрыхъ моряковъ, которымъ они меня почтили. Случилось, что между ними былъ одинъ мой товарищъ по 1-й Московской Гимназіи, Новиковъ. Онъ узналъ меня ту же мишуту и представилъ своимъ сослуживцамъ. Черезъ мигъ я былъ между товарищами, какъ будто бы все они вмѣстѣ со мной уча-

¹⁾ Кабельтовъ — 100 сажень.

лись. Мы пошли по пароходу. Известно, что нынѣ вѣтъ съ бою турецкій пароходъ *Первазъ-Бахри* ⁴⁾. Я видѣлъ много вещей, вѣзтыхъ оттуда. — Послѣ осмотра явилась закуска: устрицы, свѣжее сливочное масло, какого не найдти въ городѣ ни за какія деньги; но моряки знаютъ «гдѣ раки зимуютъ». Въ свѣтлой, просторной каютѣ, съ прекрасною мебелью, въ теплѣ, я забывалъ, что подѣ нами волны... не хотѣлось уходить; рѣчи кипѣли. Но стклашка пробила восемь, по нашему, сухонутному — двѣнадцать. Падло было ѣхать противъ вѣтра двѣ версты. Я вырвался изъ объятій новыхъ друзей, и гичка полетѣла... Адмиралъ ожидалъ насъ, и мы сейчасъ же съѣли обѣдать.

Вечеромъ и ночью этого дня не было вовсе стрѣльбы. Зато подшилась сильная поутру на другой день. Я не ходилъ шкуда до обѣда и сидѣлъ подѣ окномъ, смотри на бродившихъ кучами греческихъ полонтеровъ, которые только что прибыли изъ Евнаторіи. Говорятъ, они дрались тамъ хорошо, и многіе изъ ихъ получили кресты. Костюмъ ихъ былъ обыкновенный клефтекій: штатъ куртка, какого случится цвѣта, подѣ нею бѣлая фустанелла (коротенькая юбка) и широкій поясъ, изъ-за котораго торчалъ цѣлый арсеналъ оружія: чуть не десятокъ разныхъ дрескочій, пистолетовъ и книжаловъ. Обувь была своя, изъ особенныхъ перенязей, а у иныхъ и русскіе сапоги. Одни имѣли сверхъ куртки свою короткую овчинную шубу съ прорѣзными рукавами, другіе были одѣты въ русскіе полушубки. У боку мотались птаганы, а также и наши кортики, птаги и сабли. На головахъ были фески, съ паншитыми напередѣ мѣдными крестами. Все это странное войско, похожее на маскарадъ, отдано было подѣ команду гусарскому майору килзю Урусову. Они сами просили въ начальники Русскаго или Грека. Волон-

⁴⁾ По-русски: *Морской влюбъ*. Бой пароходовъ Владиміра и Первазъ-Бахри изображенъ въ Художественномъ Листвѣ. 1854. № 2.

теры часто толпились у квартиры своего начальника, сяди на его крыльцѣ и кури трубки. Однажды онъ вздумалъ сдѣлать имъ смотръ. Канитаны, одѣтые попарадѣе, выбранные изъ нихъ же, поставили ихъ въ возможно-ровные ряды, на той же большой улицѣ, какъ разъ противъ нашихъ оконъ, и мы могли видѣть этотъ смотръ.* Скоро они смѣшались опять въ кучу, переходя другъ ко другу для разговора, и все-таки курили трубки. Князь Урусовъ проѣхалъ мимо нихъ верхомъ; они крикнули что-то такое по-гречески, и тѣмъ все кончилось. Ихъ разослали по разнымъ бастіонамъ, въ ложементы. Всѣ проспались на четвертый. Но въ тотъ же день на желанномъ четвертомъ бастіонѣ ранили одного пулей. Не знаю, какимъ образомъ случилось, что не достали носилокъ: одинъ Грекъ понесъ товарища на плечахъ къ передизочному пункту. Нѣсколько другихъ пошли за нимъ, повѣсивъ голову. Это была трогательная картина, какъ товарищъ товарища несъ, не утомляясь, слишкомъ версту, и донесъ до конца. Я забылъ утренній комедіи и маскарадный видъ волонтеровъ. Думалось совѣтъ другое...

Я сидѣлъ довольно долго подъ окномъ. Провели французскаго черебѣжника; народъ останавливался и говорилъ: «ишь, молодецкѣ!» — Ишьче черебѣгаетъ мало: одинъ-два въ день. Но въ холодные дни къ намъ черебѣгало до тридцати человекъ въ сутки.

Мы ѣдали въ городѣ, въ гостинницѣ Томаса. Готовятъ недурно и провизія свѣжая, но подаютъ нестерпимо медленно. Столько требованій, что можно не заботиться о посятителяхъ. Оттуда зашелъ въ лавки, находящіяся тутъ же, на Екатерининской улицѣ. Офицерскія вещи, которыя мы спросили, оказались ценившимъ чѣмъ дороже московскаго и нисколько не дороже киевскаго. Бѣольшая часть лавокъ принадлежитъ караи-

миль¹⁾; русскихъ двѣ-три, не больше. Въ последнее время, однако, кунцы стали выбираться и уѣзжать.

Передъ вечеромъ я поѣхалъ отъ нечего дѣлать на Сѣверную сторону. Александръ Ивановичъ принялъ меня по старому; мы не видались нѣсколько дней.

— Говорятъ, у васъ ушла ракета? сказалъ я.

— Какъ же, вотъ тутъ! отвѣчалъ Александръ Ивановичъ, да еще какъ: съ комфортомъ!

— Какъ такъ?

— Мы сидѣли въ большой компаніи и пили чай; такъ себѣ расположились, — чудо! вдругъ хлопъ! ракета!

Это называлось у него *съ комфортомъ*.

Къ ночи я воротился въ городъ. Началась сильная стрѣльба съ бастионовъ. Непріятель отвѣчалъ только ракетами, и то къ утру. Я проснулся и слышалъ ихъ свистъ при паденіи. Вдругъ разразился ударъ надъ нашимъ домомъ. Раздался взрывъ, подобный взрыву бомбы, полетѣли жужжація вершки и зазвѣнѣли стекла. У насъ въ корридорѣ поднялся шумъ и бѣготня. Я рѣшилъ, что это бомба, упавшая въ одинъ изъ номеровъ; но встать и посмотреть было лѣнь. Товарищъ мой и не просыпался. Черезъ нѣсколько минутъ я и самъ заснулъ. Мы встали поздно и пошли поглядѣть: оказалось, что это была ракета, ударившая во второй номеръ. Она пробила часть крыши, у самого краю, потомъ капитальную каменную стѣну наскось, столъ, и зарылась въ мѣшкѣ съ овсомъ. При ударѣ послѣдовала взрывъ гранаты, которая была утверждена въ переднемъ концѣ ракеты, и потому показалось мнѣ, что это бомба.

¹⁾ Евреямъ, не признающимъ табука и говорящимъ по-татарски. Отдѣляются они также по-татарски.

Въ трехъ номерахъ: первомъ, второмъ и третьемъ, лопнули все стекла, а въ нашемъ, четвертомъ, который былъ напротивъ втораго, черезъ корридоръ, ни одного. На диванѣ, подлѣ пробитаго стола, сидѣлъ дежурникъ офицера, занимавшаго номеръ. Его не видѣло нисколько. Мы спросили: «Что, испугался или итъ?» — Итъ, только проснулся, отвѣчалъ онъ: значить, не моя смерть! — Мы осмотрѣли ракету и развили ее. Это была родъ конгревовою ракету, съ желѣзною гильзою и съ желѣзною приставкою на концѣ, въ которую утверждался деревянный хвостъ. Для чего-то было много шпотовъ, сдѣланныхъ очень отчетливо. Хвостъ въ разрѣзѣ представлялъ звѣзду о пяти углахъ. И видѣлъ послѣ ракетъ до десяти, и все онѣ были совершенно одинаковы. Цѣльная, не согнутая ракета будетъ больше роста человѣка.

Послѣ чаю я отправился на Махаловъ курганъ. Со мною былъ офицеръ, дашный адмираломъ Нахимовымъ, для того, чтобъ представить меня начальнику 4-го отдѣленія адмиралу Истомину. Мы нашли его обѣдающимъ, и я не рѣшился войти. Офицеръ вошелъ одинъ и получилъ позволеніе показать мнѣ бастіонъ. Адмиралъ Истоминъ живетъ въ остаткахъ башни, которая была разбита непріятельскими выстрѣлами, въ бомбардировку 5 октября. Эту башню выстроило городское общество. Все видно со всехъ концовъ Севастополя, по причинѣ высокой мѣстности. Я просилъ прежде всего показать мнѣ мѣсто, гдѣ убить Корниловъ. На немъ выложенъ крестъ изъ бомбъ¹⁾. Корнилова ранило осколкомъ гранаты въ нижнія части живота. Тутъ же у пушки, на блиндажѣ, сдѣлали ему перевязку; но онъ жилъ только два часа²⁾...

¹⁾ Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 10-й. Тогдашній видъ башни въ Художественномъ Листкѣ, 1855. № 14.

²⁾ Портретъ вице-адмирала Корнилова въ Художественномъ Листкѣ, 1854. № 6.

На Малаховомъ курганѣ очень тихо. Трашшен непріятелей около 700 снаженъ. Рѣдко приносятся ихъ пули. Не часто попадають и бомбы. Однако, орудія все до одного заправшаны щитами.

Оттуда я пошелъ на второй и первый бастионы, изъ которыхъ дальній находится не больше, какъ въ полуверстѣ отъ Малахова кургана. Тамъ также тихо. Еще рѣже летаютъ пули, хотя непріятель ближе. Но онъ занятъ здѣсь новымъ редутомъ, возводимымъ подлѣ того, на которомъ было дѣло съ 11 на 12 февраля. Эти редуты какъ разъ противъ втораго бастиона, черезъ балку, называемую *Килевалка*, потому что въ ней прежде, до устройства въ Севастополѣ доковъ, килевались суда, т. е. направляли свои подводныя части.

Подлѣ перваго бастиона, въ глубокой балкѣ, обратили мое вниманіе остатки большаго городскаго сада — разбитыя лдрами бееѣдка и опрокинутыя статуи. Деревья вырыты, и ими завалены одишь фазы батаренъ. Это, кажется, единственныя севастопольскія деревья, росшія въ такомъ большомъ количествѣ, и росшія здѣсь давно. По поводу ихъ устроили садъ, поставили бееѣдку, и было прекрасное гулянье; довольно большое разстояніе отъ города сокращалось удобствомъ сообщеній по водѣ. По севастопольски это было вовсе недалеко.

Страшное дѣло! какъ-то скучно на бастионѣ безъ выстрѣловъ. Чего-то не достаетъ. Бастионъ, такъ бастионъ, со всеъмъ, что должно быть на бастионѣ. Выстрѣлы и свистящія пули — поэзія бастионовъ. Но свистѣ, въ иные минуты мнѣ было пріятно слышать свистъ пули.

Съ перваго номера я отправился въ городъ берегомъ моря и любовался движеніемъ пароходовъ и яликовъ въ бухтѣ. Херсонскъ бросалъ якорь. Темнѣющіе на водѣ катера завозили канаты... Какой-то безмечный охотникъ хлопалъ съ берега изъ

ружья по баклавамъ ¹⁾). Вечеръ опускался на море, и на перипательскихъ корабляхъ блеснули огни. Ночью по горизонту моря всегда линія огоньковъ. Мигъ говорили, что до нихъ версть десять, а кажется очень близко: три-четыре версты.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ, я вышелъ изъ квартиры, не зная, куда пойду, какъ вдругъ навстрѣчу К*. «Куда вы?» — На повый редутъ: посылаютъ Сакепъ. Не хотите ли? — Мы пошли на Графскую. Казенный катеръ уже дождался. Съ нами отиралися еще одинъ офицеръ С. Можно было пристать въ двухъ мѣстахъ, не доѣзжая до Георгіевской пристани, куда никто не ѣздитъ, потому что эта пристань находится подъ горою у редутовъ, и туда уже летаютъ пули. Но намъ не хотѣлось идти много иѣшкомъ, и мы поѣхали прямо на Георгіевскую. Ровнясь съ Килсбалкой, мы спросили у гребцовъ: «ѣхать ли дальше? Если кто-нибудь изъ насъ будетъ убитъ, это наше дѣло, а что ихъ безъ нужды мы не хотимъ подвергать опасности и причалимъ тамъ, гдѣ обыкновенно причаливаютъ.» Мы знали, что говоримъ эту рѣчь, что называется, *дли блезиру*; но всетаки должно было сказать. — «Нешто мы тутъ не ѣзжали, отвѣчали намъ матросы: — двухъ смертей не бывать, одной не миновать!» и продолжали грести. Мы въѣхали въ Георгіевскій заливъ. Налѣво видѣлось нѣсколько палатокъ Селецкскаго полка; направо, подъ скалою, законченной дымомъ костровъ, десятка два солдатъ варили кашу. Составленные въ козлы ружья свѣтлѣли на темномъ фонѣ впадины. Подлѣ были остатки рыбацѣй хижины. Такъ и просилась картинка на бумагу. Я чуть не остановился. Но нельзя было отстать. Мы причалили къ остаткамъ какихъ-то воротъ изъ бѣлаго камня, вышли и стали подыматься въ гору, какъ вдругъ видимъ, что къ намъ бѣгутъ двое: это были пол-

¹⁾ Баклавъ — родъ гагары. Фигурой напоминаетъ утку, но больше ея.

ковникъ Сибининскій, командиръ Селегинскаго полка, и еще одинъ офицеръ. «Куда вы? куда?» кричали они. — На новый редутъ! — «Да тутъ не ходить: вась убьютъ. У меня сегодня убило солдата, вонъ тамъ внизу, у палатокъ! Надо идти кругомъ, черезъ Селегинскій редутъ!» Но К* не послушалъ. «Ну, какъ хотите; пойдете, пожалуй, и тутъ! Я не отстаю: мнѣ не въ первый!» — Мы прошли вверхъ еще шаговъ десять, какъ вдругъ двѣ пули, одна за другой, ударились въ землю направо отъ насъ, саженихъ въ двухъ, разрѣзавъ деригъ двумя длинными полосами, потомъ вѣскольکو свиснула вверху. К* и С*, согнувшись, пошли къ стѣнкѣ редута, который былъ уже въ виду, шагахъ въ двадцати; а я остановился съ полковникомъ на горѣ. Мнѣ почему-то не хотѣлось идти. Въ это время пуля свиснула между мной и Сабашинскимъ такъ близко, что нахнулъ вѣтеръ. Сдѣлай мы шагъ впередъ, расчетъ этой пули былъ бы мной. Я хотѣлъ вспомнить чѣмъ-нибудь это мгновение и, нагнувшись, увидѣлъ подъ ногами три желтые тюльпана: я сорвалъ ихъ и уложилъ въ бумажки. Вся гора была покрыта этими тюльпанами. Замѣтьте, это было въ февралѣ.

Потомъ мы пошли вправо, къ Селегинскому редуту (такъ называю редутъ, на которомъ было дѣло съ 11-го на 12-е). Тамъ гораздо тише. Я прислонился къ траверсу и отдохнулъ. Но тутъ мнѣ пришли на мысль мои товарищи, оставшіеся подѣ стѣнкой. Я боялся за нихъ: какъ-то они пройдутъ пространство, уже пройденное нами? Но скоро я увидѣлъ ихъ входящими въ редутъ. Мы стали смотрѣть изъ-за щита, заслонявшаго одно орудіе, на трашени непріятелей, откуда посылается все это множество пуль: едва видѣлся вагъ, и пужба была нѣкоторая привычка, чтобы отличить въ горѣ эту желтѣющую насыпь. До нея, по крайней мѣрѣ, было четыреста сажель. А внизу, до палатокъ отъ редута, вѣрныхъ двѣсти. Между тѣмъ,

солдаты, о которомъ говорилъ Сабашинскій, былъ пробить пулею насквозь! — Выстрѣловъ не видно вовсе. Пули сыпалась, посылаемыя неизвестно кѣмъ и откуда. Миѣ не совѣтовали долго глядѣть и высомываться, говори, что перителъ замѣчасть у насъ малѣйшее движеніе и сейчасъ пускаеть пулю. Но ихъ летало черезъ этотъ редутъ немого. Я сталъ отъ нечего дѣлать прислушиваться къ ихъ свисту. Ніякія летѣли съ особеннымъ шуршаніемъ. Однажды я даже усомнился, точно ли это пули, и спросилъ у солдатъ: «что, это пули?» — Точно такъ! — «Отъ чего жь она такъ страшно свиститъ?» — Да это *молоденькая!* — Молоденькими солдаты называютъ ангаійскія пули съ чашечками.

«А это какая?» — Это *лебедушка!* — Такъ называютъ они пулю глухую, безъ чашечки, съ небольшою впадиной.

Офицеры миѣ говорили, что есть и еще названія, но сами вспомнить ихъ не могли, а я не слыхалъ.

Мы хотѣли идти опять той же дорогой; но Сабашинскій не пустилъ и повелъ насъ нѣсколько лѣвѣе, гдѣ, какъ онъ говорилъ, меньше пуль. Но и скоро могъ показать ему свѣже-вздорашную или землю. Такъ мы дошли до его блиндажа, устроеннаго въ концѣ горы, почти у самой пристани. За блиндажемъ идетъ нѣсколько палатокъ. Мы почитали себя безопасными. Выпили по рюмкѣ добраго хересу за здоровье полковника и его храбрыхъ Селенгинцевъ. Поговорили о дѣлѣ на Инкерманскихъ высотахъ, гдѣ Волюшцы и Селенгишцы также были вмѣстѣ, и простились. Къ пристани пошли мы уже одни, сѣли въ лодку и черезъ часъ были опять въ городѣ. Какъ-то особенно хорошо пообѣдалось у Томаса. Вечеромъ я ходилъ въ Корабельную слободку, къ Волюшцамъ, и тутъ они миѣ сообщили нѣсколько подробностей о дѣлѣ съ 11-го на 12-е. Рассказывали, между прочимъ, будто непріятели пустили однажды въ городъ огромный самоваръ, начиненный разными горючими веществами;

но это не разорвало, и что будто бы онъ у кого-то сохраняется. И не успѣлъ нанести справку, потому что на другой день мы получили разрѣшеніе выѣхать. Энергически, въ пять минутъ, собрались мы въ дорогу. Я съѣздила на Сѣверную проститься съ однимъ артиллерійскимъ генераломъ, командиромъ четвертаго номера. Зашелъ также къ Долгорукову и узналъ, что капитанъ зуановъ (фамилія его была Сажъ) и его солдаты умерли (они, кажется, носили арабскія имена); но русскимъ вѣсѣмъ лучше, и раны идутъ хорошо. Веротисъ въ городъ, и сходилъ на шестой бастіонъ и простился съ Зоршинымъ.

Когда я шелъ домой, непріятель сталъ пускать бомбы. Двѣ разорвало почти надъ моею головою, нѣсколько въ боку, и долго стояли въ воздухѣ неразрѣзаемая вѣтромъ облачка, которыя всегда бывають послѣ разрыва. Это были единственныя непріятельскія бомбы, видѣнныя мною близко.

Въ послѣдній разъ пообедали мы у Томаса и потомъ, собравъ вещи, пошли на пристань. Было пріятно ушлышать крики: «На Сиверную! на Сиверную!» хотя и не скучно было въ Севастополѣ, хотя этотъ городъ имѣетъ въ себѣ что-то притягивающее. Теперь я бы опять поѣхалъ туда, но въ то время хотѣлось въ Кишиневъ. Тамъ ждали товарищи; тамъ было больше своего, знакомаго; тамъ былъ *домъ*, а тутъ *гости*. Я думалъ о моей маленькой хатѣ, о моей доброй хозяйкѣ, любившей меня, какъ сына; о невозмутимой тишинѣ, окружающей мое жилище.

На станціи мы опять нашли офицеровъ на овецъ, но разумѣетелъ другнхъ. Лошадей не было; мы ждали часовъ пять и выѣхали, когда уже стало совсѣмъ темно. Надо было еще заѣхать къ Липранди, который стоитъ съ отрядомъ верстахъ въ шести отъ города, на Искерманскихъ возвышенностяхъ ¹⁾.

¹⁾ Гдѣ впоследствии стоялъ Главный Штабъ Крымской арміи.

Татарченко, везший насъ, какъ водится, не зная дороги; мы поѣхали такъ, на аносъ, направо, по своимъ соображеніямъ, потому что видѣли лагерь Анранди изъ Севастополя. Мы ѣхали и ѣхали все по горамъ, и что-то казалось долго. Была тьма кромѣшная. Но вотъ затемнѣли палатки... Удивительное дѣло это русское *авось!* Какъ рѣдко оно измѣняетъ русскому человѣку! — На дорогу выѣхать уже было не мудрость. Держи налѣво — и кончено!

На разсвѣтѣ оказалась живописная Дуванка, съ ея садами, тополями и горами, которыя окружили насъ совершенно, когда мы проѣхали слѣдующую станцію. Дорога была суха и крѣпка, какъ камень. Кое-гдѣ уже начинала пробиваться зелень. Облака ластились къ горамъ, поминутно задерживая ихъ своимъ млечнымъ пологомъ. Я вспомнилъ, что мнѣ кто-то говорилъ въ Москвѣ и еще крѣпко спорилъ, что Чатырдагъ никогда не покрываютъ облака, и что онъ слишкомъ расписанъ поэзіей. Не только Чатырдагъ, но и самыя незначительныя горки въ томъ краю бываютъ покрыты нерѣдко облаками. Притомъ, я замѣтилъ, что въ гористыхъ мѣстахъ есть какіи-то особенныя облака, дружныя съ горами. Они не отходятъ отъ горъ. Иное задвигается въ ущелье и стоитъ, какъ будто ему тамъ пріятно и лѣнь тропутся съ мѣста. Между тѣмъ, вверху всегда есть свои облака, играющія съ одними воздушными вихрями. Они вѣчно ходятъ высоко и не мѣшаются въ затѣи своей мелкой братии. Въ ровныхъ мѣстахъ этого нѣтъ. Тамъ одно высокое облачное небо. И если случится какая-нибудь одинокая горка, къ ней никогда не спустится облачко; а будь эта самая горка въ мѣстахъ гористыхъ, ее бы великое утро лелѣли туманы.

Скоро я отличилъ снѣжную вершину Чатырдага, къ которому привыкъ въ Севастополѣ. Онъ, дѣйствительно, не бросается въ глаза; но до него оттуда далеко — верстъ шестьдесятъ. Названіе *Палатъ-гора* очень ловко, хотя и дано,

и, впрочем, какимъ-нибудь Татаринномъ, переводившимъ Русскому его значеніе. Собственно Чатырдагъ значить *Шатеръ-гора*, и *чатыръ*, конечно, есть прародитель *шатра*. По-сербски *чадоръ*. И онъ похожъ на шатеръ, а не на *мачту Крыма-корабля*, какъ провеличалъ его поэтъ. Но пусть будетъ такъ, и я все-таки повторилъ :

Drżąc muśliniu całuje stopy twej opoki,
Mawzgie Krymskiego statku, wielki Czatyrdachu !¹⁾

Съ Аляшской станицы, третьей отъ Севастополя, онъ показывается очень живописно, между ближайшими горами, которыя идутъ сивава и ельва и какъ-будто нарочно раздвигаются, чтобы открыть его зрителю. Онъ между ними какъ въ рамѣ. И любовален этой картиной, стоя у воротъ, и тутъ подошелъ ко мнѣ англичъ, везшій насъ въ Бахчисарай, — лихачъ, и Русскій и Татаринъ вмѣстѣ. Мы тотчасъ узнали другъ друга. « Поэтъ, ваше благородіе, и Чатырдагъ ! » сказалъ онъ мѣстнымъ произношеніемъ и опять перевелъ мнѣ его по-русски.

— А чѣмъ, сколько отсюда будетъ до Чатырдага ? спросилъ я.

— Верстъ нѣтъдесять ; а то и все шестьдесятъ будетъ.

— А можно дойти до него такъ, прямо ?

— Какъ можно ! отвѣчалъ онъ : — дичина, и та не можетъ ! Тутъ такіе яры, что сохрани Богъ !

И опять вспомнилъ поэтъ :

Gdzie orły drogę nie wiedzą, kończy się chmur jazda...²⁾

Но *жмуры* хотѣли мнѣ какъ нарочно доказать, что поэзія не права, и что тутъ вовсе не кончается ихъ *ѣзда* : живая

¹⁾ Треница całuje muśliniowi podopitwu twojej skazy, o, macta Kryma-korabla, wielki Czatyrdag !

²⁾ Гдѣ орлы дорогъ не знаютъ, кончается тутъ ѣзда...

картина стала пни задвигаться, и скоро остались одѣ рамы и еще завѣсь, которая больше не поднималась.

Въ Бахчисараѣ мы имѣли бумагу къ коменданту, и это заставило насъ заѣхать въ городъ. Бахчисарай лежитъ между горами. Когда ѣдешь по лѣвому скату, длинной и предлинной улицей, самой главной и лучшей, — направо, внизу, видишь весь городъ, какая-то каша строений, мелкихъ бѣленькихъ домиковъ, съ черепичными нависнувшими крышами: улицы, площадей, и заборовъ, почти незамѣтно. Мѣстами возвышается два-три минарета — бѣлыя, тонкія башни съ острокопечной крышей, похожія на бупчуки. Мѣстами возносятся тополи... и вотъ Бахчисарай! Главная улица, по которой обыкновенно въѣзжаютъ въ городъ, очень узка, такъ что съ большимъ трудомъ можно разѣхаться двумъ экипажамъ. Это какой-то (на ту пору грязный) коридоръ между татарскими лавками и кофейнями. Почти вся улица состоитъ изъ лавокъ. Подъ навѣсами, утвержденными на деревянныхъ столбикахъ, сидятъ торговцы-Татары, въ халатахъ, курткахъ, въ широкихъ шароварахъ, въ черныхъ овчинныхъ шапкахъ, или въ рыжихъ верблюжьихъ, и въ туфляхъ, иногда на прилавкахъ, иногда просто на полу, между выставленнымъ товаромъ. Тутъ висятъ на ниткахъ кожаные мѣшки для табаку; кошельки, ремешки, сапоги; стоитъ трехугольникомъ бурка; тамъ красѣются яблоки, вмѣстѣ съ пряниками; бѣлѣтъ бризга — особенный сыръ изъ творогу, въ видѣ приплюснутыхъ хлѣбовъ; а вотъ табакъ и трубки. Хозяйка сидитъ и куритъ, и къ нимъ зашелъ гость въ двойныхъ желтыхъ туфляхъ, по случаю грязн, которыя неизвѣстно какъ держатся у него на ногахъ. Онъ свѣспл ноги съ помоста на улицу, избоченился и тоже куритъ; а вошь мелькнуло что-то бѣлое: это прошла черезъ улицу Татарка, покрытая чадрой; блеснули въ отверстіе покрывала одинъ черные глаза и больше ничего... Мы ѣдемъ дальше, и все мимо та-

кихъ же лавокъ. Вотъ лавка-кузница въ вѣчномъ движеніи. Два Татарина гремятъ молотками по раскаленному желѣзу. Рядомъ лавка сапожника: онъ сидитъ и тачаетъ сапоги. За нею лавка-трактиръ: кипитъ и бурчитъ масло на сковородахъ; Татаринъ, въ бѣлой рубашкѣ, съ засученными рукавами, вытаскиваетъ изъ котла говляжи катышки и кидаетъ на сковороду... Дальше Татаринъ-шаночникъ, окруженный безчисленными шанками, устраиваетъ еще одну шанку. Посторонніе, проходіе Татары стоятъ у лавокъ, переходятъ со стороны на сторону, бормочутъ и перекликаются черезъ улицу-коридоръ. Вотъ ѣдетъ на верблюдахъ арба, навстрѣчу четыре пары воловъ... улица запружена советѣмъ.... крикъ, бормотаніе еще больше... а тутъ еще рота солдатъ съ барабаномъ: давай намъ дорогу!... но волю уперлись и не йдутъ, гризъ по колѣно... солдатамъ не ждаты: они проходятъ руськомъ и по два въ рядъ подъ низкими навѣсами татарскихъ лавокъ — и сверху, и внизу, и всюду солдаты... а тутъ опять бурки, башлыки, ремни, кошельки и брыза... А вотъ и русскій чайный трактиръ. Гдѣ же дворець? Тамъ на концѣ. Проѣхали еще лавокъ пять съ кошельками, яблочками и туфлями, какъ вдругъ направо показалось довольно большое и длинное зданіе, съ высокими, красивыми трубами. Изъ-за него выглядывалъ бѣлый минаретъ. Мы въѣхали въ арку воротъ, у которыхъ стоялъ какой-то инвалидъ, неизвѣстнаго племени, говорившій плохо по-русски.

— Чтò, можно взглянуть на дворець? спросилъ я у него, покажетъ мой товарищъ пошелъ отыскивать коменданта.

— Можно.

— А гдѣ фонтанъ Маріи?

— А вотъ тутъ направо, гдѣ тополя.

Высокій и красивый тополь выступалъ изъ-за пестрыхъ

зданій, которыя были слзаны одну съ другимъ, составляя какъ бы заборъ; въ этомъ заборѣ была новая арка и ворота.

— А гдѣ гробница Потоцкой?

Неизвѣстное племя знало и гробницу Потоцкой.

— А понъ!

Я взглянулъ: прямо на скатѣ, подъ горой, тоже задвинутая стропиллями и арками, стояла низкая башня, съ круглымъ куполомъ.

W kraju wiosny, pomiędzy rokosznemi sady,
Uwiędlaś, mloda różo!... ¹⁾

Я хотѣлъ пойдти и поклониться юной розѣ, кто бы она ни была; но меня остановила непроходимая грязь. На дворѣ появился какой-то унтеръ-офицеръ, брякавшій ключами. Ясно было, что онъ намѣренъ показать намъ дворець. Мой товарищъ воротился, и мы пошли за солдатомъ съ ключами. Войдя въ арку и пройдя нѣсколько шаговъ, мы остановились въ большихъ стѣняхъ, и проводникъ указалъ намъ палѣво «Фонтанъ Маріи Потоцкой». Онъ воображался мнѣ иначе. Не имѣя понятія о восточныхъ фонтанахъ, я все думалъ о фонтанѣ, бьющемъ вверхъ. Фонтанъ Маріи бьетъ изъ мраморной стѣны, сверху внизъ, изъ отверстія наподобіе почки какого-то цвѣтка. Онъ напоминаетъ печь съ украшеніями. Вода падаетъ на четыре карниза, помѣщенные одинъ подъ другимъ, катится струйками по мрамору

И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.

Сами собой повторяются стихи, какъ будто созданные подъ эти немолчные плески...

¹⁾ Въ краю весны, между роскошными садами, увяла ты, юная роза....

Весь мраморъ писанъ именами. Я искалъ слѣдовъ двухъ поэтовъ... Много стертось временемъ, а многое и руками желавшихъ непременно явиться на мраморѣ. Новыя имена заступили мѣсто прежнихъ. Больше скромные писали въ створѣ, на сѣромъ плитникѣ и алебастрѣ. При томъ, это вѣрнѣе: кто хочетъ остаться дольше, пиши на алебастрѣ; а на мраморѣ, можетъ быть, смоютъ тебя завтра жъ. Вверху фонтана надъ зубчатыми украшеніями, — луна и какъ бы крестъ. Татарская надпись, въ четыре строки, означаетъ слѣдующее:

Лицо Бахчисарая улыбнулось опять: Богу слава да будетъ!

Хорошо изобрѣтеніе милостиваго величества Керимъ-Гирей.

Въ ночь утомилъ жажду странъ, трудомъ рукъ своихъ.

Еще много для добра постарается, если будетъ Божія помощь.

Воду нашею, хорошее назначеніе ей далъ, со своею ему проицательностью.

Если идучи-пойдешь, увидишь у насъ Сирію-Багдадъ.

Жаждающіи Шейхъ¹⁾ прочтетъ въ словахъ трубки число.

Иди, пей воду чистую! этотъ фонтанъ даетъ здоровье!

Ниже есть арабская надпись, которая значитъ слѣдующее: *въ раю есть источникъ, кою имя Сельсебиль.*

Вообще весь фонтанъ подуренъ, но опъ не лучшій. Тутъ же,

¹⁾ Шейхъ, кажется, вмѣсто путникъ. Прочтеть въ словахъ трубки число — мнѣ объяснили такъ: сочинители этихъ надписей шутили обыкновеніе скрывать годъ постройки въ какомъ-нибудь стихѣ надписи. Надо вывести ясное значеніе буквы.

въ сѣняхъ, есть другой фонтанъ гораздо красивѣе. На немъ такая надпись:

Капланъ-Гирей-ханъ, сынъ Эль-хаджи-Селимъ-Гирей-хана. Да проститъ Богъ ихъ обоихъ и родителей ихъ! ¹⁾

Ниже арабская надпись изъ Корана: *И напоилъ ихъ Господь ихъ напитками чистыми.*

Рядомъ съ этимъ фонтаномъ есть дверь въ ханскую молельню, которую почему-то называютъ молельней Маріи Потоцкой. Надъ дверями такая надпись: *Селмедъ-Гирей-ханъ, сынъ Эль-Хаджи-Селимъ-Гирей-хана. 1155.*

Ключикъ отворилъ намъ двери во дворецъ.

— Вотъ комнаты Маріи Потоцкой, сказалъ онъ.

Здѣсь оить страшная луна съ крестомъ... «А вотъ судейская!» Это была довольно большая комната, со стѣнами подъ мраморъ, съ цвѣтными фигурными стеклами, съ узорнымъ красивымъ потолкомъ и хрустальной люстрой. Потолокъ лучше всего. Замѣчательна также мастика, употребленная на стѣны: она обманываетъ и зрѣніе, и осязаніе. Только по звуку это не мраморъ. Кто-то догадался и покрывалъ эти чудесныя стѣны повою краской на мѣлу; но кто-то другой стеръ въ одномъ мѣстѣ повою краску. Чичероне объ этомъ знаетъ и показываетъ. Въ концѣ залы, подъ самымъ потолкомъ, вы видите частую зеленую рѣшетку. Тамъ есть небольшая комната, въ которую можно пройти изъ палаты хана. Говорятъ, что ханъ за этой рѣшеткой невидимо присутствовалъ при засѣданіяхъ судилица. Мы осмотрѣли и ханскія комнаты. Вездѣ узорные, красивые потолки. Подъ погами особаго рода мелкія рогожки, тѣ самыя, по которымъ двигались ханскія туфли. Окна бѣлаго

¹⁾ Есть я годъ. но не лень. Въ эти года. разумѣется, считаются отъ гаджры.

стекла съ рибло, а мѣстамъ и цвѣтныи. Въ одной комнатѣ, по краямъ, подъ потолокомъ — мелкая живопись, изображающая разные виды, деревья, домики. Все это сохранилось весьма хорошо. Въ двухъ комнатахъ бьютъ фонтаны вверхъ, въ нѣсколько отверстій; кругомъ диваны, обтянутые красной шерстяной матеріей: по угламъ низкіе восточные столики черного дерева, выложенные перламутромъ. Мы были и въ той комнатѣ, откуда изъ-за рѣшетки ханъ будто бы глядѣлъ на купающихся женъ. Мы осмотрѣли потомъ и мраморную купальню: это бассейнъ, шириною сажени въ двѣ и глубиною въ аршинъ. На небольшой луговинѣ, подлѣ этой купальни, растутъ двѣ пышныя мирты, а по камешному забору, влущему кругомъ садика, вьется виноградъ. Тутъ же стоитъ и тотъ чудесный тополь, который мнѣ указалъ со двора привратникъ. Въ концѣ садика бьетъ еще два фонтана. Потомъ мы осмотрѣли ханскую спальню, столовую, приемную, посольскую и комнату для бритья. До сихъ норъ цѣло наречное покрывало, которымъ головобрѣй завѣшивалъ послѣдняго Гирей. Оттуда вожатый привелъ насъ въ покои ханскихъ женъ, довольно большія комнаты, съ зеркаломъ въ каждой и съ особеными шкапами для платя. Шкапы эти сдѣланы грубо и выкрашены одноцвѣтной масляной краской. Подъ ногами вездѣ рогожаная подстилка. Въ одной комнатѣ висятъ два онахала изъ страусовыхъ перьевъ...

...но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?..

Грустно-пустынно раздается шагъ зашедшаго туда посетителя. Тяжело пыльные дворцы. Съ каждымъ часомъ рука времени стираетъ черты; но поэзія облекла вѣчнымъ очарованіемъ забытыя стѣны ханскихъ Палатъ:

Еще понынѣ дышитъ вѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ...

Могиль гарема намъ не показали. Онѣ въ вѣдѣніи мусульманскаго духовенства, и входить въ каменную ограду всегда запертъ. Два низкія круглыя зданія съ кунолами выходятъ наружу. Чичероне сказалъ, что тамъ похоронены ханы. Подлѣ, въ горѣ, журчитъ ключъ, дающій жлзпъ всѣмъ фонтанамъ сада ¹⁾.

Cdzież jesteś, o miłości, potęgo i chwało?
Wy macie trwać nawieki, źródło szybko płynie,
O hańbo! wyście przeszły, a źródło zostało! ²⁾

Преданіе о происшествіи, разсказанномъ Пушкинымъ, сохранилось въ народѣ до-сихъ-поръ. Мы передавали всю эту исторію почти такъ же, какъ она въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ». Зарема въ дѣйствительности называлась Феря. Ханъ любилъ ее больше другихъ женъ, но когда привезли ему чужую дѣвицу, неизвѣстно какую, только не Тагарку, онъ оставилъ Ферю. Имъ новой одамыкъ ему не понравилось и онъ сказалъ: «да будешь ты отыишъ Диллрѣ-Пикѣчь» ³⁾. Что значитъ: «украшающая сердца княжна.» Она скоро умерла и ханъ подозрѣвалъ, что ее звала Феря — и Феря также не стало. Ханъ построилъ надъ прахомъ Диллрѣ-Пикѣчь дюрбѣ, или надгробныйи памятникъ, о которомъ я уже сказалъ выше. Тамъ есть надъ дверями надпись: *За душу покойной и поминающей Богомъ Диллра-Пикѣчь фатиху!* — подразумѣвается *прочти!* «Фатиха» — первая глава Корана.

Задумавшись выѣзжаешь изъ Бахчисарая. Мы не замѣтили, какъ татарскіе кони втащили насъ на огромную гору, откуда

¹⁾ Ихъ числомъ 17. Кромѣ того въ городѣ 47 фонтановъ.

²⁾ Гдѣ жъ любовь, владычество и слава? Вамъ пребывать вѣчно.... источникъ быстро бѣжитъ.... о, позоръ! Вы миновали, а источникъ остался!

³⁾ Можно читать *Бикѣчь*, и это правильнѣе: Бекъ — князь. Бикѣчь — княжна, но я держусь вездѣ татарскаго произношенія.

еще больше политический, страшный городъ. Но его виднись минулу. Дороги поворачиваетъ направо, и бугоръ закрываетъ все. Мелькнувшимъ сломъ припоминается Бахчисарай и его опустѣлыя, пестрые дворцы...

Мы опять стали встрѣчаться съ обозами. Горы пошла пожиматься и передъ Симферополемъ пропали сопѣтя. Потянулась степь, грязь. По степи показались суслики: они безпрестанно мелькали за кочками, то выходящей стѣрой полоской, то торчащими столбиками; и здѣсь, и тамъ бѣжалъ трусливый анфрокъ, настораживая уши; останавливался, прилегалъ и думалъ, что имъ занято все, что ни идетъ и ни ѣдетъ, и что на него мчится тройка чудовищ... быстро несясь онъ къ норѣ, еще разъ мелькалъ и глядѣлъ изъ-за кочки своими острыми глазками и вдругъ нырнулъ въ норку, какъ въ воду. Жаворонки иѣли одинъ передъ другимъ. Дрофы перелетывали стадами съ мѣста на мѣсто. Бѣжали потоки отъ растапливхъ снѣговъ, и часто надо было далеко объѣзжать эту журчащую поэзію степей. Въ Перекопѣ мы едва не съли. Экипажъ Великихъ Князей (небольшая коляска) влекъ одиннадцатую парами воловъ и двумя верблюдами. Великіе Князья оставили его и пересѣли въ другой, болѣе легкій. Тиммъ, издатель «Художественнаго Листка», разѣзжалъ по городу верхомъ, ожидая прибытія на станцію этой коляски. Онъ мигъ и разсказалъ все дѣло. Мы потащились изъ Перекопа шагомъ. Грязь, грязь и грязь. Наконецъ и мы стали, въѣзжая въ Николаевъ. Четверка лошадей не брала простой курьерской тележки. Пришлось ширячь лошадей, сѣсть верхомъ и такъ доѣхать до станціи, — пересты четыре, грязными улицами города. Вещи мы взяли на лошадей. Кто вытаскивалъ потомъ телегу, неизвѣстно. Впоследствии мы находили много брошенныхъ въ полѣ телегъ и тарантасовъ, безъ всякого присмотра. Увезти было некому. Не доѣзжая трехъ станцій до Одессы, мы опять застряли въ

грязи. Было верстъ девятнадцать до перемѣны лошадей, и стало уже tempo. Къ счастью, намъ попалел расторопный и ловкій ящикъ. Въ совершенныхъ потьмахъ, такъ что мы не видали другъ друга, онъ выпрягъ лошадей, перевязалъ возжамп наши вещи, поддѣлалъ намъ веревочныя стремяна, усадилъ, — и мы двинулись въ походъ, бросивъ телегу. На бѣду пошелъ дождикъ. Отѣхавъ верстъ пять, мы сблизь съ дороги. По сторонамъ выли волки, и такъ близко, что наши лошади храпѣли. Сколько мы ни улюлюкали, волки не уходили. Все это вмѣстѣ было несколько не лучше путешествія подъ штуцернымъ огнемъ. Мы кружили, кружили — и все-таки не находили дороги.

— А какъ намъ былъ дождикъ, когда мы поѣхали? сказалъ гешій-ямщикъ.

— Въ лѣвое плечо.

— Точно, въ лѣвое плечо. Такъ и надо стать и ѣхать.

Стали такъ и поѣхали, и выбрались на дорогу. Чтобы не сбиться еще, мы распорядились такимъ образомъ: поѣхали гуськомъ, другъ за дружкой, и каждый смотрѣлъ внизъ и въ тоже время слушалъ звукъ копыта. Если казалось кому нибудь, что сблизь, онъ давалъ знать: другіе два повѣряли. Ящикъ иногда слѣзалъ и щупалъ дорогу рукой. Такъ доѣхали мы до какихъ-то стоговъ.

— Должны быть стоги на дорогѣ?

— Должны.

— Значить, такъ ѣдемъ?

— Такъ!

— Да тутъ есть и земляпка, прибавилъ ящикъ: — не перегодить-ли намъ до свѣту, ваше благородіе?

— Давай, перегодимъ.

— Эй, малый! крикнулъ гешій-путеводитель: — пусти въ землянку!

Что ты перепуганный голос отбивалъ, запинаясь:

И побладу, да у меня, дяденька ничего нѣтуту, и огня нѣтуту!

— Ничего и не надо.

Мы ползли въ какую-то соломенную пору, щупая кругомъ: все была солома, но, по крайней мѣрѣ, сухая. Лошадей мы сунули къ сѣну. Клажа осталась на ихъ; а сами всѣ втроемъ, четвертый мальчикъ, забрался въ землянку и черезъ мигъ заснулъ. Мнѣ случилось встать рывше всѣхъ. Я разбудилъ товарищей. Свѣтъ едва брезжилъ, но дождикъ перестать. Мнѣ мелькнула передъ землянкой сошлая фигура малаго, сторожковаго стога, которые наши лошади немного пораздергали. Но малый былъ за это не въ претензіи. Чемоданы наши были сохранны, какъ будто кто стерегъ ихъ. Мы поѣхали по дорогѣ и скоро увидѣли станцію. Больше такого неприятнаго безедезнаго странствованія не случилось. Еще разъ мы ѣхали перхомъ цѣлую станцію, но уже на обѣданныхъ лошадяхъ. Подъѣзжая къ Одессѣ берегомъ моря, на этотъ разъ днемъ, мы опять слышали его шумъ и раскаты; но странно! — это было совсѣмъ не то, что ночью. Тѣ же волны, а плескали не такъ. И старался содаты прежній звукъ разными усиліями, закрывался, предавался мыслями одному этому: и все было не то. До Бендеръ не случилось ничего особеннаго. Но тутъ, въ Перкви, у Дибстра, задержали насъ, ледь. Мы жили три дни въ одномъ болгарскомъ семействѣ, состоявшемъ изъ старухи-хозяйки, двухъ ея сыновей и двухъ невѣстокъ. Одна была стройна, какъ пальма. И свѣтъ ей одну болгарскую пѣсню, гдѣ говорилось о красавицѣ, которая когда шла лѣсомъ, — сухое дерево распуекалось, а шивтушее увидало.

Сухо ще дрыво листъ пустякъ,
А сурово ще повѣя...

— Гдѣ ты выучился по-болгарски? спросила она меня.

— Въ Россіи, отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, не можетъ быть, сказала красавица: — откуда тамъ Болгары!... А ты, вѣрно, былъ въ Болградѣ.

Болградъ — это ихъ лучшая колонія въ Бессарабіи, можно сказать, городъ, дальше и лучше котораго они ничего не знаютъ. Красавицѣ было только шестнадцать лѣтъ, а мужу ея девятнадцать, и онъ былъ также красивъ. Она одѣвалась всегда хорошо, и подносывала свой стройный станъ широкимъ полемъ съ большими серебряными бляхами. Домикъ, въ которомъ жило все это семейство, былъ очень педуренъ, въ двѣ комнаты съ особенной кухней; на дворѣ кричали гуси и утки. Все было просто и тихо. Къ нимъ ходилъ великій вечеръ одинъ старикъ изъ низу, съ рѣки, гдѣ онъ имѣлъ сады. Его звали *Сусидъ*, и мы такъ стали называть. Сусида все уважали, и хозяйка всегда ставила ему стулъ.

— А что, нельзя ли какъ перешагнуть? спросили мы его однажды.

— Нельзя! отвѣчалъ Сусидъ; — крыга такая идетъ, что о! ¹⁾

— Да итъ ли тамъ кого, чтобы перевезъ?

— Хошь до неба кричи, никого не найдешь! Прошлый годъ такъ-то поѣхали: чисто всехъ утопило!

— Всехъ?

— Ого!

Этимъ онъ кончилъ рѣчь. Сусидъ былъ немного лакопическаго свойства и размазывать рѣчей не любилъ.

Такъ мы сидѣли у моря и ждали погоды, наконецъ, привыкли и забыли наблюдать за льдомъ. На третій день вече-

¹⁾ Крыга — ледь.

ромъ пришелъ къ намъ Сусидъ и сказалъ съ петерфильнымъ удовольствіемъ:

— Ну, завтра будетъ переѣздъ: крыга проходитъ!

Сусидъ былъ сколько лакониченъ, столько же и трусоватъ, и ему никакъ не воображалось, что перевозъ начнется раньше завтрашняго дня, и уже начался, покуда онъ шелъ сплзу. Я взглянулъ въ окно и увидѣлъ ходящія отъ берега до берега лодки. Мы бросились увязывать чемоданы, побѣжали за лошадьми, но покуда запрягали, уже стемнѣло, и лодки перестали ходить. Утромъ, чуть свѣтъ, вскочили мы, чтобы ѣхать... и что же? крыга шла еще сильнѣе. Сусидъ опустил голову и не говорилъ ни слова. Тутъ наѣхалъ къ намъ курьеръ, одинъ изъ адъютантовъ князя, посланный вѣстать за нами изъ Севастополя. Мы всѣ втроемъ пошли на рѣку и рѣшились, во что бы то ни стало, переѣхать. Ледъ шелъ сильно только по-серединѣ; къ краямъ было жиже, а мѣстами и совсѣмъ чистая вода. Стояло только пробиться сквозь среднюю полосу, и тогда мы тамъ. Мы достали большую лодку и десять багровъ, чтобы отпихивать ледъ. Трусливый Сусидъ говорилъ, что нельзя, и всѣ говорили, что нельзя, а вышло — можно. Мы ели благо-словие. Много народу собралось на той и другой сторонѣ, смотрѣть, какъ мы будемъ переправляться. Изъ крѣпости также вышли кучки и глядѣли. До встрѣчи съ полосой мы ѣхали благополучно; но тутъ ледъ окружилъ насъ и понесъ. Напрасно багры пинкали въ него и толкали: самая маленькая льдина была на бѣгу своемъ сильнѣе человѣка... Тутъ поднялся крикъ и шумъ; мы стали работать веслами и баграми и какъ-то выбрались на чистое мѣсто... Но это было еще не конецъ: огромная льдина неслась прямо на лодку, угрожая намъ опрокинуть. Всѣ увидѣли ее вдругъ и вдругъ ударили въ веслы; лодка вынеслась, льдина прошла мимо, и мы причаляли къ берегу, гдѣ ожидали насъ лошади.

Три стациі къ Кишицеву пролетѣли мы летомъ, потому что дорога была прекрасная, по горамъ; но послѣдняя стациія оказалась грязна, и на бѣду повезъ Молдаванъ, сонный, неповоротливый, не знавшій дороги и не говорившій по-русски. Блаженъ, кто не имѣлъ несчастіи ѣздить съ этимъ народомъ. Къ тому же надо прибавить, что у нихъ почти нѣтъ никакой упряжи. Лошади везутъ на особыхъ лимкахъ, безъ хомутовъ, и никогда не вьзуданы. У четверни всего двѣ возжи. Пристяжныи скачутъ безъ возжей. Разумѣется, подъ гору тройка несеть, и какъ еще не ломаютъ никому шей, это совершенно непостижимо. Слѣзть же въ такихъ случаяхъ нѣтъ и заведенія. У меня никогда такъ не замрало сердце, какъ въ тѣ минуты, когда молдаванскіе не вьзуданные кони мчали насъ вьотъмахъ подъ гору, неизвѣстно куда; а мой товарищъ, больше меня привыкшій къ этимъ штукамъ, обыкновенно хохоталъ во все горло. «Стало быть, ко всему можно привыкнуть. Въ довершеніе всѣхъ удовольствій, испытанныхъ на этой несчастной стациі, криковъ съ Молдаваномъ по-русски и по молдавански, — мы съѣли въ грязь, и гдѣ же? — уже вьѣзжалъ въ городъ, едва не въ виду своихъ жилищъ! Огни Кишицева привѣтно горѣли тутъ, сейчасъ за мостомъ, и манили насъ къ себѣ. Дѣло, впрочемъ, знакомое: выпрягай лошадей и поѣдемъ верхомъ! Къ счастью, вблизи случилась будка. Мы крикнули будочнику. Онъ явился и оказался преловкій и преуслужливый малый. Огня у него не нашлось. Вьотъмахъ, какъ нѣкогда гецій-путеводитель, перевязалъ ошъ намъ вещи, пока ямщикъ выпрягалъ лошадей... какъ вдругъ мы услышали сзади звошь бубенчиковъ: паѣхала обратная тройка, пустая телега.

— Возьми насъ съ собой!

— Чтò жь, можно, отвѣчалъ русскій челоувѣкъ — вы кто будете?

— Такіе-то.

— Ну, что жь, садитесь.

Итакъ, мы въѣхали въ Кишиневъ совсѣмъ не тѣми улицами, какъ въѣзжаютъ обыкновенно. Ямщикъ, избѣгая гризи, не поѣхалъ прямо. Черезъ часъ мы стучали въ ворота своей хаты. На душѣ было невыразимо пріятно. Кишиневъ показался мнѣ роднымъ городомъ.

1855. 1857.
Кишиневъ. С.-П.-бургъ.

СЕВАСТОПОЛЬ
СЪ АПРѢЛЯ ДО СЕНТЯБРЯ
1855 года.

Вторичный прїездъ въ Севастополь. — Куриная балка. — Переѣзъ съ Александромъ Ивановичемъ. — Помѣщеніе на фрегатѣ Коварѣ. — Видъ съ него на Севастополь. — Сѣверная балка. — Графская пристань. — Главный перевязочный пунктъ. — Библиотека. — Маленькій бульваръ. — Константиновская батарея. — Главный штабъ. — Батарея Марія. — Переходъ базара на новое мѣсто.

Я прожилъ въ Кишиневѣ недолго. Въ концѣ февраля князь Горчаковъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Крымъ. По отъѣздѣ его изъ Кишинева, я былъ вызванъ, съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, въ Севастополь, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими офицерами, и прїѣхалъ туда 17-го апрѣля (1855) въ ночь. Эту ночь я провелъ на знакомомъ оветѣ, гдѣ спалъ 11-го февраля, въ первый мой прїездъ въ Севастополь.

18-го апрѣля, часу въ 9-мъ утра, я пошелъ являться къ начальству. Былъ царскій день. Дежурный генералъ, начальникъ штаба и другія власти уѣхали въ городъ къ обѣднѣ. Я сталъ дожидаться ихъ возвращенія у пристани, приѣвъши на деревянныя перила и смотря на бухту и пестрѣвшія за нею здашя города. Какъ пріятно объ этомъ вспомнить! Севастополь былъ тогда полощъ жпзии. Черезъ волны несея колокольный звокъ. Бухта жила; какъ теперь вижу отчаливающія и причаливающія гички, уѣшанныя коврами. Пристань кишѣла пародомъ; въ разныхъ пунктахъ рейда высилась мачты судовъ, и въ воздухѣ красиво переплетались тонкія, черныя нити ихъ снастей. Корабли стояли въ томъ же порядкѣ, въ какомъ я видѣлъ ихъ въ февралѣ: ближе всѣхъ къ Сѣверной сторонѣ держался корабль «Императрица Марія»; нѣсколько далѣе, направо, «Храбрый»; за нимъ «Великій Князь Константинъ» — всѣ три на косвенной линіи отъ Курной балки къ Графеской пристани. «Ягудинъ» стоялъ у того берега, близъ Аполоповой балки. Направо отъ него, по берегу, стояли корабли «Чесма» и «Парижъ». Послѣдній почти подъ Павловской батареи. Частные ялики ходили поминутно съ Сѣверной на Графескую и обратно. У квартиры дежурнаго генерала вѣчно толнился народъ ⁴⁾. Въ длинномъ каменномъ балаганѣ,halbо оттуда, если стать лицомъ къ бухтѣ, — по прежнему, въ передней части, складывались убитые, привозимые съ Южной, а въ задней части устроены были яраченныя для стирки госпитальнаго бѣлья. Подлѣ этого балагана всегда бродило и сидѣло множество солдатъ, такъ что трудно было пройти. Иные тутъ же и закусывали. Нѣсколько бабъ-торговокъ сидѣли подъ стѣнкой, примыкавшей къ балагану, и продавали квасъ, хлѣбъ, соленую рыбу. На бугрѣ, который поднимается тотчасъ, когда

4) Квартира его была въ домикѣ, гдѣ жилъ прежде князь Мещниковъ.

миуешь балаганъ, иди къ Штабу⁴⁾, — обыкновенно сушилось бѣлье. Стояли высокіе шесты съ протянутыми къ нимъ веревками, и на нихъ вѣшались рубашки и порты. Лишнее бѣлье разстлалось по луку, вокругъ шестовъ, гдѣ въ зеленой травѣ бѣгало множество красивыхъ ящерицъ. Подъ бугромъ, надъ маленькою бухтой, какъ-разъ противъ пращениаго балагана, вѣчно хлопотало десятка два котловъ съ горячею водою, и около нихъ суетились и тараторили бабы. Эта часть, этотъ уголокъ Сѣверной стороны, былъ конечно однимъ изъ самыхъ населенныхъ. Книжные народа вокругъ балагана и пристани стихало только ночью. Столько же, а можетъ и больше было движеній и на базарѣ, который оставался на прежнемъ мѣстѣ, въ горѣ, направо отъ 4-го номера батареи, если стать къ пристани задомъ. Одесская гостиница Александра Ивановича по прежнему была полна народомъ, но въ ней произошли нѣкоторыя перемѣны: возникла каменная ограда; самая палатка раздвинулась шире; печь устроилась какъ слѣдуетъ, уже не на двухъ кирпичикахъ, какъ прежде; только изъ этой благоустроенной печи выходило кушанье гораздо хуже, чѣмъ то, которое готовилось на двухъ кирпичикахъ. Чай сталъ очень плохъ. Гречневую кашу просто нельзя было ѣсть. Известно, русскій человекъ не можетъ не избаловаться, когда дѣла пойдуть въ гору. Бывало, Александръ Ивановичъ вѣчно торчитъ въ палаткѣ, а тутъ его уже трудно было поймать. Онъ все куда-то уѣзжалъ. То говорили, что онъ въ Бахчисараѣ, то гдѣ-нибудь еще дальше. Однажды я засталъ его въ лавкѣ, окруженнаго адъютантаствомъ главнокомандующаго, которое брало у него табакъ, пряники, конфеты, посылая деньгами. Александръ Ивановичъ завертѣлся. Я крикнулъ ему черезъ толпу, но онъ меня не узналъ.

4) Бывшій дозъ Степанова, начинающій госпитальныя баракы Сѣверной стороны.

Послѣ этого прошло нѣсколько времени, и я опять не видалъ Александра Ивановича въ палаткѣ. Черезъ мѣсяць миѣ мелькнулъ Александръ Ивановичъ на площади, около Куриной балки, совершенно въ другомъ костюмѣ, нежели я привыхъ его видѣть; совѣтъ не тотъ Александръ Ивановичъ, какимъ онъ былъ въ февралѣ. На немъ былъ легонькій, короткій сюртучекъ; съ-рая шляпа съ большими полями и съ кисточкой; концы цветнаго галетука весело развѣивались по воздуху. Вся физиономія его измѣнилась: онъ казался моложе, какимъ-то воздушнымъ и порхающимъ.

Затѣмъ я не видалъ его до 4-го августа.

Базаръ также раздвинулся и увеличился. Нашлись соперники Александру Ивановичу, устроившіе точно такія же лавки и палатки. Землинокъ вокругъ прибавилось втрое.

Явившись къ дежурному генералу, я сталъ просить о квартирѣ. Квартиръ вовсе не было. Ихъ импровизировали сами офицеры изъ солдатскихъ и матросскихъ землянокъ. Миѣ указали одну, подлѣ Штаба, надъ бухтой, и въ то же время, предложили помѣститься на фрегатѣ, противъ Сѣверной балки. Землянка была ни на что не похожа: сыра и въ добавокъ уже занята двумя офицерами. Они тѣснились въ трехъ маленькихъ каморкахъ, вмѣстѣ со своею прислугой. Куда же тутъ было помѣститься еще миѣ и притомъ съ двумя людьми? И въ раздумѣ пошелъ на фрегатъ. Надо было перелѣзть двѣ горы. Фрегатъ, окруженный транспортными судами ¹⁾, стоялъ въ небольшомъ заливѣ, не подальку отъ 4-го номера. И прочелъ: *Коварна*. Страшно теперь произнести миѣ это слово, имѣющее и русское значеніе ²⁾. Тихо было на судахъ; они казались совершенно пустыми. И не умѣлъ съ непривычки разглядѣть вахтеннаго, так-

¹⁾ Дунаемъ, Лабой и Гагрой.

²⁾ *Коварна* названа была такъ по имени одной турецкой крѣпости

же точно, какъ не умѣлъ кликнутьъ лодку. Это исполнилъ за меня какой-то матросъ, сидѣвшій у пристани, тогда еще спокойной и пустынной. Лодка подошла, и переѣхавъ и спросилъ командующаго. Имѣлся офицеръ, очень молодой человекъ, и показалъ мнѣ нѣсколько каютъ, отличавшихся, какъ небо отъ земли, отъ душной и сырой землянки, которую я только-что оставилъ. Тутъ не могло быть колебанія въ выборѣ. Я воротился на станцію очень довольный, что имѣю квартиру. Сейчас же послалъ на базаръ нанять телегу; телегу наняли за 75 копѣекъ; я положилъ мои вещи, а самъ пошелъ съ людьми нѣшкомъ. Разстояніе было около версты. Когда мы, или лучше сказать, наши вещи, подъѣхали къ пустой пристани, гдѣ ровню ничего не было, кромѣ торчавшаго изъ земли якоря, да сваленныхъ въ кучу ядеръ, — люди мои удивились и посмотрѣвали по сторонамъ, лица жилища. Я объявилъ имъ, что мы будемъ жить на кораблѣ. «На кораблѣ?» повторили они и призадумались. Это было такъ ново, такъ странно... и кажется, имъ не понравилось. Я сѣлъ въ поданный тузъ⁴⁾, а за людьми и вещами приехалъ двойку, и мы перебрались на фрегатъ. Въ бухтѣ въ это время развело сильное волненіе и людей моихъ тотчасъ же укачало. Кучеръ выпилъ водки и поправился, а человекъ я долженъ былъ послать на берегъ. На меня же качка не имѣла никакого вліянія.

Итакъ я поселился на фрегатѣ. Прежде всего занялся и раскладкою моихъ вещей въ каютѣ, въ которую ходъ былъ изъ каютъ-комнатѣи, большой комнаты на нижней палубѣ, съ освѣщеніемъ сверху. Русскій человекъ не любитъ тѣспоты; я расположился по-помѣщичьи: въ каждомъ ящикѣ (а ихъ было довольно много: четыре въ кушеткѣ, два въ шкапу и четыре

⁴⁾ Небольшая лодка съ однимъ гребцомъ въ два весла. За тузомъ слѣдуютъ: двойка, четверка, шестерка; далѣе — катеръ.

въ комодѣ) у меня что-нибудь да лежало, хоть два листа бумаги.

Сверхъ моей каюты я могъ пользоваться также и капитанскою, потому что капитанъ съ нами не жилъ: онъ командовалъ въ это время Константиновскою батареею, а нашъ командующій занималъ простую офицерскую каюту.

Капитанская каюта была свѣтлая, большая комната, съ окнами, тогда какъ офицерскія каюты имѣють не окна, а люминаторъ — круглое стеклышко, прикрытое къ особенной распоркѣ, которая вынимается вонъ.

Кромѣ меня изъ нашего штаба жилъ еще на фрегатѣ переводчикъ дипломатической канцеляріи, родомъ Болгаръ, челоувѣкъ пожилой, съ сильною прорѣдью въ волосахъ, но еще бравый, съ чудесными усами и румянцемъ во всю щеку. Онъ очень любилъ Россію; приходилъ въ восторгъ отъ успѣховъ нашего оружія и унывалъ отъ потерь. Въ грустныя минуты онъ обыкновенно начиналъ крутить усы, выпивалъ водки, пилія послѣ второй рюмки; поглаживалъ свой сѣдой хохолокъ и говорилъ что-то такое, изъ чего мы разбирали только половицу. Въ немъ сохранилось еще много восточнаго, несмотря на давность его переселенія въ Россію. Напримѣръ, онъ сердился, если кто просилъ у него огня изъ трубки. Для восточнаго курителя это родъ обиды. Наложивъ трубку, онъ сосетъ ее до конца. Прервать куреніе, дать изъ нея огня на сторону — значить испортить все дѣло.

Почтенный переводчикъ много путешествовалъ: былъ въ Сибіри, въ Китаѣ, въ Египтѣ, Богъ знаетъ гдѣ, и говорилъ на многихъ языкахъ. Мы часто слушали его рассказы, подъ скрипъ фрегата и громъ отдаленныхъ батарей.

Потомъ присоединился къ нашей компаніи одинъ гусарскій офицеръ, служившій когда-то въ Польшѣ и Фляндіи. Онъ

переносилъ насъ съ юга на сѣверъ и съѣхалъ гусарскими ашекетами.

Священникъ фрегата, іеромонахъ Веніаминъ, былъ человекъ самой строгой жизни и, по своему, довольно образованный. Все священники фрегатовъ и кораблей, стоявшихъ тогда на рейдѣ и даже затопленныхъ, обязаны были посѣщать тѣ бастионы, гдѣ находилась команда ихъ экипажа, освящать батареи, исполдывать умирающихъ и совершать различныя церковныя службы. Веніаминъ былъ чрезвычайно усерденъ въ исполненіи этихъ обязанностей. Онъ ходилъ по бастионамъ съ какимъ-то увлеченіемъ, и мы всегда боялись, если онъ долго не возвращался. Но Богъ хранилъ его до конца. Мы извѣстно, что во всю осаду онъ неповѣдалъ и приобщилъ слишкомъ 11 тысячъ человекъ.

Матросы «Коварны» представляли смѣсь племенъ и націй: тутъ были Русскіе, Хохлы, Жиды и Цыгане. Но, разумѣется, командовалъ всею одною общій русскій духъ. Ходили они, бѣльшую частію, въ холстинныхъ курткахъ, или даже просто въ рубашкахъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда служба требовала сукошной одежды. Иногда, по вечерамъ, сиди у себя на кубриктѣ¹⁾, или на батарейной, около кухонной печи, по морскому кэмбуза, они пѣли пѣсни, которымъ близость и шумъ моря придавали что-то особенное... Подлѣ нихъ всегда было двѣ-три кошки, любимыя всею экипажемъ и выученныя ходить на заднихъ лапкахъ. А не то, матросы толковали объ осадѣ, только исторія осады у нихъ была своя. Они и знать не хотѣли офицерскихъ разсказовъ, а слушали и повторяли

¹⁾ Извѣстная часть нижней, или жилой палубы, гдѣ помѣщаются матросы. Всехъ палубъ на фрегатѣ три: 1-я) верхняя, 2-я) батарейная, или оперъ-декъ, гдѣ находится кэмбузъ, то-есть кухня; и наконецъ 3-я) нижняя, или жилая, гдѣ каютъ компанія. Все, что впереди каютъ-компаніи, называется кубрикомъ.

только то, что приносилось съ бастионовъ ихъ же товарищами, отвезенными туда ежедневно объѣдъ и ужинъ для команды своего экипажа. Этими розказнями былъ сытъ не только фрегатъ, но даже и берегъ Сѣверной и Сухой балки; а птицы повѣствованія улетали и на базаръ, и дальше. *Его*, то-есть непріятели, были тысячами. Чуть не каждую вылазку ложилось тысячъ *пятьдесятъ*. Это число почему-то было самое употребительное.

Несмотря на нѣкоторую виѣшнюю грубость и какую-то безпардонность, матросы «Коварны» были самый простой и богобоязненный народъ; служили службу свою честно и исправно. Если погибалъ товарищъ на бастионѣ, они старались похоронить его прилично, одѣтъ въ чистое бѣлье и отслужить панихиду. Особенно меня умняла ихъ необыкновенная пажоужность. Я часто замѣчалъ, какъ шной матросъ, лежась спать, или вставая поутру, или такъ среди дня, когда проешло сердце молитвы, — молился на колѣняхъ передъ единственнымъ образомъ Спасителя нашей маленькой церкви, или правильнѣе поюностиа, читалъ вслухъ свои молитвы и не смущаясь никакимъ окружающимъ шумомъ. Когда же происходила у насъ какаллибо служба, и мы собирались передъ образомъ, — я видалъ, какъ шные матросы подходили и клали мѣдныи денъги подъ образъ. Какъ мнѣ было завидно, что я не умѣю такъ же чисто и просто положить свой грошъ подъ образъ!

Фрегатъ «Коварна» стоялъ отъ берега въ 70-ти саженьяхъ. Вотъ какой видъ былъ отъ насъ на Севастополь.

Примо противъ насъ, смотря по бушириту¹⁾ черезъ рейдъ²⁾, видѣлась, на разетолнии вереты, Южная бухта, въ рамѣ строевой Корабельной слободки и Южной части города. Зданія Кора-

1) Большое дерево, утвержденное въ поу фрегата.

2) Большая, главная бухта.

большой начинались Павловскою батареей, стоявшею у самой бухты, на мыскѣ. За нею, вѣрно, шли низкіе одноэтажные магазины и казармы; потомъ открывалась и самая Корабельная слободка: мелкіе домики, разбросанные по горѣ, которая вѣичалась Малаховымъ курганомъ, — небольшимъ возвышеніемъ, едва-едва отдѣлявшимся отъ строей. Еще лѣвѣе, кънизу, спускались къ бухтѣ Аполлонова и Ушакова балки, замыкаемыя водопроводами, которыхъ бѣлыя арки ярко отдѣлялись отъ зелени горъ и были видны далеко. За тѣмъ шли пологія горы, и на нихъ дымились батареи.

За Павловскимъ мыскомъ выступали Александровскія казармы, и за ними показывались темныя окраины 3-го бастиона, въ видѣ зубцовъ: это были траверсы батарей.

Направо отъ Южной бухты пестрѣла разнообразными зданіями Южная сторона, такъ сказать — настоящій Севастополь. Въ среднѣ ея, нѣсколько шапекъ отъ насъ, видѣлась знаменитая Графская пристань: красивый портикъ на пестумекныхъ колоннахъ, и подъ нимъ каменная лѣстница къ рейду. Правѣе — Екатерининскій дворецъ, едва замѣтный домикъ на площадкѣ; еще правѣе, по всему берегу до Артиллерійской слободки, на разстояніи 250 сажени, тянулось длинное зданіе Николаевской батареи. Выше, за пристанью, Михайловскій соборъ; далѣе пестрѣли разныя зданія, но ярко отъ нихъ отдѣлялась Библиотека, вѣичавшая Южную сторону, какъ Малаховъ вѣичалъ Корабельную. За Библиотекой замѣчался, на красивыхъ колоннахъ, храмъ Свв. Петра и Павла, а далѣе опять пестрѣли разныя зданія.

Направо отъ Николаевской батареи открывалась Артиллерійская бухта, и за нею тотчасъ, на мыскѣ, Александровская батарея — круглая башенка, завершавшая зданія Южной стороны. Далѣе вы видѣли уже древній мысъ Херсонеса и море, полное кораблями.

Если смотреть, ставши лицомъ къ осту, — прежде всего, саженихъ въ 80-ти, являлся мысокъ, на которомъ въ послѣдствіи поставили батарею № 22 ¹⁾). Въ-за него, въ полуверстѣ, выступалъ 4-й № со своими бѣлыми стѣнами и красными крышами внутреннихъ строеній. Рейдъ въ этой части постоянно былъ полонъ движеній. Поминутно ходили туда и сюда разные янки и боты.

Если стать къ восту, иначе къ выходу въ море, тогда открывались батареи: Михайловская, саженихъ въ 200, и за нею, на крайнемъ мыскѣ, Константиновская, — огромныя зданія въ три этажа. Вдали то же море и корабли. Эта часть рейда, по Михайловскую батарею, также была полна движенія. Ялковъ и судовъ ходило не меньше, чѣмъhalbъ отъ насъ, особливо послѣ перенесенія Сѣверной пристани изъ Курной балки въ Сѣверную. Больше всего замѣчалось тутъ шалаандъ, нагруженныхъ турами. Туры приготовлялись солдатами въ окрестныхъ лѣсахъ и катились оттуда къ пристани, или привозились на фурштатскихъ телегахъ. Съ пристани грузили ихъ на шаланды, громоздя въ два и въ три этажа, и шаланды, совершенно закрытыя ими, тихо двигались по бухтѣ, какъ будто какія горы коричневаго цвѣта. Иногда на верхъ взбирался матросъ въ бѣлой курткѣ и далеко бѣлѣлъ на коричневой кучѣ, командуя гребцами, которые сидѣли впереди на катерѣ, буксируя шаланду и дружно взмахивая веслами.

За кормой у насъ была Сѣверная сторона: берегъ, въ началѣ плоскій, но далѣе подымавшійся пологимъ скатомъ, въ концѣ котораго, почти въ верстѣ отъ насъ, показывалось Сѣверное укрѣпленіе. Оно вѣнчало эту часть Сѣверной стороны. У самаго берега стояло нѣсколько палатокъ и шезельныхъ лачужекъ, слепленныхъ кое-какъ изъ камней и покрытыхъ па-

¹⁾ Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 31-й.

русской и чѣмъ пошло. Тутъ съ мая мѣсяца кипѣла дѣятельная и суетливая жизнь. Продавались разные съѣстные припасы: хлѣбъ, картофель, огурцы, черешни, илленая рыба, табакъ и сигары. Матросскія жены варили мужьямъ похлебку. Вѣчно валитъ дымъ и пахло разнымъ кушаньемъ; толклось много народу, былъ крикъ и шумъ, который веселилъ среди опасности. Домики выростали какъ грибы. Въ горѣ, немного дальше, постоянно рылись землянки.... Но въ августѣ стали жаловать на пристань бомбы, и стройка домиковъ и рытье землянокъ прекратилось. Многія палатки, пробитыя осколками, сквозили какъ рѣшета, но рашенныхъ никого не было.

У самой пристани лежали въ правильныхъ пирамидахъ, и просто въ кучахъ, ядра и гранаты; торчали изъ земли якоря, протягивались швартовы ¹⁾, илѣ были вытащены лодки и выставляли на солнце свое черное, лоснящееся брюхо, вымазанное смолой. За лодками вѣчно лежали или сидѣли матросы, играя въ карты, а не то въ шашки, при чемъ пѣшками служили имъ перѣдко непріятельскія пули разныхъ фасоновъ. Вездѣ война и осада.

Направо, въ полугорѣ, видѣлся небольшой каменный домикъ, въ которомъ жили когда-то Великіе Кипля, а потомъ помещалась канцелярія главнокомандующаго. Палатка, на половинѣ разстоянія отъ насъ къ Михайловской батарее, стояла гаунтвахта, служившая госпиталемъ, и подлѣ нея, среди туровъ и ядеръ, небольшой столбикъ съ образомъ Спасителя.

Вотъ все, что мы видѣли съ фрегата.

Я ходилъ на службу только по утрамъ. Возвращаясь часа въ четыре и обѣдалъ вмѣстѣ съ офицерами фрегата, въ каютъ-компаниі.

¹⁾ Толстые канаты, которыми прикрѣпляется судно къ якорю, утвержденному на берегу.

Теперь мы хорошо. Можно сказать, что во всю войну я не был ни разу такъ хорошо и дешево устроенъ относительно стола, какъ на фрегатѣ «Коварный». Я ни о чемъ не думалъ и не хлопоталъ. Провизія покупалась и обѣды готовились какъ будто по щучьему велѣнью. У насъ было четыре блюда и кофею, а иногда устраивали и шоколадъ. Матросы отыскали въ Сухой балкѣ корону у какой-то бабы. Она доставляла намъ елики по 10 копѣекъ серебромъ за стаканъ. Товарищи, прѣзжая ко мнѣ на фрегатъ, дивились нашему комфорту.

Послѣ обѣда я любилъ вздремнуть подъ скрипъ и легкую качку фрегата. Потомъ отправлялся въ городъ на двойкѣ или вельботѣ. Двойка ходитъ тихо, но вельботъ или гичка¹⁾, имѣя особенное устройство, плещется какъ вѣтеръ. Приятно видѣть благоустроенную гичку на полномъ ходу, когда шестеро гребцовъ-нанодборъ свѣтъ закидываютъ назадъ, то исчезая за краями лодки, то появляясь опять. Длинные весла стелются ровню, чуть задѣвая поверхность. Мысленъ птица-лодка, обгоняя все... Некоторые суда имѣли до конца осады характерныя гички, но большая часть, по недостатку матросовъ, сажали гребцовъ какихъ пошло, и гичка теряла свою красоту и ходкость. Часто Нахимовъ, любившій хорошую греблю, увидѣвъ разстроенную гичку, не выдерживалъ и замѣчалъ: «что это-съ, какъ гребуть! суцїи развратъ!»

Нашъ вельботъ былъ довольно споспѣшнъ: я прѣзжалъ на Южную сторону минутъ въ десять. Мы приставали обыкновенно у самой Графской пристани, противъ лѣстницы, гдѣ постоянно началось на волнахъ нѣсколько гичекъ, катеровъ и двоекъ, дожидаясь кого-нибудь изъ города; вѣчно свѣтили своими трубами два-три парохода, готовые уйдти. Чаще всѣхъ леталъ

¹⁾ Гичка различна отъ вельбота единственно устроенною кормой.

летомъ съ Южною на Сѣверную и обратно, *Турокъ*²⁾, небольшою, но быстрый пароходъ, англійской постройки. Кроме него ходили *Громоносецъ*, *Лунай* и *Грозный*. Все они занимались перевозкою тяжестей и народа, безъ всякой платы. Частные ящики брали отъ 2-хъ до 10-ти копѣекъ серебромъ, въ одинъ копецъ. Остальные пароходы: *Владимиръ*, *Крымъ*, *Херсонесъ*, *Бессарабія*, *Эльборусъ* и *Одесса* стояли обыкновенно на якоряхъ и выжидали дѣла. Все держалось сначала посредствъ рейда, но въ июнѣ мѣсяцѣ, первые четыре перебрались къ Павловскому мыску, а *Эльборусъ* и *Одесса* стали подлѣ насъ, противъ Сѣверной балки.

Самая Графская пристань была всегда полна народомъ. Одни ящики отбывали, другіе прибывали. Два-три жапдарма ходили по берегу, для смотрѣнія за порядкомъ. Подлѣ пристани, на бугрѣ направо, долго тараторили торговки, продававшія матросамъ квасъ, хлѣбъ, сбитень и всякія мелочи. Онѣ исчезли оттуда только въ концѣ іюня, послѣ нѣсколькихъ приказовъ и подтвержденій — не быть женщинамъ на Южной сторонѣ. То же самое начальство, которое предпринимало остракизмъ, должно было смотрѣть сквозь пальцы, если нѣкоторые храбрые матроски оставались въ городѣ: онѣ жили не праздно: стирали бѣлье, варили щя, носили воду²⁾).

Поднявшись по ступенямъ каменной лѣстницы, избитой ядрами, и пройдя по площади, мимо Екатерининскаго дворца, я

¹⁾ Это былъ транспортный турецкій пароходъ, въ 200 силъ, по имени Меджари-Тиджаретъ (рычагъ торговли), взятый пароходомъ Бессарабія, безъ выстрѣла, 4 ноября, 1853, и названный послѣ Туркомъ.

²⁾ На Малаховомъ курганѣ жили постоянно 4 бабы, которыя приносили воду изъ ближайшихъ колодезей и давали пить солдатамъ и матросамъ во время самой жаркой перестрѣлки. Одну изъ нихъ убило пулею въ грудь, только не на батарее, а у колодезя, близъ 2-го бастіона: остальныя исполняли принятую ими на себя обязанность до конца осады, и были награждены медалями

заходили иногда въ домъ Благороднаго Собранія, которымъ начиналась Екатерининская улица, первая улица палъво. Тамъ былъ главный перевязочный пунктъ¹⁾, гдѣ работалъ Пироговъ, со своими помощниками, Обермиллеромъ, Тарасовымъ и другимъ. Въ первой огромной комнатѣ стояли кровати, замѣщаемыя тлжело-ранеными, которыхъ, по совершеніи операціи, нельзя было унести далеко. Для ампутаціи назначена была комната палъво. Въ этой комнатѣ вѣчно раздавались стоны и слышалась крупная солдатская брань. Солдаты постоянно ругались во время операціи, не смотря на дѣйствіе хлороформа, который повидимому погружалъ ихъ въ крѣпкій сонъ. На маленькомъ, особешномъ столѣ, устроенномъ нарочно для операцій, вѣчно кто-нибудь да лежалъ. Нѣсколько медиковъ толпились вокругъ, сверкали ножъ и иглы, текла ручьями кровь, и жирный запахъ еи сильно билъ по носу великаго пришедшаго съ улицы. Служители — солдаты и сидѣлки то и дѣло подтирали кровавыя лужи. Въ одномъ углу стояла кадка, откуда глядѣли отрѣзанныя руки и ноги. Посылки за носилками появлялись въ дверяхъ...

Пироговъ сидѣлъ безвыходно тутъ, въ другомъ углу комнаты, у зеленого столика, молчаливый и задумчивый. На немъ была постоянно одна и та же солдатская шинель на распашку, изъ-подъ которой выглядывала длинная красная фуфайка. На головѣ картузь. Сѣдые клочки волосъ торчали на вискахъ. Казалось, онъ сидѣлъ безучастно, какъ чужой человѣкъ, а между

1) Это былъ перевязочный пунктъ № 1. Поездъ Алвинскаго дѣла открыли перевязочный пунктъ въ Александровскихъ казармахъ. 15-го Сентября онъ перенесенъ въ театръ, оттуда вскоре въ домъ Уитона; потомъ въ военное-судоводный госпиталь и наконецъ, 9-го октября (1854) въ домъ Благороднаго Собранія, откуда, въ концѣ генваря 1855, переведенъ въ нижнегородскую и оставался тамъ до 4 марта. Поездъ этого возвратился опять въ Благородное Собраніе.

тѣмъ онъ слышалъ и видѣлъ все. Изрѣдка онъ вставалъ и подходилъ къ столу, бралъ хирургическіи позы — и вдохновенныя, единственныя разрѣзы изумляли окружающихъ его медиковъ, но только медиковъ: другихъ, неосвященныхъ, была недоступна поэзія его гениальныхъ операцій ¹⁾).

Въ комнатахъ, направо отъ входа, кипѣли вѣчные самовары, толпились фельдшеръ, солдаты и сестры милосердія.

Пробывъ на перевязочномъ пунктѣ минутъ 15 — 20, я ушелъ въ Библіотеку, для чего надо было подняться на Маленькій бульваръ ²⁾ и пройти памятникъ Казарскаго, бесѣдку и небольшую батарею, на площади за бульваромъ, съ орудіями, обращенными къ морю.

Библіотека стояла въ улицѣ, служившей какъ бы продолженіемъ бульвару. Это было одно изъ самыхъ красивыхъ зданій въ городѣ. Фасадъ его смотрѣлъ въ сторону баціоновъ 1-го отдѣленія ³⁾. По правую и лѣвую руку широкой лѣстницы изъ мѣстнаго камня лежали огромныя мраморныя сфинксы, привезенныя изъ Италіи. За сфинксами, въ двухъ нишахъ, стояли мраморныя статуи, также итальянской работы. Въ верхней части зданія былъ вставленъ мраморный барельефъ московскаго художника Рамазанова ⁴⁾. Прежде и на крышѣ Библіотеки, вокругъ террасы, стояли итальянскія статуи, но ихъ убрали еще въ началѣ осады. Налѣво и направо, по обѣ стороны зданія, зеленѣлъ, за чугушною рѣшеткой, небольшой

¹⁾ Въ числѣ необыкновенныхъ операцій можно упомянуть о 15-ти фунтовомъ ядрѣ, вышутомъ изъ бедра живаго человека. Этотъ случай описанъ мною подробно въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857, № 24.

²⁾ Такъ называли бульваръ Казарскаго.

³⁾ 5-й, 6-й и 10-й баціоны.

⁴⁾ Сдѣланъ по его рисунку художникомъ Пелличіо, въ Ливорно, въ концѣ сороковыхъ годовъ.

саль, съ густыми алыми и цвѣтами вокругъ дорожекъ. Его поддерживали и чистили до послѣдней минуты. Открывалась Библиотека въ 8 часовъ утра, съ поднятемъ флаговъ, и запералась въ 8 часовъ вечера, по спускѣ флаговъ. Посѣтителѣ входили въ нее черезъ калитку въ оградѣ, садомъ, и потомъ, оставивъ въ передней шинели и шапки, подымались вверхъ по великолѣпной мраморной лѣстницѣ съ бронзовыми поручнями. Въ первой комнатѣ, назыво, стояла на столѣ цѣльнаго краснаго дерева — превосходная модель корабельнаго остова, который вмѣстѣ со столомъ раздвигался на двѣ стороны, и тогда открывалось внутреннее строеніе корабля во всѣхъ подробностяхъ. Въ той же комнатѣ, на стѣнахъ, вѣсѣли рѣдкія англійскія гравюры, представлявшія морскія битвы. Направо и назыво отъ дверей, сверху до низу, помѣщались рельефныя изображенія разныхъ англійскихъ кораблей. На больномъ столѣ, вправо отъ лѣстницы, стояли ящики со стеклами, гдѣ можно было видѣть куски многихъ рѣдкихъ деревьевъ и небольшія модели лодокъ малозвѣтнаго устройства. Еще правѣ, за окномъ, въ больномъ шкапу, также цѣльнаго краснаго дерева съ зеркальными стеклами, — хранились разные минералы, окаменѣлости, древніе сосуды, монеты, камни, чучелы морскихъ животныхъ и херсонесскія мозаики. Въ слѣдующей комнатѣ, довольно обширной залѣ въ два свѣта, прежде всего кидалась въ глаза большая, прекрасная модель корабля *Двадцати Апостоловъ*, со всеми принадлежностями: снастями, флагами и орудіями. Корабль, стоя на пьедесталѣ, вышиною немного ниже человѣческаго роста, — почти доставалъ до потолка своею среднею мачтой, и надъ самою этою мачтой была пробонна, сдѣланная бомбой въ мартѣ мѣсяцѣ (1855); по бомба пощадилъ корабль, пронесшись по залѣ изъ угла въ уголъ и разорвавшись подлѣ одного шкапа съ книгами, у котораго нижнія дверцы рашепала въ куски и кромѣ того разбила въ полу нѣсколько пар-

кетипъ¹⁾). По всѣмъ стѣнамъ стояли шкапы цѣльнаго краснаго дерева съ зеркальными стеклами. Я постоянно любовался этими стеклами: кромѣ превосходнаго состава, бѣлизны и чистоты, онѣ имѣли еще то достоинство, что на нихъ не было никакихъ царапинъ, вѣроятно, вслѣдствіе перевозки по подѣ.

На шкапахъ, вверху были сдѣланы золотыя надписи, которыя означали разные отдѣлы книгъ: но книгъ тогда уже не было: ихъ вынули и уложили въ ящики; а въ іюль мѣсяцѣ перевезли въ Николаевъ.

Въ слѣдующей, послѣдней комнатѣ — читали. Въ нее вели большія створчатыя двери цѣльнаго краснаго дерева, всегда затворенныя. Посрединѣ комнаты помѣщалось два стола и на нихъ лежало постоянно 66 журналовъ, на разныхъ языкахъ: на одномъ столѣ брошюры и газеты, перемежавшіяся черезъ педѣлю; на другомъ ежемѣсячныя журналы, которые не снимались въ продолженіи мѣсяца и болѣе. Стѣны были оклеены лучшими обоями. Въ простѣнкахъ между окнами и на стѣнѣ, рядомъ съ дверью, висѣли превосходныя ландкарты, стоившія бібліотекѣ около 15-ти тысячъ. Онѣ были устроены на блокахъ: желающій могъ спустить карту для разсмотрѣнія и потомъ снова поднять. Мебель этой комнаты была изящна и покойна до послѣдней степени. Все это цѣльное красное дерево. Посрединѣ стѣны, противоположной входу, былъ вѣлацъ чугушный каминъ.

Какъ хорошо и пріятно было уѣсться въ этой комнаткѣ и читать, не смотря на то, что вокругъ Библіотеки летали бомбы и ядра, и не рѣдко лопались подъ окнами въ саду; не смотря на то, что нестерпимый трескъ и гулъ раскатывался кругомъ (въ особенности, если стрѣляли на 3-мъ баціонѣ) —

¹⁾ Полы во всѣхъ комнатахъ были паркетныя.

и стены дребезжали, а иногда и вовсе трескались и падали ашени на полъ. Подъ-конецъ не было ни одного живаго окна во всей Библиотекѣ, а видѣ были высажены бомбами цѣлыя рамы. Скорѣе этотъ громъ и опасность придавали еще большую прелесть завѣтному уголку; всѣми думами неся въ гостеприимную, свѣтлую комнату, къ столу, покрытому печатными листами. О, какъ приятно было тамъ! Мнѣ кажется, тамъ и умереть было бы легко. Двѣ жизни чувствовать въ себѣ, сидя въ мягкой креслахъ и читая какой-нибудь увлекающій листокъ, принесенный Богъ вѣсть съ какой стороны: или изъ далекой и милой Россіи, откуда смотрѣли на насъ тысячи родныхъ очей; или съ береговъ Франціи и Англій, отъ нашихъ европейскыхъ учителей... Сто разъ спасибо, столько разъ, сколько пролетѣло надъ нами бомбъ, — спасибо тѣмъ, кто приказывалъ отпирать двери Библиотеки въ это грозное время, кто думалъ объ ней до конца!

Верхній этажъ Библиотеки занятъ былъ также шканами красиваго дерева (въ ту пору цвѣтущими) и кромѣ того разными морскими инструментами.

Вотъ въ какомъ видѣ была Библиотека во всю осаду. Мнѣ очень лестно первому сказать объ ней печатное слово, объ ней *такой*, какою мы знали ее въ наши тяжкіе дни. Воображалъ ли кто изъ нашихъ русскихъ друзей, что мы, въ Севастополь, во время неслыханной осады, имѣемъ библиотеку и читаемъ 66 журналовъ! И говорилъ объ ней тогда въ моихъ «Севастопольскихъ письмахъ», но весьма кратко.

Въ послѣднее время Библиотека заключала въ себѣ 12 тысячъ томовъ. Все это устроилось очень просто: моряки постоянно вносили въ пользу ея *два* процента со своего жалованья.

Ходило читать въ Библиотеку не очень много. Въ первое время, до июля, вы могли найдти въ читальнѣй комнатѣ,

вдругъ, человекъ 6 — 7. Потомъ число читающихъ стало уменьшаться. Въ августѣ, въ иные дни, не было никого, а Библіотека все-таки отпорлась и заширалась, по положенію, и въ передней стоялъ часовой. Миѣ случалось не рѣдко спижпать тамъ одному, и тогда, признаюсь, читалось плохо. Было жутко, и я никакъ не могъ забытья и не слышать выстрѣловъ. Говорятъ, одному и у каши не споро. Я бросалъ чтеніе и начиналъ считать падавшія бомбы. А когда спдѣло 5 — 6 человекъ, чтеніе не шло только сначала; но потомъ, видя, какъ все спокойно сидятъ и читаютъ, принимался читать и читалъ какъ бы гдѣ-нибудь далеко отъ выстрѣловъ, и въ шилл минуты не слышалъ ихъ вовсе.

Бомбы, можно сказать, щадилн Библіотеку. Въ нее попало всего только *два*, и нѣсколько ядеръ ударило въ стѣну. За то кругомъ вся земля была изрыта. Однажды, въ іюлѣ (31 іюля), между Библіотекой, и башенкой, отстоявшей отъ нея на нѣсколько шаговъ, — упало семь бомбъ, въ одно утро, и все разорвалось ¹⁾. Отъ этихъ семи взрывовъ треснула стѣна, а зданіе все-таки устояло.

Просидѣвъ въ Библіотекѣ часа полтора, я отправился домой, на фрегатъ, по дорогѣ заходилъ на Малешкій бульваръ, гдѣ съ пяти часовъ до спуска флаговъ играла военная музыка, бродили офицеры, юнкера, матросы и солдаты; даже мелькали какія-то дамы, разряженныя въ тѣ яркія шляпки и буршусы, которыя заготавлиются гуртомъ въ столичныхъ магазинахъ средней руки и отсылаются въ губерніи. На шикниихъ дорожкахъ, въ жиденькихъ аллеяхъ, устранивался ветрѣчи любви, и никто не думалъ о смерти; никто не видалъ,

¹⁾ Надо замѣтить, что не все бомбы рвутся. Это зависитъ отъ хорошаго устройства трубки: въ Севастополѣ до свѣхъ поръ лежатъ или по крайней мѣрѣ недавно лежало много цѣлыхъ, неразорвавшихся бомбъ.

никъ шину, подъ бульваромъ, двигались посплски за поспл-
нми, и кипела на мостовую свѣжая кровь...

Въ 7 или въ 8 часовъ я былъ уже на фрегатѣ. Мы сяди-
лись пить чай, опять всѣ вмѣстѣ. Кто-нибудь изъ бастион-
ныхъ, во всякое время желанный гость, приходилъ къ намъ,
и разсказы явились далеко за полночь.

Иногда подъ вечеръ, мы устроивали съ командующимъ про-
гулки на пальботѣ по рейду и навѣщали нашего капитана въ
его Константиновской батарее.

Эта батарея стояла въ самомъ началѣ рейда, противъ пер-
ваго бона ¹⁾). Въ ней вѣчно все было на чеку. На валахъ
часовые, подъ наблюдениемъ офицеровъ, слѣдили всякое дви-
женіе непріятельскихъ кораблей, замѣчали приходъ новыхъ и
отбытіе прежнихъ. Для насъ, посѣщавшихъ батарею не ча-
сто, казалось, что тамъ стояли все одини и тѣ же корабли, а
на батарее было известно, что ночь, сегодня утромъ, пришло
два такихъ-то парохода съ зюйдъ-зюйдъ-воста, и одинъ ушелъ.
Грозно и красиво вытлгивался по верхней стѣпѣ батареи рядъ
огромныхъ орудій, на крѣпостныхъ стакахъ. Два изъ нихъ
постоянно были направлены въ сторону Херсонеса и трево-
жили бомбами тамошнюю дѣлтельную батарею, или по крайней
мѣрѣ старались тревожить. Несравненно больше наносила ей

¹⁾ Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисункъ 11-й. — Бонамъ называется за-
гражденіе въ бухтѣ, изъ бревенъ, цѣпей, канатовъ, или затопленных кораб-
лей. Крайній Севастопольскій бона, ближайшій къ выходу въ море, состо-
илъ изъ слѣдующихъ потопленныхъ кораблей: Гавріила, Варны, Селафанла,
трехъ Святителей, Уриила, фрегатовъ: Флоры и Сизополя; и корвета Пи-
ладя. Это было старое загражденіе, сдѣланное въ сентябрѣ 1854. Потомъ,
между Николаевской батареей и мысомъ, который находится на половинѣ раз-
стоянія отъ Константиновской батареи до Михайловской, было два бона: цѣп-
ной и пеньковой; и затѣмъ новое загражденіе, сдѣланное въ февралѣ, 1855,
изъ кораблей: Святослава, 12-ти Апостоловъ и Ростислава, и фрегатовъ: Ка-
гуза, Мидія и Мессемарія.

вреда № 10-й и Полюшковал батарея. Имъ удалось сбивать всё орудія Херсонесской батареи, кромѣ одного. Это одно почему-то гремѣло немолкаемо. Говорили, будто его подкачиваютъ снизу и послѣ выстрѣла убираютъ опять. Бомба Константиновской батареи проносилась надъ моремъ 1300 сажень. Во дворѣ батареи было всегдашнее движеніе. Солдаты болѣе всего собирались у полѣвницы дровъ, палѣво отъ входа, разговаривали между собою, ходили и бѣгали взадъ и впередъ. Иногда, посерединѣ двора, раздавался оживляющій трепакъ, гудѣла пѣсня, звенѣли ложки и тарелки. Но вдругъ на маленькой платформѣ, у воротъ, барабанъ билъ тревогу, и все кидалось къ ружью, къ орудіямъ на валы, и батарея принимала настоящій воинственный характеръ. Командиръ, обойдя стѣны и распорядившись ночнымъ карауломъ, спускался къ себѣ въ казематъ; на пути, ради сблизенія съ солдатами, спрашивалъ табачку — и нѣсколько тавлинокъ подставлялось его высокоблагородію разомъ. Казематъ¹⁾, или кабинетъ командира, занятъ былъ на половину огромною крѣпостною пушкой, глядѣвшею въ открытое окно, на море. На лафетѣ ея и на колесахъ растащивалось, какъ на вѣшалкѣ, разное платье. По стѣнамъ каземата висѣли картишки. У другаго окна, во дворѣ, стояла рояль, и на ней всегда лежали кучи потѣ. Хозяинъ былъ музыкантъ, игралъ на скрипкѣ и на флейтѣ, и часто, въ вечерній часъ, собиралъ къ себѣ въ казематъ всё музыкальные таланты батареи, протягивая поощрительную руку иному артисту-юнкеру, а юнкеръ, разумеется, хлопоталъ изо всѣхъ силъ. Рояль гремѣла; ей вторили скрипка и флейта, и даже двѣ скрипки: музыкантовъ было много, и скорѣе могла случиться недостача въ инструментахъ, чѣмъ въ

¹⁾ Казематомъ на батареѣ называется родъ комнаты, гдѣ помещается орудіе.

ириковича. Эти вечера посещались иногда и дамами, женщинами и дочерьми разных моряковъ, безстрашно пріотивившимся гдѣ-нибудь тутъ же на батарее. Славное крымское вино, которое капитанъ былъ мастеръ доставать черезъ какого-то аптекаря, лилось и шипѣло. Мы уносились оттуда на нашемъ вельботѣ уже въ совершенныхъ потьмахъ, зажигая бесплами пекры ¹⁾ и палетая порою на разныя чурки, когда миновали бобы. Однажды мы палетѣли даже на якорную цѣпь какого-то судна. Чисомы на берегу, противъ Михайловской батареи и на судахъ, окликая насъ, рѣдко получали отвѣтъ и напрасно повторяли еще и еще: «кто гребетъ?» Угощенные батарейными товарищами, наши гребцы черезъ чуръ закидывались назадъ, а иные, закинувшись, уже не вставали... все это было бы отважно и страшно въ обыкновенное время, а тогда, подь бомбами, и въ голову не приходило подумать, что вотъ палетимъ на рифъ или на бревно и пойдѣмъ ко дну.

А если мы не ѣздили къ капитану, и разговоры не касались за чаемъ, — мы выходили на палубу, разумеется, когда была хороша погода.

Иные вечера бывали чрезвычайно пріятны.

Тихо свить Черное море. Еще неподвижныѣ кажутся темнѣющія тамъ и тамъ массы кораблей. На шпигель, въ борту, свѣтится огонекъ, говорящій о присутствіи жизни въ неподвижной громадѣ. Волкъ огонекъ и на берегу, въ этой черной, непроицаемой ночи. А вдали идетъ нерестрѣлка, вѣчная, немолкающая, къ которой вы привыкли, какъ къ чему-то неизбежному, и уже не слышите выстрѣловъ, хотя отъ нихъ фрегатъ дрожитъ какъ струна. Васъ едва пробуждаетъ страшный звукъ близко лопнувшей бомбы. Только взглядъ, кину-

¹⁾ Черное море имѣетъ въ ятній ночи фосфорическій отблескъ.

тый въ сторону Севастополя, не можетъ не видѣть эти рѣущія гранаты, чертящія небо огненными дугами. Тамъ, здѣсь, вездѣ, надо всюю огромною окраинной бастіонью, чертителъ эти огненные дуги; медленно взлетаютъ и опускаются бомбы, какъ звѣзды, мелькая и мигая. Вотъ одна какъ-будто остановилась въ воздухѣ, такъ что ее довольно смѣшаешь со звѣздами... вотъ быстрою огненною полосой проносится граната, дѣлаетъ рикошетъ — вѣрно встрѣтилась съ бугромъ — и снова пещется дальше... ударилась опять, и тихо катится по невидимой горѣ... мигъ — и летятъ огненные брызги, освѣщается мгновенно бугоръ, и снова темно на этомъ мѣстѣ... А звѣзды горятъ и мерцаютъ въ высотѣ. Все небо покрыто ими, этими неподвижными бомбами... чу! раздастся плескъ пещель: приближается лодка, неся передъ собою огненную струю; негры сыплются съ весель, огненный хвостъ тянется позади, и кажется, будто какое чудовище съ огненною пастью и огненными лапами мчится мимо фрегата...

Посмотрите съ борта внизъ: чертѣ почти поверхность воды у реберъ судна, но взгляните — и вы увидите миріады огненныхъ бѣгающихъ точекъ: это играютъ въ волнахъ маленькія рыбки и пещкомыя. Сколько жизни въ этомъ хладномъ вракѣ!

Противъ одного бастіона загорѣлась сильная перестрѣлка. Чаше и гуще взлетаютъ бомбы, рокочутъ выстрѣлы и озапляется небо отъ пущаемаго капральства ¹⁾). Вниманіе вѣхъ обращено туда, и вотъ на флагманскомъ кораблѣ подымается красный фонарь, взвивается другой, и повсюду на рейдѣ, въ густой темнотѣ, ползутъ, по невидимымъ шлямъ, красныя

¹⁾ Мелкія гранаты, взлетающія отъ 20-ти до 30-ти вдуры. Они похожи на бураки.

звѣды: знакъ, что суда видятъ флагманскій сигналъ. Оживить вся темная бухта. Есть что-то красное въ этихъ огненныхъ вопросахъ и отвѣтахъ, что-то живое и торжественное! Плещутъ весла, летятъ катера на флагманъ; а гдѣ-то вдали запыхтѣлъ и пошея парохоть на помощь бастиону. Долго, вѣскольکو часовъ, живетъ бухта плескомъ веселья и выстрѣлами. Взрываются бомбы изъ ея середины, съ разныхъ кораблей, звонко хлещя своими выстрѣлами, которые раскатываются по подѣ... Дорого бы дали многіе изъ нашихъ друзей, чтобы взглянуть на такую оживленную бухту... Но вотъ снова тихо все и темно кругомъ. Одинокій огонекъ горитъ на флагманѣ. Отдаленныя бомбы медленно чертятъ свои дуги...

Однако же, бѣльшеею частію, вечера были холодны, и на палубѣ нельзя было оставаться долго. Мы спускались въ свои каюты, и каждый занимался, чѣмъ случится. Книжка у насъ вѣчно было вдоволь.

На другой день повторилось почти то же.

Я ходилъ на службу обыкновенно пѣшкомъ, черезъ двѣ горы, мимо вѣсовъ и 4-го номера. Главный штабъ Крымской арміи ¹⁾ конечно не ходилъ на вѣсь другіе штабы, и потому я скажу объ немъ вѣскольکو словъ. Онъ помѣщался въ каменномъ, одноэтажномъ домѣ, на берегу большой бухты, между Курной и Панаетовой балкой. Въ этомъ домѣ было комнатъ восемь. Въ двухъ среднихъ занималось Главное дежурство. Тутъ стояли деревянные, животренещущіе столы, покрытые краснымъ сукномъ, или непокрытые ни чѣмъ, и за ними, на низенькихъ та-

¹⁾ Это сокращенное названіе штаба. Официально онъ носилъ такой титулъ: Главный штабъ Южной арміи и вѣсьхъ военныхъ, морскихъ и сухопутныхъ силъ, въ Крыму находящихся. Впоследствии онъ получилъ названіе Главнаго штаба 2-й арміи. 1-ю армію названа расположенная въ Царствѣ Польскомъ.

буреткахъ, сидѣли офицеры и писаря. Все эти столы разъѣзжались вмѣстѣ со штабомъ во всѣхъ походахъ, ломались, чинились, дѣлались вновь особенною командой столяровъ, которые, тутъ же не подалеку, въ палаткѣ, или баракѣ, вѣчно что-нибудь строгаютъ. На полу обѣихъ комнатъ Дежурства и на разныхъ импровизованныхъ полкахъ лежали кнпы дѣлъ, полныя страшной скуки.

Во второй комнатѣ находился сундукъ съ деньгами, и при немъ стоялъ безотлучный часовой. Тутъ же, въ углу, было свалено въ кучу нѣсколько ружей и штуцеровъ, найденныхъ на полѣ сраженія. Штуцерными штыками вскрывали ящики и посылки. Въ соседней комнатѣ, за стѣной, куда въ началѣ апрѣля (1855) попала ракета и убила двухъ писарей, — работали топографы, и стучали по временамъ маленькій сташокъ нашей походной литографіи, производя рисунки разныхъ войсковыхъ построеній. Противъ главныхъ дверей, въ небольшихъ стѣняхъ, сваливались въ кучу всякого рода казенныя посылки: рубашки, корпія, а также и сапоги, пожертвованные московскимъ купечествомъ. Тутъ вѣчно толклое нѣсколько казаковъ, готовыхъ ежеминутно куда-нибудь скакать. Лошади ихъ были привязаны у крыльца. Иные казаки лежали подлѣ Штаба на травѣ, держа лошадей въ поводу и глядя черезъ бухту на бастионы. Кромѣ того у крыльца сидѣло и лежало десятка два солдатъ, — караулъ Дежурства. Ружья ихъ были составлены въ кѣзлы. Солдаты скоро устроили себѣ родъ будки изъ камней и покрыли ее какими-то дубками, въ защиту не столько отъ дождя, сколько отъ солнечныхъ лучей, которые допекали ихъ пуще всего ¹⁾).

Въ ближайшемъ баракѣ находилась типографія, весьма из-

¹⁾ Въ маѣ мѣсяцѣ начались страшные жары. Было не разъ слишкомъ 30 градусовъ тепла.

ридин, и за нею писарская кухня. Потомъ шли госпитали, такіе же бѣлые одно-этажные бараки, какъ и Штабъ. У самаго берега, на обрывѣ, лепилось нѣсколько землянокъ, гдѣ жили до насъ бѣдные матросскія и вѣщанскія семьи, но война выгнала ихъ изъ ихъ бѣдныхъ жилищъ и тамъ помѣстились офицеры штаба.

Заглянемъ въ одну землянку. Въ ней двѣ комнаты, но что это за комнаты! Въ первой, похожей на сѣни, свалены сѣдла, пожитки денщика, его постель, и самъ онъ помѣщается тутъ же, подлѣ двери, которую никакъ не притворишь плотно. Это какая-то щелка, а не дверь. Ее покосило, и въ щели дуетъ вѣчный вѣтеръ. Въ другой камеркѣ, немного побольше, ухитрился устроиться два офицера. Въ одномъ углу желѣзная кровать; въ другомъ — кровать на какихъ-то колышкахъ, одѣтая войлокомъ. Полъ-комнаты занимаетъ печь. Къ ней прислонены два чемодана, вѣчно раскрытые и стережимые гениемъ русской безопасности, который стоитъ на часахъ у всѣхъ тюковъ и бумагъ Главнаго штаба и провожаетъ русскіе обозы въ пустыни. У крошечнаго окна, зашпленнаго на половину бумагой, видны столикъ; на немъ тарелки и кругъ честерекаго сыра. У самой двери — рядъ большихъ сапоговъ, похожихъ на охотничьи. На печуркѣ нѣсколько книгъ: показывается голубоватая обертка «Современника»; что-то изъ романовъ Жоржъ-Санда, въ золотомъ англійскомъ переплетѣ. Все это можно оставить подъ сохраненіе благодѣтельнаго гения; убираютъ только водка; не дурная водка, купленная по сосѣдству, въ Пашеотовой балкѣ. Водку не беретъ стеречь гений. Ее вездѣ кто-то отыскиваетъ и выпиваетъ.

Все заставлено и загромождено. Хозяйка, прибѣжавъ на минуту изъ Дежурства, шагаютъ черезъ чемоданы, прямо на кровати, и достаютъ изъ таинственнаго убѣжища водку. Скрипнула

щелка-дверь: гость изъ Дуванки ¹⁾, какой-то лекарь! онъ привязалъ у двери своего коня, которому сильно поддело животъ, потому что онъ трое сутокъ ничего не ѣлъ. Слѣно 3 рубли серебромъ за пудъ, да и того шибдъ не сыщешь. Всѣ усалясь на кроватяхъ. Пошелъ разговоръ — и цезамѣтно летять часы. Ждетъ не дождется въ Штабъ дежурный штабъ-офицеръ своихъ помощниковъ...

Землянка стоитъ на самомъ обрывѣ крутаго берега. Направо и лавѣво — такія же землянки, советѣмъ вросшія въ гору, одна ниже другой, одна другую закрываетъ; между ними родъ улицы, но едва пройдеши: поперекъ растянуты перенки, и на нихъ сущитя бѣлье: рубашки, порты и даже штаны и матросская куртка. Еще не всѣ матросскія семейства выбрались оттуда. Изъ-за одной крыши торчатъ казацкія шки. Тутъ же, въ провалившейся землянкѣ, улажены ясли, и къ нимъ пущены маленькія казацкія лошадки; и опять торчатъ шки. Выше бухта, почти пустая. Стоитъ только одинъ транспортъ «Березань» и къ нему по временамъ подходятъ ялики и боты. Иногда и вдали, подъ тѣмъ берегомъ, пронесется парусъ... За бухтой видны нологія горы и на нихъ желтыя полоски трашей и валы бастионовъ.

Я любилъ въ свободныя часы сидѣть на берегу, на каменистомъ уступѣ, какъ бы нарочно устроенномъ для сидѣнья. Любопытно было слѣдить за взрывами бомбъ надъ бухтой. Вдругъ являлось въ воздухѣ круглое, бѣлое облачко; черезъ мшиуту приносился звукъ взрыва, подобный выстрѣлу; рѣдко слышалось гудѣнье осколковъ; облачко расходилось, рѣдѣло, подымалось выше, несло по направленію вѣтра, и наконецъ отъ

¹⁾ Первая станція по дорогѣ изъ Севастополя въ Бахчисарай. Тамъ былъ военный госпиталь.

него оставались одни тошкя бѣлыя струи, которыя въ высотѣ совершенно сдвигались съ настоящими облаками.

Изрѣдка въ бухту падали ядра, по надобно было долго сидѣть, чтобъ увидѣть паденіе хоть одного ядра. Я говорю объ апрѣлѣ мѣсцѣ.

Иногда, занимаясь въ Штабѣ, я видѣлъ, какъ приводили казаки перебѣжчиковъ. Почти всякій день являлось ихъ трое, четверо. Провожавшіе ихъ казаки, два-три человѣка, бывали то пѣшіе, при одной шашкѣ, то на коняхъ и съ пиками. Одному изъ нихъ вручалась ашашпостнымъ начальствомъ кляжка, гдѣ было написано, что вотъ такіе-то препровождаются въ Генеральный штабъ для распросовъ. Для казаковъ было все одно — Главный штабъ, Генеральный штабъ; притомъ же Главный штабъ встрѣчался на дорогѣ прежде Генеральнаго, и потому мы видали у себя въ гостяхъ господъ перебѣжчиковъ. Офицеры обступали ихъ, спрашивали, сколько было душъ угодно, и потомъ объясняли казакамъ, что ихъ надобно отвести въ Генеральный штабъ, въ Сухую балку. Казаки вскакивали на коней, и шестіе направлялось въ Сухую балку. Вдругъ на дорогѣ, па бѣду страшиковъ, попался казакъ, ѣхавшій въ 4-й номеръ, гдѣ жилъ главнокомандующій. «Вы что, къ князю что ли?» спрашивалъ онъ и не дожидаясь отвѣта договаривалъ: «пошелъ за мной: я ѣду туда!» Простодушные чернорѣцкіе казаки поворачивали въ 4-й номеръ, поворачивали единственно потому, что очень бойко шумѣлъ на нихъ казакъ 4-го номера, научившійся бойкости на службѣ у высокихъ лицъ, а былъ онъ точно такой же казакъ, какъ и тѣ, что за нимъ поворачивали, и часто одного и того же полка.

Въ 4-мъ номерѣ страстную толпу обступали другіе офицеры. Трудно было удержаться отъ вопросовъ, видя передъ собою такую пестроту мундировъ: и яркіе зуавскіе штапы алаго цвѣта, запущенные въ особыя сандалии; и куртки Арабовъ,

вышитыя шурками, и ихъ красивыя чалмы, съ бахромой по плечамъ; и эти смуглыя, губастыя лица; и наконецъ краснаго Англичанина, въ черной маленькой шапочкѣ, съ бѣлыми петляцами на груди и съ буфами намѣсто эполетъ. ¹⁾

Послѣ распросовъ, отправляли ихъ снова въ Сухую балку. Доставалось порядкомъ пестрымъ шатунамъ Чершой рѣчки, покамѣтъ они достигали до Генеральнаго штаба. Иногда длинный хвостъ матросовъ, бабъ и мальчишекъ, сопровождалъ разноцвѣтную толпу по горамъ и балкамъ.

Скоро непріятель доставилъ намъ другое развлеченіе, нѣсколько курьознѣе. 19-го апрѣля являсь на высотахъ, за Волынскимъ и Селепгискимъ редутомъ, какъ разъ противъ Штаба, новая батарея и стала стрѣлать навѣсно по рышку, пристани и кораблямъ. Въ послѣдствіи мы узнали, что эту батарею называютъ *Маріа*. Почти всѣ офицеры штаба и даже псеаря вышли на крыльцо посмотреть, какъ стрѣлеть новая страшная батарея. Разстояніе было огромное: версты три слишкомъ. Первые ядра проносились вдоль крыши нашего Штаба, на значительной высотѣ, треща и гудя, и падали сажень за ста, не подалеку отъ базара, но потомъ стали ложиться и на базаръ, въ кучи народа; однако никто не былъ раненъ. Я пробовалъ мѣрять время полета шагами: оказалось, что съ вышуты полвленія бѣлаго дыма на батарею (выстрѣла не было слышно) до паденія ядра на землю, можно пройти обыкновеннымъ шагомъ около 40 шаговъ. Всѣмъ намъ хотѣлось видѣть самое ядро. Нѣкоторые подбѣгали тотчасъ къ тому мѣсту, гдѣ ударило ядро: тамъ были ямы, круглыя и правильныя, какъ отверстіе въ кувшинѣ, и больше ничего. Ядро уходило глубоко въ землю, говорятъ, аршина на полтора. Судите, каковъ ударъ!

¹⁾ Разныя формы англійскихъ и французскихъ войскъ можно видѣть въ Художественномъ Листкѣ, 1854. № 28.

Въ прѣсную, каменную почву чугушный шаръ уходитъ какъ въ жидкость, и долго потомъ остается дыра, какъ черная, разпнутая дыра. Мѣсяцъ и больше льютъ дожди, ѣздятъ телеги, а дыра все глядитъ изъ-подъ земли своимъ чернымъ глазомъ.

Эта батарея была совершенно особаго устройства, какихъ мы до тѣхъ поръ не видали. Открытіе ея имело 19-го апрѣля едва ли было даромъ. Нашъ сицилійскій непріятель не разъ прибѣгалъ къ такимъ, но видимо пустымъ военнымъ хитростямъ, которыя ему болѣею частію удавались, особенно при нашемъ простодушіи ¹⁾.

Въ то время, какъ всѣ начали слушать пѣніе новыхъ страшныхъ ядеръ, — которыя солдаты прозвали въ послѣдствіи «жеребецъ на водной», по ихъ особенному свисту, похожему на ржаніе, и потому, что они чаще всего падали «въ воду», — Французы готовились къ рѣшительной атакѣ нашихъ ложементовъ противъ редута Шварца, построенныхъ въ концѣ марта мѣсяца, въ три паралели, влѣво отъ другихъ, выстроенныхъ мѣсяцемъ прежде, противъ 5-го бастіона, въ одну паралель ²⁾.

Непріятель много разъ покушался отбить у насъ «Шварцевы ложементы» (какъ ихъ обыкновенно называли), и это ему едва не удалось въ ночь съ 13-го на 14-е апрѣля.

Ночью того Неллесе, бывшій тогда корпуснымъ командиромъ (онъ командовалъ 1-мъ корпусомъ, перешедшимъ отъ него къ генералу де-Салло), цѣлую недѣлю переписывался съ Капроберомъ, представляли ему необходимость занять наши ло-

¹⁾ Ниже читатель увидитъ нѣсколько другихъ военныхъ хитростей въ томъ же родѣ.

²⁾ Противъ 5-го бастіона и Бѣлкина редута 8 ложементовъ, въ разстояніи одинъ отъ другаго сажень на 50 и 60; даѣе, противъ Шемякиной батареи, у Карантиной бухты, до 11-ти.

жементы, распространение которых съ каждымъ днемъ ставилось серьезнѣе.

Соединя эти ложементы съ карантинными, мы могли провести новую линію укрѣпленій, и устроить нѣсколько плацдармовъ ¹⁾, отодвинувъ черезъ это осаждающаго назадъ.

Работа у насъ кипѣла. Въмѣсто 30-ти рабочихъ, какъ дѣлалось сначала, стали высылать отъ 500 до 700 человекъ, съ прикрытіемъ въ двѣ тысячи.

Пеллессе продолжалъ писать къ Канроберу донесеніе за донесеніемъ; наконецъ главнокомандующій французской арміи разрѣшилъ атаковать эту позицію 19 апрѣля (1 мая).

Въ дѣло назначили полки: 42-й, 43-й, 46-й, 79-й, и 98-й, линейные, при 19-мъ стрѣлковомъ батальонѣ, и 1-й и 2-й полки пюстрашнаго легіона.

Все это вѣрело бригаднымъ генераламъ Базену и де-Ламотгъ-Ружу, подъ главнымъ начальствомъ дивизионнаго генерала де-Салля.

Въ продолженіи дни де-Салль старался изучить мѣстность. Въ 5 часовъ по полудни началось размѣщеніе войскъ.

Надо было случиться, что въ эту ночь (съ 19-го на 20-е апрѣля), вмѣсто обыкновеннаго количества рабочихъ и резерва, посланъ былъ только одинъ Угличскій полкъ, имѣвшій тогда до 700 человекъ пароду. Въ этомъ заключалось все: и рабочіе и резервъ. Кромѣ недостатка въ числѣ, Угличане явились на эту мѣстность въ первый разъ и явились, разумѣется, ночью. Они даже не знали хорошо, въ какой стороне Французы и куда надо стрѣлять.

Обо всемъ этомъ неприятель могъ быть уведомленъ дезертирами изъ того же полка.

1) Плацдармъ — мѣсто въ траншеѣ, гдѣ можно собрать войскъ.

Канн наши стали работать (при закатѣ луны, когда было еще довольно свѣтло), какъ съ 5-го бастіона замѣчено движеніе непріятельскихъ колоннъ по траншеямъ изъ-за кладбища къ редуту Шварца, о чемъ немедленно послали сказать на редутъ и въ то же время открыли съ бастіоновъ артиллерійскій огонь.

Но посланный не успѣлъ добѣжать къ Шварцу, какъ въ ложементахъ уже услышали перестрѣлку.

Углицкій полкъ, увидя передъ собой Французовъ, далъ нѣсколько залповъ; съ окрестныхъ бастіоновъ ударили картечью, — непріятельскія колонны отступили снова къ траншеямъ, только человекъ 8 какихъ-то отчаянныхъ 'удальцовъ ¹⁾ вскопчили въ траншею къ Угличанамъ и кто-то крикнулъ на чистомъ русскомъ языкѣ: «братцы, насъ обходятъ!»

Ничто такъ не смущало нашихъ солдатъ, какъ слово «обходить». Они боялись этого хуже бомбъ и картечи (и такъ во всѣхъ дѣлахъ, и на бастіонахъ). Угличане побѣжали гурьбой назадъ. Непріятель, замѣтивъ движеніе темныхъ массъ, нагрянулъ снова тремя колоннами:

Слѣва генералъ Базенъ, (1-й полкъ иностраннаго легіона, полковникъ Вьенё; 43-й линейный — майоръ Бекс-де-Сонне, и 79-й линейный, полковникъ Гренье). Въ центрѣ генералъ де-Ламоттъ-Ружъ (46-й линейный, полковникъ Гольтъ, и 98-й линейный, полковникъ Брежб), справа колонна капитана Виллормена (9-й стрѣлковый батальонъ и 42-й линейный полкъ, подъ командой капитана Рагона).

Все это ринулось безъ выстрѣла и овладѣло цѣлыми ложементами, захвативъ 9 мортиръ малаго калибра ²⁾.

¹⁾ Слышалъ на редутѣ Бѣлкина.

²⁾ Эти мортиры были поставлены въ главной квартирѣ французской арміи, передъ домомъ главнокомандующаго, и простояли тамъ до конца осады.

Углицкій полкъ, столпившись передъ 5-мъ бастиономъ, мѣшалъ ему стрѣлять, а равно и окружающимъ его редутамъ: Шварца и Бѣлкина. Пользуясь этимъ, Французы тотчасъ перевернули наши валы и укрѣпились на занятыхъ верхахъ.

Шварцъ просилъ у генерала Тотлебена разрѣшенія взорвать фугасъ, который находился какъ-разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ непріятель, но Тотлебенъ отказалъ, надѣясь на другой день отбить ложементы.

20 апрѣля, въ 3-мъ часу дня ¹⁾, послали съ редута Шварца охотниковъ, отъ 200 до 300 человекъ разныхъ полковъ, болѣе всего Владимірскаго, для отбитія у непріятеля ложементовъ. Въ прикрытіе охотникамъ даны: батальонъ Владимірскаго полка и батальонъ Козыванскаго, всего около 1300 человекъ.

Французы никакъ не ожидали нападенія днемъ. У нихъ на позиціи находились: двѣ роты 2-го полка иностраннаго легіона, рота 43-го линейнаго и 2 батальона 46-го и 98-го линейныхъ.

Большая половина людей, утомленныхъ боемъ, бывшимъ наканунѣ, спали. Наши ворвались смѣло и произвели смеліе въ рядахъ непріятеля, опрокинули его за первую линію ложементовъ.

Въ это время явились на помощь отраженнымъ остальные батальоны 46-го линейнаго полка, подъ командой подполковника Мартини-Дешенѣ, и двѣ роты 1-го полка гвардейскихъ волтижеровъ, подъ начальствомъ капитана Жаптиля, находившіеся позади, въ резервѣ.

Это была первая встрѣча императорской гвардіи съ Русскими ²⁾.

¹⁾ Это была, послѣ Инкермана, первая дневная стычка.

²⁾ Гвардейскіе полки только-что прибыли тогда въ Крымъ.

Нелѣдь ли тѣмъ подовѣли еще двѣ роты 80-го лишешаго полка, подъ командой майора Курсона, и рота 9-го стрѣлкового батальона.

Всѣ эти войска ринулись на кучку нашихъ охотниковъ и положили часть на мѣстѣ, а часть (человѣкъ полтораста, болѣе всего Владимірецъ) взяли въ плѣнъ, передавая ихъ на нашихъ глазахъ изъ рукъ въ руки.

Нашъ резервъ, не получивъ ясныхъ указаній, какими путями слѣдовать, двинулся весь вправо. Солдаты столпились и не могли во-время выгнаться на помощь своимъ, страдая отъ выстрѣловъ непріятеля и мѣшая стрѣлять Э-му бастиону и редуту Бѣлкина.

Шварцъ получилъ (въ сумерки) приказаніе взорвать фугасъ, но онъ не взлетѣлъ, будучи, вѣроятно, испорченъ Французами.

И такъ мы потеряли эти ложементы, при чемъ вышло у насъ изъ строю до 300 человѣкъ.

—

Батарея Марія продолжала стрѣлять, увеличивая число выстрѣловъ съ каждымъ днемъ и дѣлая къ концу мѣсяца выстрѣловъ до 100 въ сутки.

Мы, въ штабѣ, привыкли къ этой батарее и уже не выходили на крыльцо слѣдить за ея снарядами и мѣрять полетъ ядеръ шагами и минутами. Многие успѣли разглядѣть и ядра, которыя были вѣсомъ въ 32 фунта и больше. У меня лежало два пощъ столовъ, вмѣсто скамейки. Одно изъ нихъ ударило въ самую Штабъ въ стѣну, откатилось и было прищесено казакомъ. Другое я подиалъ самъ на берегу. Скоро этихъ ядеръ уже никто не бралъ и не трогалъ. Онѣ лежали въ разныхъ мѣ-

стахъ, не привлекая ничьего вниманія. Все привыкли къ шуму. Привыкла пристань, привыкъ 4-й номеръ, привыкъ и базаръ. На базарѣ даже знали, куда какой амбразура стрѣлеть.

Купецъ, начиная разсчитываться съ покупателемъ, вдругъ взглядывалъ въ гору и замѣчалъ выстрѣлъ — облако бѣлаго дыма: «ну, это на пристань!» говорилъ онъ, и опять опускалъ глаза на счеты и начиналъ брякать: «Сигары — 75; за панеюю пѣру рубль пятнадцать, да рюмка водки... а вотъ это къ намъ жалуетъ!.. Рюмка водки — 20 копѣекъ! 20 да 15, — 35, да 75, это рубль десять! да рубль — два рубля десять!» Въ это время ядро гудѣло надъ самою его палаткой и шлепалось сзади, саженихъ въ двухъ. Купецъ не смущался нисколько, какъ будто не его дѣло. «А вотъ это по кораблямъ!» говорилъ онъ, замѣтивъ третье облако, и въ самомъ дѣлѣ ядро падало въ бухту.

Вскорѣ однако услышали мы, что на базарѣ убило двухъ человекъ, потомъ одного на пристани и въ то же время четырехъ ранило.

Мнѣ должно было каждый день ходить мимо пристани, относить бумаги къ дежурному генералу; и зашелъ и спросилъ, въ какомъ мѣстѣ ударило ядро: мнѣ показали въ доскахъ небольшую пробойцу, покрытую кровью. Въ балаганѣ, подлѣ бухты, лежалъ убитый матросъ, подъ своею шинелью. Страшно было взглянуть: почти ничего человѣческаго не осталось въ трунѣ: сложены были какіе-то почерпѣвшіе куски. Мнѣ разсказали, что при этомъ одному офицеру Московскаго полка, прѣхавшему съ Южной стороны за пріемкою туровъ, оторвало ногу, и еще сильно ранило трехъ женщинъ. Тутъ же на берегу я увидѣлъ нѣсколько ядеръ, прилетѣвшихъ съ Маріи. Они омывались волнами, обростая водянымъ мохомъ.

Базару велѣно было сплывать и переходить за гору, немного правѣ Сѣвернаго укрѣпленія. Но купцы поднимались

не охотно. Между ними возникали споры: отчего я прежде перейду, а не ты? — Объ ядрахъ никто и не думалъ. Одинъ изъ соперниковъ Александра Ивановича рѣшительно говорилъ, что онъ не пойдетъ до тѣхъ поръ, пока не свяжется Александръ Ивановичъ. Всѣ перебрались, а они двое еще воевали. Соперникъ между прочимъ послалъ въ карманъ табакъ, который тихонько показывалъ офицерамъ, въ улыбку Александра Ивановича, и говорилъ почти шепотомъ, косясь на одесскую палатку: «Помилуйте, господа! вотъ до чего дошелъ: какой табакъ за полтора рубли продасть, а самъ его тутъ-же, у Татаръ, за семь гривенъ покупаетъ! вотъ взгляните!...» Къ сопернику явились наконецъ жандармы, но онъ послалъ жещу къ дежурному генералу просить заступничества... Жандармы примирили ихъ, пригрозивъ поломать палатки у обоихъ.

И вотъ, казалось, всѣ перешли на новый базаръ. Но нѣтъ! осталась подъ ядрами одна таинственная палатка, не спорившая ни съ кѣмъ и неизвѣстно какъ незамѣченная жандармами. Палатка, по видимому, была пустая, закрытая со всѣхъ сторонъ на-глухо, но существовала сокровенный входъ: туда впускали, осмотрѣвши съ ногъ до головы; уголь парусины приподнимался и тотчасъ опускался опять, даже приколочивался изнутри гвоздями. Но и тутъ, захопнувши васъ, какъ птицу, показывали вамъ сначала немногое: какіе-то ящики съ сухарями, макаронами и вермишелью; потомъ уже познакомились съ вами какъ слѣдуетъ, говорили: «Мы совѣмъ не торгуемъ... это только такъ... пожалуй, можно сдѣлать наскоро котлеты; пойдетъ ломоть сыру и рюмка водки; но... мы сейчасъ переѣзжаемъ!» Однако, пока они *сейчасъ* переѣзжали, мнѣ случилось раза четыре, въ разные дни недѣли, исправно затрахать въ этой таинственной палаткѣ. Наконецъ жандармы замѣтили и ее — и пригвожденный уголь отгвоздился. Никого не стало на старомъ базарѣ, опустѣвъ землячки и балаганы и

долго стояли, почти до конца осады, какъ привидѣнія, пока не явились въ нихъ другіе, странные обитатели...

А на новомъ мѣстѣ ежедневно выростали балаганы и клѣтушки, какъ грибы. Образовалось три-четыре улицы, изъ которыхъ одна, средняя, была постоянно полна народомъ, такъ что едва можно было пройти, не только ужь пробѣжать. Разумѣется двигались больше всего солдаты и матросы. По обѣимъ сторонамъ, у лавокъ, сидѣли на землѣ рядкомъ бабы, торгуя всякимъ овощемъ, хлѣбомъ, яицами. Въ послѣдствіи тутъ сложились кучи арбузовъ, яблокъ, грушъ. Бабы обыкновенно и почевали податъ своего товару, тутъ же на землѣ. Лавки этой бабьей улицы были по преимуществу бакалейныя и табачныя. Между ними помѣщались самыя незатѣйливыя трактиры, съ десятками чайниковъ на столахъ. Лавки почище, съ красивымъ товаромъ и съ бакалейей, были ниже, на послѣдней улицѣ. Тутъ торговали перешедшіе изъ города Карамы: Айвазъ, Кефелі, Роще, Казасъ, Шашгалъ, и русскіе купцы: Сашотинъ, Старчиковъ, Каминъ, Крыжановскій, Дученко и многіе другіе¹⁾. Были и пріѣзжіе изъ Харькова, которые впрочемъ называли себя пріѣзжими изъ Москвы. Видныхъ, порядочныхъ лавокъ было до 30-ти. За постройку ихъ купцы платили немнѣвѣрную цѣну; иные балаганы доходили до 1000 цѣльковыхъ. Мѣсто стоило 75 рублей. Александръ Ивановичъ, сдѣлавшій старшиною базара, господствовалъ своею широкою палаткой надъ всѣми другими, какъ главнокомандующій. Онъ даже называлъ себя главнокомандующимъ базара, когда заливалъ немного за галстукъ. Много онъ не заливалъ. «Что тамъ у васъ главнокомандующій, то здѣсь я!» говорилъ онъ тогда штабнымъ. Александръ Ивановичъ долго былъ единственнымъ

¹⁾ Въ концѣ книги приложенъ списокъ всѣхъ купцовъ, торговавшихъ въ Севастополѣ, во время осады.

угощателемъ офицерской публки на новомъ базарѣ. Стихли и присмирѣли его соперники; но въ послѣдствіи переѣхалъ туда же, изъ города, Томасъ и открылъ гостиницу лучше. Томаса знали все Севастопольцы. Ему вѣчно были должны морлки, но онъ не думалъ о взысканіи долговъ, не ушывалъ, и продолжалъ кормить морскую и великую публку.

Такъ базаръ, выросшій изъ земли въ нѣсколько часовъ, представлялъ небольшой городокъ, который надумалось кому-то назвать *Нью-Севастопольемъ*. Но скоро и Нью-Севастополь подвергся опустошеніямъ отъ ядеръ и ракетъ, которыя не только долетали до него, но и перелетали черезъ. Одна, или двѣ ракеты ушали въ Учкусевкѣ, у берега моря; Учкусевка была отъ *Марин* по крайней мѣрѣ въ пяти верстахъ.

Начали поговаривать, что и отсюда базару придется переходить.

Въ нашъ Штабъ и въ 4-й номеръ укрѣпленій, гдѣ жилъ главнокомандующій, стали также частенько прилетать ядра съ *Марин*. Намъ было приказано готовиться къ выступленію на позицію. Но мы подымались тяжело. Русскій штабъ тоже, что русскій челоуѣкъ...

II.

1-е мая 1855. — Стычка 10-е мая. — Николаевскій мысокъ. — Сѣверное кладбище. — Похороны генераль-майора Адлерберга. — Переходъ Главнаго штаба на Инкерманскія высоты. — Дорога въ лагерь. — Сѣверное укрѣпленіе. — Рыба съ фрегата Коварны. — Митрополитче подворье. — Лавочка съ креслами. — Вѣзтіе у насъ редутовъ Волынскаго, Седегинскаго и Камчатскаго. — Корабли перемѣняютъ мѣста. — Тогдашній видъ Екатерининской улицы.

Въ то время когда у насъ, на Сѣверной, думали о разныхъ перемѣнахъ, о движеніи куда-нибудь дальше, безопаснѣе: Южная сторона жила по прежнему, той же самой жизнью. Тамъ некуда было уйти. Единственнымъ спасеніемъ отъ убійственнаго огня передовой линіи считалось — стать въ резервъ, поддвинуться нѣсколько шаговъ назадъ, и только.

Резервъ Корабельной помѣщался въ Бѣлостоцкихъ казармахъ, близъ Малахова кургана; потомъ не много дальше,

у Владимірской церкви; также въ Ушаковой и Аполоповой балкѣ и около Александровскихъ казармъ.

На Южной сторонѣ резервы располагались по Екатерининской и по Морской улицамъ; подлѣ Адмиралтейства и сзади Николаевскихъ казармъ.

Случалось однако, что полкамъ, простоявшимъ подъ огнемъ непріятельскихъ батарей нѣсколько мѣсяцевъ, давался отдыхъ. Ихъ отпускали на Сѣверную, на недѣлю и больше, по усмотрѣнію начальника гарнизона.

Въ концѣ апрѣля мѣсяца было предложено такимъ образомъ отдохнуть Охотскому полку, бывшему въ Севастополѣ безвыходно съ самаго начала осады ¹⁾). Но полкъ отказался идти на Сѣверную, просилъ дозволенія отдохнуть поближе къ своимъ знакомымъ батареямъ и курьгамъ, именно позади 3-го бастиона, въ морскихъ госпиталяхъ, что не подалеку отъ Александровскихъ казармъ.

Это было дозволено, и Охотцы расположились за 3-мъ бастиономъ.

Извѣстно, что русскому человѣку, на свободѣ, прежде всего приходитъ въ голову пирушка, да не льзъ-ли размахнуться какъ-нибудь пошире: и вотъ Охотцы задумали отпраздновать свою ечастливую шестимѣсячную стоянку на передовыхъ линіяхъ разныхъ бастионовъ, гдѣ полкъ понесъ самую незначительную потерю ²⁾). Рѣшили дать обѣдъ для всѣхъ, кому будетъ свободно пожаловать. Начальство согласилось — и все закипѣло живо.

¹⁾ Охотскій полкъ сперва стоялъ на Южной сторонѣ, въ разныхъ пунктахъ. Потомъ перешелъ въ Корабельную, гдѣ занялъ сначала Малаховъ курганъ, потомъ 3-й бастионъ, батарею Никонова и Пересыпку.

²⁾ Убитъ всего одинъ офицеръ, одинъ раненъ и около 100 человѣкъ нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Надо помнить, что это было время, когда вниманіе непріятелей было обращено преимущественно на лѣвый флангъ.

Въ Севастополѣ не копались ни за какимъ дѣломъ, даже и не очень вкуснымъ, а ужъ обѣдъ закипѣлъ такъ, какъ ил одинъ обѣдъ въ мѣрѣ. Мигомъ собрали подлинску, которая доставила распорядителемъ до полуторы тысячи рублей серебромъ, кромѣ особенныхъ вкладовъ отъ полкового командира и другихъ лицъ, доставившихъ почти столько же.

Въ это время жилъ въ Бахчисараѣ фушштатскій офицеръ того же полка, поручикъ (нынѣ штабсъ-капитанъ) Бахшицкій. Онъ женился не задолго до начала кампаніи. Отправляясь въ Турецкій походъ, Бахшицкій оставилъ жену въ Подольской губерніи, а когда войска воротились въ Россію, жена встрѣтила его въ Скулялахъ и съ тѣхъ поръ раздѣлила съ нимъ все походныя тревоги, посвятивъ себя на служеніе больнымъ и раненымъ.

Когда обозъ Охотскаго полка стоялъ въ Дуванкѣ, раненые офицеры этого полка и другихъ находили въ домѣ Бахшицкихъ не только спокойное убѣжище, но даже медицинскія пособія, бѣлье и платье.

Въ Бахчисараѣ Бахшицкіе продолжали точно также принимать къ себѣ раненыхъ и больныхъ офицеровъ, которые нуждались въ помощи.

Когда Охотцы затѣяли обѣдъ: къ кому же было обратиться, какъ не къ Бахшицкимъ, извѣстнымъ цѣлому полку?

Собрашья деньги отправили немедля къ нимъ, прося распорядиться этимъ дѣломъ: достать возможно-лучшихъ винъ, припасовъ и прочаго, примѣрно на 200 персовъ.

Все это явилось въ самомъ блестящемъ видѣ. Поваровъ было не занимать стать: одни моряки могли поставить цѣлый батальонъ. Обѣдъ приготовленъ отличный и разосланъ приглашенія ко всѣмъ пачальствующимъ.

Исключая весьма немногихъ, занятыхъ службой, явился на обѣдъ всѣ первыя лица, — въ Корабельную, въ одну домъ,

рядомъ съ квартирой генерала Хрулева. Это было 4-го мая, утромъ.

Начали, какъ подобасть, чсто по-русски, по православному: отслужили въ походной церкви ⁴⁾ паннхиду по убитымъ въ полку, затѣмъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго георгиевскіе кавалеры, около 70 человекъ, вышли первыми изъ церкви и пройдя церемониальнымъ маршемъ мимо начальства, вступили въ объединенный залъ, гдѣ для нихъ были приготовлены особенныя мѣста. Музыка грянула: 4 хора съ 4-хъ полковъ всей 41-й дивизіи, числомъ до полутораста человекъ, и кромѣ того 80 человекъ пѣвчихъ. Обѣдъ начался...

Онъ поразилъ всѣхъ вошедшихъ: столъ, убранный зеленью и рѣдкими цвѣтами, ломился подъ дорогими сервизами; золото, серебро, хрусталь, фарфоръ, рѣдчайшія вина — все пахло екорѣ столицей, чѣмъ лагеремъ и полемъ битвы. Только прошипѣвшее лдро, шелкнувъ гдѣ-нибудь въ стѣну, напоминало о мѣстѣ пра...

Кушанья были изящны въ высшей степени: цыплята, паштеты изъ печени, самыя нѣжныя овощи, все давно-невиданное было увидѣно. Шампанскаго выпито 500 бутылокъ. Кромѣ того подрядчику было сказано, чтобъ онъ заготовилъ, на случай, вина по крайней мѣрѣ на полъ-Севастополя. Чтобы слова «пѣть» не существовало! А если чего не достанетъ, то не платить денегъ поше.

Словомъ, это былъ обѣдъ, по приѣмамъ, по размаху, по кипящей буйными ключами жизни, единственный въ своемъ родѣ, неповторимый, какъ и песь Севастополь.

Когда онъ кончился, часть публики вышла въ палисадникъ, гдѣ играла музыка, тоже съ какимъ-то отчужденіемъ, какъ-

⁴⁾ Походная церковь есть ничто иное, какъ большая палатка. Эта церковь стояла подлѣ Владимірской, небольшой деревянной церкви.

будто напгрывалась въ послѣдній разъ, шумно заглушая всё на свѣтѣ канонады. Печего говорить: 200 трубъ и барабановъ могли сказаться довольно громко!

Едва показался на балконѣ начальникъ лѣваго фланга, генералъ Хрулевъ, знавшій и любившій Охотцевъ пими любимый еще съ Туртукака ¹⁾, — къ нему подошелъ фельдфебель Криволютовъ, съ бокаломъ шампанскаго, и закричалъ: «здоровье генерала Хрулева Степана Александровича!» Хрулевъ взялъ самъ бокалъ, палилъ въ него водки, и провозгласилъ: «здоровье всѣхъ георгиевскихъ кавалеровъ! ура!»

За тѣмъ поднесли вина всѣмъ, кто только былъ на праздничкѣ и смотрѣлъ въ окна.

Музыка гремѣла до глубокой ночи.

Потомъ всё разошлось по батареямъ, а иные ушли еще прежде, и жизнь Корабельной, озарившаяся мгновенно этимъ страшнымъ праздникомъ, какъ яркимъ лучемъ, потянулась по старому, въ облакахъ пороховаго дыма.

6-го мая генералъ Хрулевъ получилъ предписаніе принять команду надъ правымъ флангомъ, ибо тамъ ожидали нападенія.

По прибытіи на Южную сторону, Хрулевъ, какъ водится, немедленно осмотрѣлъ верки, и ему пришла счастливая мысль: соединить траншеей наши старые кладбищенскіе ложементы (числомъ 8), что были какъ-разъ противъ Бѣлкина люнета, съ ложементами (до 11-ти числомъ) Карантишной бухты, чтобы черезъ это подвинуть впередъ нашу оборонительную линію.

Долго шли объ этомъ совѣщанія. Наконецъ, съ 9-го на 10-е мая разрѣшено было приступать къ работамъ.

¹⁾ Подъ Туртукаемъ, на островѣ Голомъ, 28 февраля, 1854, Хрулевъ первый повелъ въ дѣло Охотскій полкъ. Охотцы, какъ и всегда, показали себя молодцами.

Тысяча лопатъ, пополамъ съ кирками, работала такъ тихо, что непріятель ничего не слыхалъ, хоть самъ велъ въ это время трапшею, въ 20-ти саженьяхъ отъ нашей новои. По сей всю ночь стрѣлялъ 5-й бастионъ и редутъ Бѣлкина.

Рабочіе потеряли въ эту ночь только одного солдата, убитаго малюхой пулей.

Къ утру 10-го, точно какимъ волшебствомъ, выросъ передъ непріятелемъ длинный валъ елишкомъ въ верету протяженіи.

Французы тотчасъ угадали мысль Хрулева.

Тогда главнокомандующимъ былъ уже Пеллессе ¹⁾; переписывался ему было не съ кѣмъ. Онъ далъ ту-же минуту приказаніе генералу де-Саллю, сдѣлашному командиромъ 1-го корпуса, «уничтожить новую позицію Русскихъ, и если можно, обратить ее противъ непріятеля.»

1) Онъ назначенъ 7¹/₁₉ мая, 1855. Вотъ его приказъ войскамъ отъ этого чела:

Солдаты!

Нашъ прежній главнокомандующій объявилъ вамъ волю Императора, который, по его ходатайству, поставилъ меня во главѣ Восточной арміи.

Принимая отъ Императора командованіе этою арміею, бывшее столь долго въ такихъ благородныхъ рукахъ, я скажу прежде всего, выражая навѣрное обіщія чувства, что генералъ Капроберъ уноситъ съ собою наше глубокое сожалѣніе и пошнюю признательность.

Никто изъ насъ не забудетъ, чѣмъ мы обязаны его высокому сердцу! Къ блистательнымъ воспоминаніямъ Алмы и Инкермана онъ присоединилъ еще ту незабвенную заслугу, можетъ быть незабвеннѣе самихъ побѣдъ, что во время страшной зимней кампаніи сохранилъ нашему Государю и отечеству одну изъ лучшихъ армій, какую когда-либо имѣла Франція. Ему обязаны мы тѣмъ, что можете бороться не уступаая и торжествовать; и если успѣхъ (въ чемъ я убѣжденъ) увѣнчаетъ наши успія, — вы не забудете его имени въ своихъ побѣдныхъ кликахъ!

Онъ пожелалъ остаться въ нашихъ рядахъ и хотя-бы могъ получить высшее назначеніе, онъ ищетъ только возвратиться къ своей старой дивизіи. Я уступилъ желанію и настоятельнымъ просьбамъ того, кто былъ до сихъ поръ нашимъ главнокомандующимъ и останется всегда моимъ другомъ.

Де-Салль назначилъ въ дѣло дивизию генерала Патѣ. Предположено произвести двѣ атаки: одну противъ ложементовъ подлѣ бухты, а другую противъ ложементовъ у кладбища.

Лѣвымъ крыломъ, то есть противъ бухты, командуетъ генералъ Бѣрэ, имѣя 3 роты 40-го стрѣлковаго батальона, 3 батальона 2-го полка иностраннаго легіона и батальонъ 98-го линейнаго полка.

Правымъ крыломъ командуетъ генералъ де-Ламоттъ-Ружъ, съ охотниками 1-го полка иностраннаго легіона и съ 2-ми батальонами 28-го линейнаго полка, имѣя въ резервѣ батальонъ 18-го и 2 батальона гвардейскихъ волтижеровъ.

Изъ этой диспозиціи видно, что новое распредѣленіе полковъ, бригадъ и дивизій, показанное въ особо приложенномъ спискѣ, еще не установилось: брали какъ случится, съ какимъ полкомъ кто былъ знакомѣ прежде.

Генералъ Хрулевъ, обходя утромъ (10 мая) наши новыя линіи, увидѣлъ съ одного возвышеннаго пункта ноги французскихъ рабочихъ, въ ближайшихъ къ намъ траншеяхъ. Потомъ эти рабочіе ушли. Велѣдъ за тѣмъ опустѣли траншеи и дальше — тѣ самыя, которыя были сдѣланы изъ отбитыхъ у насъ ложементовъ 19-го апрѣля.

Солдаты! Моя довѣренность къ вамъ безгранична. Послѣ столькихъ пытаній и самыхъ благородныхъ жертвъ нѣтъ ничего невозможнаго для вашей храбрости.

Вы знаете, чего ждутъ отъ васъ Императоръ и отечество. Оставайтесь тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ, и тогда, при вашей энергіи, при содѣйствіи нашихъ доблестныхъ союзниковъ, при мужествѣ храбрыхъ моряковъ нашихъ эскадръ и съ помощію Бога — мы побѣдимъ!

Главнокомандующій

А. Пеллиссье.

Главная квартира
близъ Севастополя.
19-го мая, 1855.

Больше ничего не случилось. Но для опытного глаза и того было довольно. Привычные поздрки слышали запах битвы. Воротаясь на бастионъ, генераль Хрулевъ предсказалъ нападеніе въ эту же ночь и велѣлъ сдѣлать необходимыя приготовленія.

Еще въ 4 часа по полудни французскіи войска вошли въ назначенныя имъ паралели, позади главной вѣтви траншей.

Наши войска, какъ и наканунѣ, вышли на работу въ 9 часовъ вечера (еще было довольно свѣтло): 3 батальона Подольскаго полка черезъ люнетъ Бѣлякша; 4-й батальонъ того же полка черезъ батарею Бутакова; 2-й и 3-й батальоны Ериванцевъ черезъ калитку близъ полуказемата 6-го бастиона, 1-й батальонъ того же полка и 1-й и 2-й Житомирскаго, съ двумя горными едшиорогами, — черезъ ворота, ведущія къ Шемякинной батарее¹⁾.

Французы открыли въ то же самое время сильнѣйшій огонь изъ орудій и мортиръ.

Выдвинутая прежде цѣпь изъ охотниковъ Подольскаго полка и штуцерные, зашмававшіе ложементы, дали знать, что непріятель наступаетъ въ большихъ силахъ.

Правое и лѣвое крыло его ударилъ въ одно время и заняли наши ложементы.

Подольцы и Ериванцы двинулись слѣва, а Житомирцы справа, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня, и по всей линіи закипѣлъ бой. Ложементы нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки.

Противъ нашего лѣваго крыла бились гвардейцы, одѣтые въ самыя свѣжіе мундиры и имѣвшіе новое оружіе. Ихъ было въ бою всего одинъ батальонъ, а другой стоялъ въ резервѣ.

¹⁾ Рапортъ Начальника 1-го отдѣленія и резерва онаго Начальнику 1-го и 2-го отдѣленія оборонительной линіи, отъ 1^й мая. 1855, за № 2.228.

Отбиты у нихъ ружья были забиты грязью. Мы объясняли это такъ, что храбрый батальонъ далъ зарокъ не стрѣлять, а сражаться только холоднымъ оружіемъ — штыками.

Въ этой схваткѣ нашъ командиръ 2-й бригады 9-й дивизіи¹⁾, генералъ-майоръ Адлербергъ, вывѣтъ съ сыномъ.

Говорятъ, наши, подойдя довольно близко къ гвардейцамъ и замѣтивъ бѣлыя перевязи, которыхъ до тѣхъ поръ не видали у Французовъ, закричали имъ: «Кто вы, наши что ли? говорите, а то будемъ стрѣлять!» Оттуда отвѣчали по-русски не совсѣмъ чисто: наши, наши! — и тогда уже Подольцы пошли на штыки.

Въ 1-мъ часу почти русскія колонны стали колебаться и отступать. Генералъ-лейтенантъ Семякинъ двинулъ въ помощь лѣвому флангу 2 батальона Минскаго полка, а въ помощь правому 7 ротъ Углицкаго — бой закинулъ еще унитарѣе, и продолжался до 3-хъ часовъ утра, при сильнѣйшемъ артиллерійскомъ огнѣ батарей. Одинъ Бѣлкинъ редутъ выпустилъ до 3-хъ тысячъ зарядовъ, преимущественно картечью. Изъ бомбическаго орудія (всего одно и было) сдѣлано имъ до 400 выстрѣловъ за ночь.

Мы отбросили правое крыло непріятели въ его ретрашменты и заняли половину нашей полой линіи (слѣва, противъ кладбища): куда на день, 11-го мая, были посажены стрѣлки и штуцерная команда, а войскамъ велѣно отступитъ. Другая же половина линіи (ложементы у карантинной бухты) остались за непріятелемъ.

Наша потеря въ эту ночь простиралась до 3-хъ тысячъ

¹⁾ Полковъ Ериванскаго и Подольскаго. Полное названіе Ериванскаго полка: «Фельдмаршала Князя Варшавскаго, Графа Паскевича Ериванскаго». Я употреблю вездѣ названія, ходившія въ Севастополѣ.

убитыми и ранеными, въ числѣ коихъ 1 генераль и 74 штабъ и оберъ-офицера.

Неприятель потерялъ, по показанію плѣнныхъ, до 9-ти тысячъ человекъ. Говорятъ, у нихъ много легло отъ ошибочныхъ выстрѣловъ своего же парохода, который вошелъ въ Карантинную бухту и открылъ огонь по главному резерву.

На слѣдующую ночь мы ожидали новаго нападенія. Такъ и случилось.

Днемъ (11 мая) собрался совѣтъ у командира 1-го корпуса, генерала де-Салля.

Назначили въ дѣло дивизію Левальяна. Гвардія, потерявшая наканунѣ 4-хъ офицеровъ убитыми и 23 ранеными, составила резервъ въ 2 батальона.

Правымъ крыломъ командуетъ генераль Дюваль, имѣя 6 батальоновъ; лѣвымъ — генераль Кустонъ, имѣя 4 батальона.

У насъ получено приказаніе главнокомандующаго: занять однимъ батальономъ Житомирскаго полка траншею, а другому батальону того же полка находиться въ резервѣ. Если не будетъ нападенія, то укрѣпиться на новой позиціи; а если произойдетъ нападеніе въ такихъ силахъ, что двумъ батальонамъ будетъ не возможно удержать за собою траншею, то отступить безъ боя.

Въ 9 часовъ вечера Французы бросились и заняли наши траншеи весьма легко, почти не встрѣчая сопротивленія.

13-го мая было перемиріе, которое продолжалось болѣе 5-ти часовъ.

По всѣмъ ближайшимъ валамъ и веркамъ неприятелей, до той минуты какъ бы мертвымъ и пустымъ, закопшился народъ, заснѣли французскіе мундиры, но иногда между ними мелькало неформенное пальто и бѣлѣла блуза.

Съ нашей стороны, точно также, всѣ холмы и линіи 1-го отдѣленія покрылись любопытными, смѣявшимися одинъ другихъ.

По всему валу, отъ 10-го номера до 5-го бастіона, стоялъ пестрѣя, живой частоволъ. Надъ казематомъ 6-го бастіона полоскался въ воздухѣ бѣлый флагъ. Не задолго передъ закатомъ солнца онъ опустился; съ валавъ исчезли любопытцы, и бастіоны опять закурились и загремѣли.

Много было работы въ эти дни Главному перевязочному пункту: въ первые сутки (11-го мая) слѣзано до 700 ампуцій.

Убитыхъ на Южной сторонѣ свозили обыкновенно въ фурштатскихъ телегахъ на Николаевскій мысокъ; (убитыхъ въ Корабельной — на Павловскій). Здѣсь они лежали навзничъ, на спинѣ, безъ всякаго порядка, большая часть въ своей кровавой одеждѣ: въ рубашкѣ, или въ шинели; а иные и въ чистомъ бѣльѣ, надѣтомъ на нихъ товарищами, и со свѣчю въ рукѣ, принесенною тѣмъ же товарищами. Можно было замѣтить, что у иныхъ пальцы сложились знаменіемъ креста... Православные люди, солдаты и матросы, подхода въ покойникамъ, грустно и молча смотрѣли имъ въ лицо и крестились. Почти не проносилось никакого слова на мертвомъ мыскѣ. Да и къ чему было говорить, когда и такъ, само-собою, все рассказывалось этими безмолвными трупами, каждый день прибывавшими болѣе и болѣе...

Иного мертвеца уже не показывали: свернуто было что-то такое въ шинели, и шинель была зашита...

Но среди стрыхъ шинелей и бѣлыхъ рубахъ синѣлъ иногда мундиръ Француза, попавшаго между нашими. И его везеть хоронить богобоязненный русскій человѣкъ; но-некому одѣть бѣдняка въ чистую сорочку и вложить ему въ руки восковую свѣчу. Далеко плачетъ его мать...

Я вспомнилъ одну сцену въ Северныхъ баракахъ: послѣ какой-то схватки на Селенгинскомъ редутѣ, привезли туда нѣсколько раненныхъ Французовъ. Одинъ былъ безнадежно

Неосторожные медики, забывшись, заговорили по-французски, что «дѣло плохо, что онъ умретъ, но все-таки надо сдѣлать операцію!» — «Нѣтъ ужъ, не надо, перебилъ ихъ Французъ: оставьте мени въ покоѣ! Я еще могу теперь думать о своей матери, которая умираетъ можетъ быть съ голоду, когда я умираю здѣсь отъ пули... Я пошелъ служить, чтобъ достать ей кусокъ хлѣба, и вотъ....» Онъ заплакалъ. Всѣ стоявшіе вокругъ прослезнились. Человѣкъ, умирая, просилъ оставить его въ покоѣ, чтобъ только подумать о матери, пока еще онъ можетъ думать... и больше ему ничего не нужно! И сколько такихъ трогательныхъ словъ и желаній высказывалось тогда въ разныхъ углахъ обширнаго поля битвы, и на бастіонахъ, и въ баракахъ, и гдѣ-нибудь въ темномъ рву, и всюду, куда заглядывала смерть!

Страшно было проѣхать вечеромъ мимо Николаевского мыска, вѣчно покрытаго мертвыми тѣлами. Свѣчи, вложенныя въ руки покойниковъ, зажигались и освѣщали блѣдныя лица; а море плескало въ черныя скалы.

Къ этимъ скаламъ ежедневно нѣсколько разъ подходила шаланда, подымала мертвый грузъ и свозила на Сѣверную сторону, въ Куриную балку. Здѣсь убитые перекладывались въ татарскія мажары, или въ фурштатскія телеги, и побѣдъ двигался гуськомъ, иногда 20 — 30 мажаръ вдругъ, къ Сѣверному кладбищу. Тамъ было всегда готово 10 — 15 огромныхъ ямъ, выкопанныхъ арестантами¹⁾. Покойниковъ опускали по 50 и болѣе въ одну яму. Потомъ дѣлалась насыпь, и выкладывался по землѣ крестъ изъ камней, а иногда ставили и деревянный. Приходилъ священникъ и служилъ одну общую панихиду.

¹⁾ Въ августѣ нѣредко эти ямы волались курскими ополченцами.

Подъ горою кладбища, близъ дороги, стояли двѣ палатки, наполненныя гробами и жили какіе-то люди, ходившіе постоянно въ однихъ рубашкахъ и безъ шапокъ. Кому было нужно гробъ, тотъ могъ купить. Куда не забрется и чего не вынесетъ изворотливая промышленность!

Мнѣ случилось встрѣчаться съ грустнымъ и страшнымъ поведениемъ. Изъ мажаръ торчали руки и ноги, свѣшивались почернѣлыя, залитыя кровью головы. Сначала, въ первыя встрѣчи, я отворачивался; но потомъ привыкъ къ этому зрѣлищу, и часто пересѣкала линію возовъ, не думая о томъ, что такое въ нихъ лежало.

За то, на томъ же самомъ кладбищѣ, я видалъ отрадные, умиляющія сцены. Не рѣдко сходившесъ туда кучки матросовъ помануть товарищей, разстилали по землѣ кусокъ полотна, насыпали куты и ставши вокругъ съ обнаженными головами, молились. Это дѣлалось такъ просто, что я никогда не рѣшался войти въ кружокъ, боясь смутить молящихся. Арестанты, работавшіе гдѣ-нибудь тутъ же, на горѣ, замѣтивъ кучку матросовъ и зная, что это такое, бросали работу и свѣшили въ тотъ же братскій кружокъ, обнажая свои бритыя головы. О, какъ высокъ передо мною былъ тогда этотъ сѣрый человекъ, съ позорнымъ бѣлымъ квадратомъ на спинѣ и съ бритою головою! ¹⁾

На третій день послѣ боя хоронили генерала Адлерберга. Артиллерія и команда солдатъ ожидали на Сѣверной сторонѣ

¹⁾ Замѣчу здѣсь, что нѣсколько арестантовъ постоянно служили на разныхъ бастіонахъ и отличались какъ расторопностью въ работѣ, такъ и прихѣрными поведеніемъ. Адмиралъ Истоминъ однажды не могъ выдержать и навѣсилъ одному арестанту георгиевскій крестъ, противъ существующихъ правилъ не давая этимъ людямъ никакихъ отличій. На Малаховомъ курганѣ былъ извѣстный всѣмъ арестантъ Демьянъ Пассоэкъ, много разъ раненный, и послѣ выздоровленія, возвращавшійся къ своему орудію. Онъ оставался на курганѣ все время осады, исполняя самыя опасныя порученія.

прибытія тѣла. Во второмъ часу причалила печальная шлюпка. Въ передней части ея возвышался крестъ и сидѣлъ священникъ.

Тѣло Адлерберга-отца было въ черномъ бархатномъ гробѣ, а сына его — въ розовомъ. За ними иссли еще нѣсколько офицерскихъ гробовъ. Въ числѣ провожатыхъ были и дамы. Процессія тронулась отъ сѣвернаго берега къ кладбищу. Изъ нашихъ начальниковъ былъ только дружный генералъ. верхомъ, въ скюртку и въ эплетахъ¹⁾; генералъ-гевальдигеръ и жандармскій капитанъ, съ отрядомъ жандармовъ. Скоро залпъ орудій возвѣстилъ, что тѣла убитыхъ приняты землей.

Это время было особенно изобильно печальными процессіями. Безпрестанно видѣлъ длинныя шествія и вѣявшія хоругви²⁾. Печальная музыка или пѣніе часто оглашали воздухъ. Тогда ходилъ слухъ, что нѣсколько офицеровъ умерли въ одномъ госпиталѣ, въ городѣ, слыша поминутно подъ окнами похоронный маршъ, и музыка при погребеніи была на нѣкоторое время запрещена. Кромѣ того, похоронные звуки не рѣдко мѣшались со звуками полекъ и мазурокъ, гремѣвшихъ на Маленькомъ бульварѣ, и это было странно и непріятно. Въ послѣдствіи погребальную музыку рѣзрѣшили опять; но тогда уже не играли на бульварѣ ничего.

Въ концѣ мая Главный штабъ перешелъ на Инкерманскія высоты, за шесть верстъ отъ города, на то мѣсто, гдѣ нѣкогда была почтовая станція, а въ началѣ 1855 г. стояла 16-я дивизія. Въ каменномъ домикѣ станціи помѣстился главнокомандующій³⁾. Рядомъ съ нимъ, въ другомъ домикѣ поменьше, — начальникъ штаба. Для генераловъ и кое-кого изъ офицеровъ,

¹⁾ Въ Севастополѣ эплетъ обыкновенно не носили.

²⁾ Въ Новороссіи, Бессарабіи и въ Крыму при похоронахъ несутъ хоругви.

³⁾ Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 12-й.

со средствами, вырылись землянки и покрылись хворостомъ, привезеннымъ съ Менкениевой горы. Долго не забудетъ Менкениева гора этого нашествия за хворостомъ! Тамъ, гдѣ не давно кудрявились густыя рощи дубяку, орѣшнику, осиннику и клылу, — нынѣ остались одни пеньки.

Вокругъ домика и землянокъ раскинулось 200 — 300 палатокъ. Въ пустыню перенеслась жизнь. Каждый день по вечерамъ, въ серединѣ лагера играла музыка. Въ братскихъ, дружескихъ отношеніяхъ забывались разныя неудобства и недостатки. Все было пополамъ. Кого командировали въ Бахчисарай, тотъ запасался войлоками, покупалъ посуду, и дѣлилъ все это въ томъ кружкѣ, гдѣ жилъ и обѣдалъ. Моя посуда, а твой поваръ, а его десертъ: арбузы, виноградъ, черешни, что найдется! Словно жилось въ этихъ палаткахъ, зыблемыхъ жестокими приморскими вѣтрами и пробиваемыхъ дождемъ!

Но я узналъ эту жизнь послѣ, подѣ конецъ осады; а до тѣхъ поръ я жилъ постоянно на фрегатѣ, и только по утрамъ ѣздилъ въ лагерь.

Пришлось вставать очень рано, въ пятомъ часу, и пить одинокій чай. Между тѣмъ на берегу мнѣ сѣдали лошадь, или запрягали телегу.

Дорога, по которой я ѣздилъ въ лагерь, лежала мимо Сѣвернаго укрѣпленія, базара, кладбища и наконецъ Инкерманскаго маяка. Все это оставалось влѣвѣ. Мѣстность представляла пологія горы и балки, покрытыя мелкими кустами и камнями. Главныхъ горъ было три: на первой, за кладбищемъ, показывались палатки какого-то полка и желтѣли траверы батареи. Иногда, на вазу, висялая часовой, весь въ бѣломъ: въ бѣлой курткѣ и штанахъ. Въ слѣдующей за тѣмъ балкѣ, на зеленой луговинѣ, и видалъ, почти каждый день, кучки солдатъ, въ однихъ рубашкахъ; рѣдко кто былъ въ шинели. Одни сидя выколачивали барабанными палками по бревну раз-

ныя зори и марши; другіе высвистывали то же самое на флейтахъ, уже стоя и приладивъ къ какой-нибудь жердочкѣ ноты. Тѣ и другіе, разумѣется, не попадали въ тактъ другъ дружку — и балка оглашалась разногласящей звуковъ, спорившихъ между собою. Среди кустовъ и камней вѣчно порхали какія-то маленькія птички, изъ которыхъ я узнавалъ только одного удода, съ его красивымъ гребешкомъ и круглыми, нестрыми крыльями, подобными крыльямъ большаго мотылька. Замѣчу здѣсь о птицахъ вообще: на Южной сторонѣ Севастополя мнѣ не случалось замѣчать птицъ; я думаю, что ихъ не было тамъ вовсе, по причинѣ сильной и неумолкаемой стрѣльбы. Но на Сѣверной, кромѣ этихъ мелкихъ птичекъ по кустамъ, водились еще скворцы и чистые голуби. Особенно памятны мнѣ голуби 4-го номера. Они выжили на этой батарее до конца и часто красиво вились надъ нею, не смотря на выстрѣлы. Иногда появлялись какія-то сѣренькія птички среди бухты, на вантахъ кораблей. Въ августѣ я видѣлъ изъ Ингерманскаго лагеря два облака мелкой дичи, какъ кажется, перепелокъ, которыя летѣли на Южную сторону но, отпугнутыя выстрѣлами, повертели назадъ, подавшись къ морю, и долго были замѣтны въ небѣ длинными туманными полосами, протянувшимися на большое пространство, и наконецъ исчезли въ отдаленіи.

Вторая гора была пуста, а на третьей помѣщался маякъ: шесть съ протянутыми къ нему веревками ¹⁾). Подлѣ чертила землянка офицеровъ, которыя были поручены наблюденія за непріателемъ. Тутъ вѣчно бродили двѣ-три казачкія лошадки, рисуясь на небѣ темнымъ силуэтомъ.

Дорога лежала у самаго подножія этихъ горъ. Направо отъ нея шла довольно ровная мѣстность, кончавшаяся обрывомъ

^{1) 4)} Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 14-й.

къ бухтѣ и покрытая такими же кустами и камнями, какъ и горы. Иногда камней было столько, что казалось, будто они навожены нарочно. До бухты было оттуда около версты. По берегу, надъ самою водою, тянулось нѣсколько батарей, въ видѣ глиняныхъ насыпей. Эти батареи большею частію были скрыты берегомъ; ихъ присутствіе угадывалось только по бѣлымъ клубамъ подымавшагося оттуда дыма и по свисту ядра. Звукъ уносящагося ядра болѣе всего напоминаетъ шипѣніе опущеннаго въ воду раскаленнаго металла. Какъ стихаетъ этотъ звукъ въ водѣ, такъ стихаетъ звукъ улетающаго ядра. Но эти батареи стрѣляли рѣдко. Точно также рѣдко отвѣчали имъ съ того берега непріятельскія батареи, изъ которыхъ видѣе всѣхъ, своими желтыми валами, была батарея Канробера. Раза два-три случилось мнѣ видѣть взрывъ непріятельскихъ бомбъ не подалеку отъ нашихъ сѣверныхъ батарей, противъ кладбища и маяка. Эти взрывы были саженьхъ въ двухъ стахъ оттуда. Но ядра и осколки бомбъ подымалъ не рѣдко на самой дорогѣ.

Ядра съ *Maria* ложились въ это время около Сѣвернаго укрѣпленія, около 4-го номера, въ Сухой и Сѣверной балкѣ, и на бугрѣ, у вѣсовъ. Ядра два перенеслись даже черезъ валъ Сѣвернаго укрѣпленія. Кстати скажу здѣсь, что такое Сѣверное укрѣпленіе. Это была довольно обширная, старая крѣпость, съ низкимъ землянымъ валомъ, имѣвшимъ мѣстами каменный эскарпъ. Всего укрѣпленія, по мѣстности, нельзя было окинуть взглядомъ ни откуда. Войдя въ южныя ворота, со стороны 4-го номера, вы видѣли передъ собою довольно большую площадь, гдѣ направо и налево, тѣснились къ валу три-четыре каменные дома, похожіе на госпитальные бараки. Въ одномъ и былъ госпиталь, кровати на сто. Въ другомъ, рядомъ съ нимъ, помѣщалась почта. Въ длинномъ баракѣ, направо отъ воротъ, содержались обыкновенно раз-

мые пѣнные до отправленія ихъ внутрь Россіи. Ихъ бывало тутъ иногда до ста человѣкъ. Навѣво, у самыхъ воротъ, стояла гауптвахта. А прямо, черезъ площадь, видѣлась полковая церковь: продолговатая палатка съ тремя золотыми крестами. Посреди площади было разбросано десятка три солдатскихъ землянокъ. Навонецъ; вдали, въ лѣвомъ углу укрѣпленія, стоялъ каменный домъ; занятый почтовыми тюками, которые берегали тотъ самый геній русской безопасности, о которомъ я уже сказалъ нѣсколько разъ. Повѣрять ли: ничто не пропало въ этихъ ворохахъ, и хотя поздно, но все дошло въ руки тѣхъ, кому было адресовано. Если же послышки пропадали, то не иначе, какъ вслѣдствіе неясныхъ адресовъ. Я увѣренъ, что они и донынѣ лежатъ гдѣ-нибудь въ бахчисарайской конторѣ, и дожидаются хозяина.

Часто, забывая очень рано на почту въ Сѣверное укрѣпленіе, когда чиновники еще спали, я клалъ, по совѣту сторожа, письмо и деньги на столъ, въ пустой комнатѣ, — и не было примѣра во всю кампанію, чтобы письмо, отправленное такимъ образомъ, пропало.

Батарей, называвшейся *Марія*, скоро стали помогать еще двѣ точно такого же устройства: одна за Южной бухтой, между хуторами Шебедева и Бурназова, а другая за кладбищемъ, по ту сторону 3-го бастиона, обѣ английскія. Эти двѣ батареи стрѣляли только по бухтѣ и Сѣверной балкѣ, пуская изрѣдка ядра по Михайловской батарей. Не знаю, которая изъ нихъ стрѣляла по Артиллерійской слободкѣ (на Южной сторонѣ), но тамъ также падали ядра. Кажется, это *Марія*. Расстояніе отъ нея до Артиллерійской бухты было то же самое, что и до насъ, то-есть 4 версты.

Но всё эти три батареи не причиняли почти никакого вреда, кроме ломанья крышъ и прожиганія палубъ, что чинилось въ одну минуту: «Мы такъ привыкли къ этимъ непрерывнымъ свистамъ, что не обращали на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Иногда сидишь въ каютѣ, читаешь, или пишешь, а ядро за ядромъ шлепъ да шлепъ подлѣ фрегата. Однажды (впрочемъ только однажды) мнѣ случилось насчитать въ полчаса около 40 ядеръ. Но слѣдующіе полчаса, можетъ-быть, упало только 2 ядра. Иногда ходишь по палубѣ и слышишь этотъ визгъ и видишь кипящіе бѣлые круги по бухтѣ: это слѣды падающихъ ядеръ. Сколько разъ случалось мнѣ, переѣзжая бухту, слышать надъ собою пѣніе ядра, которое тутъ же и уходило въ воду, обдавая брызгами скользнувшій близко влискъ. Особенно привыкли мы къ ядрамъ *Marii*. Коварскіе офицеры прозвали ее почему-то «Сосѣдомъ», хотя до сосѣда было слѣшкомъ 4 версты. «А! это сосѣд!» говорилъ они, услышавъ знакомый визгъ *Mariina* ядра. Я такъ зналъ этотъ визгъ, нѣсколько отличавшійся отъ другихъ, что онъ верѣдко будилъ меня въ каютѣ, когда я сидѣлъ задумавшись, безъ дѣла, и кругомъ было все тихо, то-есть тихо по нашему: съ обыкновеннымъ далекимъ гуломъ севастопольскихъ батарей. Часто, ѣдучи верхомъ по горамъ, я узнавалъ выстрѣлъ съ *Marii* среди сотенъ другихъ; невольно оборачивалъ голову въ ту сторону, — и клубъ бѣлаго дыма удостовѣрялъ меня, что я не ошибся. Я даже любилъ эти дальнобитвые, дерекіе выстрѣлы. Иногда внимательно слѣдилъ за ними, и мнѣ было скучно, если неприятель не потѣшитъ меня хоть парой такихъ выстрѣловъ, когда я ѣду въ лагерь; если я не увижу ни разу, какъ комья земли брызнуть фонтаномъ отъ молодецкаго удара. Гулъ всегда отставалъ отъ ядра: уже летѣли комки, или раздавался въ бухтѣ всплескъ и кипѣлъ кругъ воды, — а гулъ все еще несся по воздуху, какъ будто ядро все еще летѣло.

Впрочемъ минута на минуту не приходитъ. Иной разъ вдругъ, самъ не знаешь отчего, воображится, что ядро, гудящее далеко, летить прямо въ тебя, — и повольно, какъ бы какою силой сдвигался съ мѣста. Но большею частію мы были спокойны. Даже я не помню, чтобы гдѣ-нибудь до той поры я ощущалъ въ себѣ такое спокойствіе и такую тишину, какъ тамъ, подъ несмолкаемыми громами. Нигдѣ такъ не спорилась у меня работа, какъ въ Севастополѣ. Изъ какихъ элементовъ все это вырабатывалось, Богъ вѣсть. Душа человѣческая исполнена противоположностей. Не знаешь, гдѣ что найдешь...

Съ умиленіемъ вспоминаю я это время, лучшее въ моей жизни. По истинѣ скажу, что всѣ мы, всѣ до единого, не только тѣ, кто глядѣлъ на огонь батарей, но и тѣ, кто былъ отъ нихъ далеко, обязаны Севастополю единственными, неоцѣненными минутами, которыя посылаются рѣдко...

Мнѣ не трудно было ѣздить каждый день въ лагерь, дѣлая туда и обратно около 12-ти верстъ. Когда я пріѣзжалъ, меня каждый разъ обступали товарищи: ну что? какъ? — Я рассказывалъ что зналъ. Странно только, что въ лагерь всякая небольшая перестрѣлка бастіоновъ казалась Богъ знаетъ чѣмъ. «Что это такое у васъ было вчера?» спрашивали меня иной разъ, и я не зналъ, что отвѣтить, потому-что ничего не было. Такъ издали все кажется чуднѣе и страшнѣе.

Кромѣ вѣстей я возилъ въ лагерь свѣжую рыбу, которую ловилъ мнѣ матросъ Наумовъ, вѣчно сидѣвшій на бакѣ или на ютѣ¹⁾, съ закинутою удочкой. Рыба ловилась отлично, несмотря на падавшія вокругъ ядра; вкуса была необыкновеннаго и носила названія, неизвѣстныхъ въ рѣкахъ: ласкѣръ, кефалѣ, камбала, зеленчужка, бычокъ, горбыль, пѣтухъ, султанка.

1.

1) Бакъ — часть палубы къ носу, ютѣ — къ кормѣ.

Последняя считалась самой вкусною и рѣдкою и называлась султанкой потому, что была похожа на Турку съ усами: это объясненіе Наумова. Были впрочемъ и рѣчныя названія: налимъ, плотва, ерши, окуни. Я возилъ эту рыбу въ особенныхъ мѣшечкахъ, которыя привязывалъ къ сѣдельной лукѣ. Вся рыба засыпала, но ершей я постоянно привозилъ живыми.

Не могу не вспомнить, что къ той же сѣдельной лукѣ я часто привязывалъ свертокъ бумагъ, заключавшій въ себѣ кой-какія старыя замѣтки. Эти замѣтки соединены для меня съ лучшими воспоминаніями молодости, Москвы и друзей. Кто много думалъ надъ иными страницами, тому простительно ихъ беречь, и я сознаю, что берегъ этотъ единственный и экземпляръ моихъ задушевныхъ скупцовъ, разбѣжавшій со мною во всѣхъ походахъ. Когда мнѣ случалось ѣхать изъ лагеря на *Коварну* и свертокъ былъ со мною, я часто трогалъ его, или взглядывалъ, чтобы убѣдиться, тутъ ли онъ, или нѣтъ; и даже сохраняю донынѣ тотъ потершійся листъ, въ который завертывалъ эти бумаги. Въ послѣдствіи увидать читателя, какъ странно спасся этотъ свертокъ во время пожара *Коварны*.

Возвращался я также, какъ и прежде, часу въ 4-мъ; купался, обѣдалъ и ложился отдохнуть. Словомъ — жизнь текла по принятому порядку.

Иногда, послѣ обѣда, я ѣздилъ въ городъ не одинъ, а вмѣстѣ съ нашимъ священникомъ Веніаминномъ. Онъ познакомилъ меня еще съ тремя священниками: отцомъ Никандромъ, другимъ Веніаминномъ и отцомъ Антошемъ. Такъ-какъ суда, на которыхъ они служили, были затоплены, то имъ и пришлось жить въ городѣ, на митрополитьемъ подворьѣ, не подалеку отъ Михайловскаго собора.

Мы заходили съ отцомъ Веніаминномъ къ нимъ на подворье и пили настоящій русскій, *самоварный* чай; на фрегатѣ не ста-

виды самоваровъ, вслѣдствіе существующаго правила, а готовилъ чай въ особомъ чайникѣ, на плитѣ.

Покаместъ улаживался чай и ставился самоваръ — а ставилъ его старый матросъ, служившій когда-то на несчастномъ фрегатѣ *Рафаиль* ¹⁾, — и отправлялся въ одну знакомую мнѣ лавочку съ кренделями, помѣщавшуюся въ узенькомъ переулкѣ, въ концѣ Екатерининской улицы. Эта лавка очень долго держалась, потому ли, что была устроена въ толстой стѣнѣ, подъ слоемъ земли и камня, или потому, что хозяинъ былъ похрабрѣ другихъ, — только она держалась. Уже въ кондитерскую Йогана пожаловала бомба — и кондитерская опустѣла; одна вывѣска съ золотыми буквами торчала надъ крыльцомъ, но вмѣсто двери глядѣла черная впадина и тамъ не видно было никого ²⁾. Куда разлетѣлись всё эти пирожки, вазы и кудрявые картоны съ конфектами... Опустѣла и Томасова гостиница, пробитая ракетой. Лавки и магазины затворялись поочередно. Купцы перебирались: кто въ Николаевскую батарею, кто на базаръ, на Сѣверную, а кто уѣзжалъ и вовсе. Грустно было видѣть сборы севастопольскихъ купцовъ. На меня всегда наводили увныіе брошенные лавки, гдѣ вчера была торговля, а сегодня все заперто, закрыто, окна заставлены досками, а яныя ужъ и разбиты бомбами...

Судите же, какъ было пріятно, среди пустѣющихъ улицъ и домовъ, находить прежнюю, знакомую жизнь въ маленькой ла-

¹⁾ Фрегатъ Рафаиль былъ отбитъ у насъ Турками и названъ Фазли-Аллахъ. Онъ сгорѣлъ во время Сякоснаго боя, а командиръ его Али-Бей взятъ въ плѣнъ. Такъ я слышалъ.

²⁾ Кондитерская Йогана показана въ Севастопольскомъ Альбомѣ на рисункѣ 25-мъ. Тамъ же, вдали, можно видѣть слѣды переулка, гдѣ находилась лавочка съ кренделями: передъ большимъ двухъ-этажнымъ домомъ съ трубой, направо; за кучей камня.

вочкѣ съ кренделями. Эта жизнь теплилась какъ свѣча въ мертвомъ сумрачѣ. Какъ пріятно было отворить нищенскую дверь и завонять привазами въ ней маленькую комнату. Этотъ колокольчикъ будилъ сильную жизнь. Мрачный хозяинъ, молодой Грекъ, довольно пожилой, сухощавый и въ добавокъ хромой, вылазалъ изъ соседней каморки, и ковчегъ подходилъ къ покупателю. Два шкапика съ пряниками и нѣсколько связокъ обварныхъ кренделей, висѣвшихъ по разнымъ угламъ, составляли весь товаръ лавочки. Мрачный хозяинъ былъ неразговорчивъ, никогда не жаловался, но его грустный видъ, сухое, пожелтѣлое лицо высказывали достаточно простую исторію его жизни. Конечно, нужда, и только нужда, заставляла его держаться въ страшномъ мѣстѣ, гдѣ могъ онъ накинуть лишнюю копѣйку на свой грошовый товаръ. Но это именно была одна копѣйка, не болѣе. Онъ продавалъ свои крендели въ высшей степени добросовѣстно: самыя лучшія, называемыя сахарными, стояли 25 коп. фунтъ, что мы платили за нихъ потомъ въ Бахчисараѣ. Пряники были по 10 копѣекъ штука: опять бахчисарайская цѣна. Вспомните только, что въ Бахчисараѣ не было никакихъ бомбъ и выстрѣловъ.

Еще довольно долго держались на Екатерининской улицѣ маленькіе столики съ сигарами, спичками и табакомъ, который насыпался всегда кучей и не былъ ничѣмъ покрытъ. Это такъ дѣлается во многихъ городахъ Крыма и Новороссіи.

Столики эти помѣщались обыкновенно на тротуарахъ, болѣею частію противъ какихъ-нибудь лавокъ. Всѣхъ ихъ было по улицѣ до десяти.

Когда я возвращался къ священникамъ, мы тотчасъ садилась за чай. Разговоры наши были, какъ и всѣ тогдашніе разговоры, перечнемъ дневныхъ событій и потерь. «Ну что Лавровъ?» «Убить... Къ Аннѣ Ивановнѣ попалъ въ погребъ бомба!» Вотъ въ такомъ родѣ.хлопоты о чаѣ, о ророномъ

вареньѣ, которое доставалъ гдѣ-то отецъ Антоній, служили мелкими, живыми вариціями въ длинной похоронной аріи...

Май приходилъ къ концу. Пелиссье рѣшился перенести главную атаку на правый флангъ (нашъ лѣвый.) Впрочемъ, это была мысль новаго начальника инженеровъ, генерала Ниеля ¹⁾. Малаховъ курганъ сдѣлался пунктомъ, на которомъ сосредоточивается съ этой минуты вниманіе осаждающихъ.

Но впереди его и сосѣднихъ ему бастионовъ шла цѣлая линия пашихъ верковъ: Камчатскій люнетъ, или какъ чаще его называли, Камчатскій редутъ ²⁾, попросту Камчатка; вправо 6 большихъ ложементовъ, изъ которыхъ въ каждомъ могло помѣщаться отъ 40-ка до 60-ти человекъ. Иногда, по ночамъ, высылали въ нихъ небольшія команды матросовъ, съ двумя горными единорогами, подъ начальствомъ одного офицера, вслѣдствіе чего непріятель считалъ эти ложементы вооруженными верками. Влѣво отъ Камчатскаго редута находилась редуты: Селенгинскій, Волынский и Забалканская батарея.

Союзники рѣшились овладѣть всей этой линіей вдругъ.

Силы атакующихъ были въ то время весьма значительны. Французская армія, заключающая въ себѣ до 80-ти тысячъ человекъ, получила подкрѣпленіе въ 30 тысячъ. Въ началѣ марта прибылъ Омеръ-Паша, съ 20 тысячами Турокъ ³⁾, а

¹⁾ Онъ прибылъ въ первый разъ въ Камышь въ половинѣ января (1855) и черезъ три недѣли опять отозванъ во Францію. Но добравъ до Константинополя, получилъ приказаніе воротиться снова въ Крымъ и прибылъ вторично въ Камышь 11/22 февраля, 1855.

²⁾ Получилъ названіе отъ Камчатскаго поля, который строилъ этотъ редутъ.

³⁾ Турки были и до этого времени, въ числѣ тысячъ около 8-ми.

въ апрѣлѣ высадился въ Камышѣ Пиемонтцы, прибывая различными отрядами и составивъ наконецъ армію въ 15 тысячъ. Англійская армія имѣла тогда около 20 тысячъ человекъ, такъ что всего у союзниковъ подъ Севастополемъ оказалось болѣе полутора ста тысячъ человекъ ¹⁾.

Главнокомандующій французской арміи собралъ совѣтъ изъ генераловъ: Боске, Ниеля, Тири, Лебёфа, Бёрё, Далёма, Фроссара, Мартемпре и Трошию.

Со стороны Англичанъ были генералы: сэръ Гарри Джонсъ, Дакресъ, Эри (Airey) и полковникъ Эди (Aduy).

Рѣшено было, что Французы атакуютъ редуты: Волыинскій, Селенгинскій и Камчатскій ²⁾ и Англичане — ложементы противъ 3-го бастиона ³⁾. X

День атаки избравъ 26 мая (7 іюня): Осталось опредѣлить часъ. Нѣкоторые предлагали вести атаку утромъ, на зарѣ, дабы наканунѣ, въ ночь, приготовить и расположить войскъ, подъ прикрытіемъ темноты. Генералъ Пеліссье считалъ за лучшее напасть вечеромъ, передъ закатомъ солнца, чтобы, какъ онъ выражался, «рассвѣло подраться и тотчасъ потомъ утвердиться на занятыхъ укрѣпленіяхъ».

Это и было принято. Распоряженіе атакой предоставлено генералу Боске.

Онъ назначилъ въ дѣло 2-ю, 3-ю, 4-ю и 5-ю дивизіи 2-го корпуса, что составитъ около 40 тысячъ человекъ ⁴⁾.

25 мая (6 іюня) непріятель открылъ бомбардировку противъ лѣваго нашего фланга. Это была первая бомбардировка,

¹⁾ Составъ, какой приняли союзныя арміи со дня назначенія Пеліссье главнокомандующимъ, можно видѣть въ особоприложенномъ спискѣ.

²⁾ У Французевъ: Ouvrages blancs и Mamelon Vert.

³⁾ У Французевъ: Des Carrières.

⁴⁾ Вообще численность дивизій и полковъ читатель можетъ вывести изъ приложенному въ концѣ списку союзныхъ армій.

которую я видѣлъ, и потому я опишу ее читателямъ, дабы познакомить ихъ со зрѣлищемъ этого рода.

25 мая, въ 4-мъ часу дня, я возвращался изъ лагеря на фрегатъ. За бухтой, по отлогимъ холмамъ Корабельной, кое-гдѣ, въ разныхъ пунктахъ, появлялись бѣлые, наклоненные въ одну сторону столбы дыма. Это были обыкновенные осадные и отвѣчающіе имъ выстрѣлы, которые мы привыкли видѣть всякій день и безъ которыхъ трудно было вообразить Севастопольскіе холмы. Въ Англійскихъ и Французскихъ иллюстраціяхъ иногда мастерски схватывали очертаніе нашихъ осажденных горъ съ ихъ вѣчными столбами.

Я бѣжалъ и глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ гремѣли выстрѣлы. Вдругъ, по всему лѣвому флангу, открылась общая канонада. Известные косвенные столбы дыму протянулись наъ конца въ конецъ, отъ Волынскаго редута до 4-го бастиона. Мѣстами они сливались въ непрокипаемый туманъ, который покрывала все: батареи, горы, зданія, но вдругъ, тутъ же, на фонѣ этого тумана, закрутится бѣлое облако, подобно быстро-развернувшемуся парусу, и долго плыветъ густымъ, неразвѣваемымъ шаромъ. Вотъ снова одинъ дынный туманъ. Онъ собирается въ одной точкѣ, а по сторонамъ пошла опять наклоняться бѣлые и сѣрые столбы. Сверкаютъ едва замѣтные огоньки; гремятъ и перекатываются выстрѣлы, взвизгиваютъ ядра и по среди этихъ однообразныхъ взвизговъ, рокочетъ своимъ известнымъ рокотомъ бомба... Ударилась, подымаетъ коричневую пыль, которая замѣтно отдѣляется отъ дыма; еще минута — и земля фонтаномъ брызжетъ вверхъ и потомъ раздается глухой взрывъ: бомба лопнула... временами слышится плескъ ядра въ воду, или басистое пѣніе осколка. А тамъ опять перекаты обыкновенныхъ выстрѣловъ и тотъ же дымъ столбами, или въ видѣ тумана.

Наши верки сильно терпѣли отъ этого огня. Въ редуты Во-

лынскій и Селенгинскій падало отъ 10 до 15 бомбъ разомъ. Бруствера пронизывало ядрами насквозь. Эти два укрѣпленія, отнесенныя далеко въ сторону, и отрѣзанныя отъ другихъ бастіоновъ широкой балкой, смотрѣли какой-то жертвой, брошенной въ огненную пасть. Ихъ прозвали «отроками въ пещи». Никому столько не доставалось, какъ «отрокамъ». Если 1-й и 2-й бастіоны, или вообще какая-нибудь батарея лѣваго фланга усиливала огонь, то непріятель не отвѣчалъ этой батарее, а начиналъ громить сильнѣе «отроковъ».

На всемъ лѣвомъ флангѣ мы имѣли потери убитыми и ранеными болѣе 500 человекъ въ сутки. Почти половина войскъ, находившихся въ Корабельной, занята была уборкою раненыхъ, которыхъ относили, черезъ горы и овраги, въ Доковую балку, на перевалочный пунктъ, причемъ на одного раненаго назначалось обыкновенно 4 носильщика. Расстояніе было довольно велико: около 3-хъ верстъ (считая отъ Волинскаго редута) и потому переноска раненныхъ занимала много времени. Самый исправный солдатъ едвали возвращался на свою батарею часа черезъ полтора.

Въ половинѣ слѣдующаго дня (26 мая) на трехъ редутахъ: Камчатскомъ, Волинскомъ и Селенгинскомъ, не было ни одного цѣлаго мерлона ¹⁾. Большая часть орудій были подбиты, или засыпаны ²⁾.

Войскá на атакуемыхъ укрѣпленіяхъ находились слѣдующія :

На редутахъ Волинскомъ и Селенгинскомъ и на Забалканской батарее — Муромскій полкъ (до 1,500 человекъ?)

¹⁾ Часть бруствера или простѣнокъ между орудіями.

²⁾ Всѣхъ орудій на Волинскомъ и Селенгинскомъ редутахъ и на Забалканской батарее было около 40-ка, преимущественно 24-хъ фунтовыхъ пушечныхъ шаровъ.

и морская прислуга у орудій разныхъ экипажей , преимущественно 35-го.

Начальникомъ Волинскаго редута былъ лейтенантъ Кремеръ, а Селенгинскаго лейтенантъ Скарятинъ; обонии вѣстѣ командовалъ капитанъ-лейтенантъ Шестаковъ. Начальникомъ войскъ на всѣхъ трехъ укрѣпленіяхъ былъ генералъ-майоръ Тимофеевъ.

На Камчатскомъ редутѣ: въ передовой траншеѣ стрѣлки 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи, а на самомъ редутѣ — 4-й батальонъ Полтавскаго пѣхотнаго полка (до 200 чел.) ¹⁾.

Орудій на Камчатскомъ редутѣ находилось 26 (на переднемъ фасѣ 14). Начальникомъ редута былъ лейтенантъ Тимирязевъ.

Но Малаховомъ курганѣ, въ минуту атаки, находилась, по увѣренію многихъ очевидцевъ, единственно небольшая команда пластуновъ, человекъ 30 — 40, и кромѣ того морская прислуга у орудій, по 8 человекъ на орудіе. Всѣхъ орудій было около 60-ти ²⁾.

По тревогѣ пришелъ на курганъ одинъ батальонъ Владимірскаго пѣхотнаго полка, а другой сталъ у Рогатки ³⁾. Сзади кургана, у Бѣлостоцкихъ казармъ, и въ другихъ пунктахъ Корабельной, находились матросы 39-го и 44-го экипажей, человекъ 400.

Начальникомъ Малахова кургана былъ капитанъ 1-го ранга Юрковскій. Артиллеріей командовалъ капитанъ 1-го ранга

¹⁾ Репортъ траншей-маіора 4-го отдѣленія, Забалканскаго пѣхотнаго полка капитана Горянова начальнику 3-го и 4-го отдѣленія, отъ 29 мая, 1855, за № 10.

²⁾ Въ такомъ положеніи, въ минуту атаки, курганъ оставался около получаса.

³⁾ Репортъ командира Владимірскаго пѣхотнаго полка полковника барона Дельвига, начальнику 3-го и 4-го отдѣленія, отъ 3 іюня, 1855, за № 1947.

Перелесинъ 1-й. Въ его же распоряженіи состояла также и артиллерія редутовъ: Камчатскаго, Селенгинскаго и Волинскаго, и Забалканской батареи.

Главнымъ начальникомъ войскъ и артиллеріи всего лѣваго фланга былъ генералъ-лейтенантъ Жабокрипкій.

Въ 12 часовъ дня, 26-го мая, онъ занемогъ, и не дождавшись прибытія генерала Хрулева, назначеннаго тотъ же часъ на его мѣсто ¹⁾, уѣхалъ на Сѣверную.

Хрулевъ прибылъ въ Корабельную во 2-мъ половинѣ и потребовалъ диспозицію ²⁾, которую остался не доволенъ, и продиктовалъ другую, никакъ не ожидая, что черезъ два часа съ небольшимъ начнется атака.

Немного позже прибытія Хрулева въ Корабельную, именно въ 4-мъ часу дня, генералъ Боскѣ объѣзжалъ лагери дивизій, назначенныхъ въ бой. Потомъ, собравъ батальоны около себя въ тѣсной массѣ, сказалъ имъ краткую рѣчь.

Въ 4 часа съ половиной колонны двинулись, пользуясь углубленіями Киленбалки и Доковаго оврага ³⁾. Мы долго ихъ не видали.

¹⁾ Генералъ Хрулевъ командовалъ до этого времени правымъ флангомъ, куда взять съ лѣваго, 6 мая, по случаю ожидаемаго штурма съ той стороны.

²⁾ Я не могъ достать этой диспозиціи, но какого рода заведены были тогда дробленія полковъ на лѣвомъ флангѣ, это покажетъ диспозиціи съ 26-го на 27-е мая, которая уцѣлѣла:

На Камчатскій редутъ, въ траншеи: 4 роты Забалканскаго полка, 3 роты Полтавскаго и 4 роты Суздальскаго полка.

На самый редутъ: 2 роты Полтавскаго полка и 4 роты Владимірскаго полка.

На Малаховъ курганъ: 4 роты Забалканскаго полка.

Въ Доковыи оврагъ: 2 роты Полтавскаго полка.

На 2-й бастионъ: 2 роты Полтавскаго полка.

Въ резервѣ: 7 ротъ Полтавскаго полка, 4 роты Владимірскаго полка, 4 роты Суздальскаго полка и стрѣля 1-я бригады 16-й пѣхотной дивизіи.

³⁾ У Французовъ: les ravins du Carénage и de Karabelnaia.

Противъ Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ направилась дивизія Мераца (3-я дивизія 2-го корпуса): справа (отъ нихъ) на Волынской, бригада Лаваранда, и слѣва (отъ нихъ же слѣва) на Селенгинской, бригада Фазъи.

Дивизія Дюлака (4-я дивизія 2-го корпуса) составляла резервъ.

Это было *правое крыло* атакующихъ.

На *левомъ крылѣ* расположились Англичане: отрядъ изъ 2-тъ тысячъ человекъ: 7-й, 23-й, 33-й, 34-й, 47-й, 49-й, 88-й, 90-й линейные полки, и сверхъ того гвардейскій фузелерный, подъ командой полковника Шиллея¹⁾.

Въ *центрѣ* помѣстились 2-я и 5-я французскія дивизіи (2-го корпуса), подъ командой генераловъ Каму и Брюнѣ.

1-я бригада дивизіи Каму (генералъ Вимпфенгъ) — за Камчатскимъ редутомъ, въ ближайшей къ нему паралели, а 2-я бригада (генералъ Вержѣ) за лѣвлымъ флангомъ 1-й, въ Доковой балкѣ. Позади, въ резервъ, стала дивизія Брюнѣ.

Общій резервъ состоялъ изъ турецкой дивизіи Османъ-паши (до 8 тысячъ человекъ) позади редута Викторіи, между Доковой балкой и Килесбалкой.

Въ 5 часовъ вечера, Пеллессе, сопровождаемый генералами: Ніелемъ, Трошю, Мартемпрѣ, Тири, Фроссаромъ, Бёрѣ и всѣмъ своимъ штабомъ, прибылъ на батарею, построенную впереди редута Викторіи.

Боскѣ уже находился на своемъ посту: на Ланкастерской батарее.

Все готово. Сигнальныя ракеты взвились...

Въ одно время съ сигналомъ, который поданъ съ Ланкастерской батареи, нѣсколько кохгревовыхъ ракетъ (около 50) пущено съ Херсонеса изъ трехъ пунктовъ.

1) По Базанкуру: 2-я и легкая дивизіи.

Всѣ они летѣли на Южную сторону, въ городъ.

Я уже говорилъ, что полетъ ракеты очень красивъ. Мы всегда заглядывались на нихъ, заглядывая и теперь. Вслѣдъ за тѣмъ канонада вдругъ перенесена непріятелемъ на нашъ правый флангъ.

Задымнились и загремѣли холмы за линіей южныхъ верковъ.

Генералъ Хрулевъ стоялъ въ дверяхъ своей квартиры, въ Корабельной и курилъ трубку. «Что бы это значило?» спросилъ онъ у окружающихъ его офицеровъ, когда слышались выстрѣлы на Южной. Все обратилось туда...

Въ это время Французы обходили нашъ лѣвый флангъ.

Бригады Лавранда и Фалья окружали редутъ Волинскій и Селенгинскій. Нашихъ въ обояхъ укрѣпленіяхъ и на небольшой Забайканской батарее находилось тогда не болѣе двухъ, или трехъ ротъ. Остальные люди скрывались отъ огня въ ближайшихъ землянкахъ, разсыпанныхъ неподалеку по скату горы и еще въ туннелѣ у Георгіевской балки, гдѣ жила пластуны ¹⁾. Какой отпоръ могла дать эта маленькая кучка въ 10 разъ сильнѣйшему непріятелю? Боя не было вовсе, да вѣроятно его и не предполагали Французы: они шли необыкновенно смѣло, какъ будто къ себѣ на квартиру; офицеры впереди, съ саблями въ рукахъ. Меньше минуты за валомъ сверкали острія, потому что-то загорѣлось и — все было кончено. Генералъ Тимофѣевъ смертельно раненъ ²⁾; капитанъ-лейтенантъ Шестаковъ убитъ ³⁾. Часть нашихъ легла на мѣстѣ, а часть бѣжала къ мостику, перекинутому черезъ Киленбалочную бухту. Французы преслѣдовали ихъ по пятамъ, стрѣляли въ упоръ

¹⁾ Севастополь въ февралѣ, 1855. — Дѣло съ 11-го на 12-е февраля. Стран. 20, прилѣжаніе.

²⁾ Портретъ его и контръ-адмирала Истомина въ Художественномъ Листкѣ, 1855, № 24.

³⁾ Остался, раненный, въ траншеѣ и считается пропавшимъ безъ вѣсти.

на мосту, а иные перебрались даже на другую сторону, подъ 4-й бастионъ.

Въ эту минуту подполковникъ Лару-д'Орьонъ, зашедшій въ Киленбалкъ съ двумя батальонами 61-го и 97-го линейныхъ полковъ, явился на правомъ берегу бухты, и отрезавъ отступление нашихъ войскамъ, оставившимъ редуты, причемъ мы потеряли до 400 человекъ пленныхъ, въ числѣ коихъ было 12 офицеровъ ¹⁾. . . .

Небольшія кучки Французовъ бѣгали по горѣ, подъ редутами Волюнскимъ и Селенгинскимъ и заглядывали въ землянки нашихъ солдатъ, уже распорядясь на этой позиціи точно дома, какъ будто все было кончено, но не все еще было кончено...

Одновременно съ этой атакой, другія колонны Французовъ окружили Камчатку. Это была бригада Вимфена, раздѣлявшаяся на 3 части: справа (отъ нихъ справа) полковникъ Розъ, съ алжирскимъ стрѣлковымъ батальономъ. Слева полковникъ Полдесъ, съ 3-мъ зуавскимъ полкомъ; въ центрѣ полковникъ Брансьонъ, съ 50-мъ линейнымъ.

Полковникъ Розъ быстро занялъ батарею вправо отъ редута (отъ нихъ вправо). Полдесъ ударилъ слева; Брансьонъ пошелъ съ фронта и водрузилъ на парашетѣ знамя Франціи, но тутъ же палъ, пораженный картечью. Его именемъ названъ Камчатскій редутъ.

Мы имѣли двѣ сходящіяся траншеи, которыя соединили Малаховъ съ Камчатскимъ редутомъ. Наши войска отступили по лѣвой траншеѣ (смотри отъ Камчатки на Малаховъ), тогда какъ Французы напирали справа, держась въ другой нашей траншеѣ, и стрѣляя оттуда изъ ружей. Впереди нашихъ былъ

¹⁾ Изъ всего Муромскаго полка (тысячи полторы человекъ) осталось только 17 офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ.

Нахимовъ, веркомъ, какъ водится въ сюртукѣ и въ эполеткахъ¹⁾. Французы стрѣляли преимущественно по немъ, на самомъ короткомъ разстояніи, но часть его еще не пробилъ. Довѣвъ до Рогатки, Нахимовъ старался удержать людей за валомъ, но все это бѣжало, ныряя подъ руки останавливавшихся ихъ офицеровъ. Адмиралу и бывшимъ при немъ ординарцамъ и другимъ морякамъ стоило большихъ усилій собрать нѣсколько народу и открыть съ Рогатки огонь по наступающему неприятелю, который едва-едва не прорвался въ Корабельную.

Все, что я рассказалъ, было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

Генералъ Хрулевъ, получивъ донесеніе о нападеніи, съѣлъ на лошадь и поскакалъ къ Владимірской церкви, гдѣ стояла часть Забалканскаго полка. Онъ велѣлъ ударить тревогу, и увидавъ батарею капитана графа Тышкевича²⁾, далъ ему приказаніе строиться и быть готовымъ. Въ ту же минуту послалъ поручика Охотскаго полка (нынѣ майора) Мольскаго на Южную сторону, за подкрѣпленіемъ, приказавъ вести его на редуты Волинскій и Селенгинскій, а самъ, показавъ Забалканцы строились и шли къ Рогаткѣ, поскакалъ впередъ, на Малаховъ, чтобы окинуть оттуда взглядомъ все поле дѣйствія.

Наши были уже отгѣснены съ Камчатскаго редута. Трудно описать, что происходило между двумя этими курганами³⁾. Французы, сильно пьяные въ этотъ день, бѣжали въ разсыпную къ Малахову, мимо нашихъ, отступавшихъ къ Рогаткѣ. Все перемѣшалось. Уходя и теряя редутъ, мы хватали мно-

¹⁾ Онъ только-что пріѣхалъ осмотрѣть редутъ, и прошелся по двумъ фасаамъ. Лошадь ждала его внизу, у подножія редута.

²⁾ 5-я Легкая 11-й бригады. Прибыла на Корабельную 1-го мая, 1855.

³⁾ Камчатскій редутъ стоялъ на курганѣ, весьма подобномъ Малахову. Разстояніе отъ башни до передоваго фаса Камчатскаго редута было 250 сажень. Отъ Рогатки было нѣсколько далѣе.

жество плѣнныхъ, между тѣмъ какъ тутъ же, въ двухъ шагахъ, брали нашихъ.

Французы, подбѣжавъ къ Малахову, прыгали въ ровъ, насколько не думая о его глубинѣ и надѣясь вѣроятно вскарабкаться на валъ. Но это было совершенно невозможно по высотѣ и крутизнѣ вала. Пластуны съ нѣсколькими солдатами спустились въ ровъ и перекодоли всѣхъ Французовъ, которые туда попали.

Въ эту минуту одна дерзкая и пьяная кучка столпилась впередъ гласисной батареи Малахова кургана¹⁾, какъ-разъ противъ одного орудія, которое только и могло стрѣлять по этому направленію. Въ этой кучкѣ были видны два странные господина, въ свѣтлыхъ пальто и въ бѣлыхъ соломенныхъ шляпахъ. Они подошли къ деревьямъ, наваленнымъ по ту сторону рва, и наведя штуцера, высматривали, въ кого бы выстрѣлять. Въ орудіи, противъ котораго держалась кучка, торчалъ банникъ. Два матроса бросились вытаскивать этотъ банникъ, вытащить-вытащили, но тутъ же оба повалились, одинъ за другимъ, пробитые пулями. « Не умѣютъ, подлецы, заряжать! » сказалъ лейтенантъ Юрьевъ, увидѣвъ, что они упали, и, съ этими словами, схвативъ два картуза картечи, хотѣлъ послать ихъ оба разомъ, одинъ послать, но лишь-только сталъ посылать другой, какъ вдругъ съѣлъ на кучу картечи... думали, что онъ шутитъ; смотреть, а онъ ужё мертвъ: пуля прошла въ самое сердце. Однако зарядъ былъ посланъ; комендоръ²⁾ закричалъ: пли! — И соломенные шляпы завертѣлись...

Въ это самое время Хрулевъ, спустившись съ Малахова

¹⁾ Гласисная батарея получила имя отъ бывшаго тутъ прежде *гласиса*, когда башня еще не была разбита. Впослѣдствіи ровъ передъ гласисомъ засыпалъ и поставили орудія, сдѣлавъ впередъ новый ровъ.

²⁾ У артиллеристовъ: орудійный фейерверкеръ.

траншеей къ Рогаткѣ, повелъ впередъ пришедшихъ изъ Корабельной Забалканцевъ. Все, что отступило съ Камчатки, присоединилось къ нимъ: вслѣдъ за тѣмъ подошелъ батальонъ Суздальцевъ. Французы, тѣснимшіеся къ Малахову, поспѣшно бросились назадъ, къ Камчаткѣ. Наши вошли за ними хвостомъ, и опрокинувъ державшіеся тамъ войска, достигли передовыхъ траншей и въ нихъ остановились.

Непріятель потерялъ въ этомъ отступленіи полковника Леблша и оставилъ въ нашихъ рукахъ 320 человекъ пѣхотныхъ.

Одновременно съ этимъ движеніемъ другіе 2 батальона Забалканцевъ, батальонъ Суздальцевъ и 2 батальона Полтавскаго полка, подъ командой полковника барона Дельвига, направились влѣво отъ Камчатскаго редута.

Едва мы расположились на отбитой позиціи, какъ Хрулевъ получилъ извѣстіе, что редуты Волюшскій и Селегинскій взяты. Онъ хотѣлъ сдать кому-нибудь команду, но все офицеры были перебиты или переранены. Оставался одинъ подполковникъ Венцель. Хрулевъ началъ сообщать ему приказанія, какъ вдругъ подлѣ нихъ разорвалась граната и сильно контузила Венцеля. Онъ упалъ, кровь брызнула изъ лица... Хрулевъ поручилъ командованіе войсками бывшимъ при немъ ординарцамъ, прапорщикамъ Пегребецкому и Сякорскому, первому передовыя траншеи, а второму Камчатскій редутъ; самъ же поскакалъ къ Килебалочной бухтѣ.

Это была минута, когда непріятель гналъ нашихъ черезъ мость, слѣдуя по ихъ пятамъ...

Уже кучки Французовъ перестрѣливались съ матросами 35-го экипажа, засѣвшими въ числѣ 95—100 человекъ за оборонительной стѣнкой, подъ командой лейтенанта Талаева, и больше и больше собирались у моста...

Тогда показался изъ-за 1-го бастіона подполковникъ князь

Урусовъ ¹⁾, съ 3-мъ батальономъ Полтавскаго полка. Натяскомъ своихъ солдатъ онъ продвинулъ на ту сторону столпившихся на мосту и скопченныхъ Муромцевъ (они стрѣляли вверхъ), перешелъ мостъ и взялъ Забалканскую батарею, имѣя въ помощь Полтавцамъ нѣсколько моряковъ и Забалканцевъ. Изъ батальона Полтавцевъ (человѣкъ 500) поднялось вверхъ только 250 человѣкъ ²⁾. Князь Урусовъ былъ въ рядахъ своихъ солдатъ на ворономъ конѣ и въ бѣломъ кителѣ. Онъ тихо подвигался впередъ, окруженный войсками, и ни разу не слѣзъ съ лошади. Но едвали бы онъ удержался одну минуту на отбитой батарее, съ горестью своихъ храбрыхъ солдатъ, если бы слѣдомъ за нимъ не подошли 2 батальона Ериванцевъ, подъ командой подполковника Краевского. Это былъ дѣлѣй полкъ двухъ-батальоннаго состава, 800 человѣкъ всего. Въ 6 часовъ пополудни они были расчисланы на Южной сторонѣ у дома Уптона ³⁾, на работы по второму отдѣленію ⁴⁾, и пошли на 4-й бастионъ, какъ вдругъ были оставлены прискакавшими офицерами отъ имени начальника штаба Севастопольскаго гарнизона, и одинъ батальонъ двинутъ берегомъ къ 1-му бастиону, а другой ко 2-му, но потомъ велѣно генераломъ Хрулевымъ обоимъ батальонамъ идти на 1-й номеръ и спуститься къ Киленбалочной бухтѣ. 1-й батальонъ, зашедшій отъ Ушаковой балки берегомъ, былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, подступившаго къ 1-му бастиону и рассыпаннаго по горѣ, гдѣ находилась Забалканская батарея ⁵⁾.

¹⁾ Тотъ самый, который въ февралѣ командовалъ Греческими волонтерами.

²⁾ Рапортъ Командира Полтавскаго полка подполковника князя Урусова, начальнику 3-го и 4-го отдѣленія, отъ 30-го мая, 1855, за № 810.

³⁾ Нѣкоторые провозносятъ Уптона.

⁴⁾ Четвертый бастионъ съ окружающими его батареями.

⁵⁾ Рапортъ Командира Ериванскаго полка подполковника Краевского на-

Послѣ небольшой перестрѣлки, оба батальона (2-й спускался въ это время съ горы, иноводъ оборонительную казарму) соединившись, ударили на непріятеля въ штыки, опрокинули его за мостъ, прошли насквозь Забалканскую батарею и остановились на половинѣ разстоянія отъ нея до Селенгинскаго реду-та¹⁾. Ериванцы потеряли: убитыми — 20 человекъ нижнихъ чиновъ; ранеными: 2-хъ оберъ-офицеровъ и 2-хъ нижнихъ чиновъ; контуженными: 6 нижнихъ чиновъ и безъ вѣсти пропало 21 в. ч.

Немного прежде появленія Полтавцевъ и Ериванцевъ при-была на Бѣлостокскую площадь батарея графа Тышкевича²⁾, составлявшая единственный артиллерійскій резервъ въ 8 ору-дій; 6 изъ нихъ снялись съ передковъ на самой площади, са-женыхъ въ трехъ стахъ за первую нашу оборонительную ли-ніюю, для встрѣчи непріятеля, если бы онъ прорвался на этомъ пунктѣ. Одинъ взводъ батареи (2 орудія) посланъ былъ Тышкевичемъ впередъ и снялся съ передковъ позади Рогатки, равняясь съ тыльною частію укрѣпленій Малахова кургана.

чалнику 3-го и 4-го отдѣленія, отъ 1-го іюня, 1855, за № 1812. Здѣсь есть небольшое противорѣчіе въ допесеніяхъ этихъ двухъ лицъ: Урусовъ го-воритъ, что Французы не переходили моста, а Краевскій увѣряетъ, что пе-решли. О совѣстномъ дѣйствіи ихъ противъ непріятеля изъ рапортовъ не видно. Я слѣдую замѣчанію генерала Хрулова, который говоритъ, что они не могли никакъ дѣйствовать врознь, или на большомъ промежуткѣ времени.

¹⁾ Гдѣ въ эту минуту былъ Урусовъ, когда Краевскій гналъ Французовъ въ штыки съ моста, — рѣшить трудно. Не нѣтъ показаній никакихъ другихъ свѣдѣній кромѣ этихъ рапортовъ, я оставилъ все такъ, какъ въ нихъ изло-жено. Не были-ли Французы, опрокинутые Краевскимъ, тѣ два батальона, ко-торые явились послѣ съ подполковникомъ Лару-д'Орльономъ? Тогда Урусовъ могъ быть уже на горѣ.

²⁾ Выше сказано, что она стояла на Владимірской площади, гдѣ увидѣлъ ее Хруловъ и велѣлъ Тышкевичу быть готовымъ; а потомъ прислалъ орди-нара съ приказаніемъ двинуться.

Минуть черезъ 10 къ Тышкевичу прибѣжалъ матросъ со 2-го бастіона и объявилъ отъ имени начальника 5-го отдѣленія, что Французы спустились въ большихъ массахъ къ мосту и угрожаютъ 1-му и 2-му бастіонамъ, которые стрѣлять по нимъ не могутъ. Въ то же время прискакалъ ординарецъ отъ генерала Хрулева съ приказаніемъ двинуться къ Килецбалкѣ, и Тышкевичъ, оставя 2 орудія близь Малахова, тронулся рысью съ 6-ю орудіями. черезъ Ушакову балку, сквозь проходъ въ стѣнѣ, влѣво отъ 2-го бастіона и поставивъ орудія на пространствѣ между 2-мъ бастіономъ и Лабораторной батареей, открылъ огонь по непріятельскимъ колоннамъ. Французы тотчасъ отшатнулись отъ моста и застѣли за стѣнкой водопровода, окружавшей берегъ въ нѣкоторой высотѣ отъ самаго краю. Разстоянія до нихъ отъ батарей Тышкевича было, гдѣ 200, а гдѣ 300 сажень. Онъ поражаля ихъ картечью, до прибытія Полтавцевъ съ княземъ Урусовымъ и Ериванцевъ съ Краевскимъ. Непритель бросился въ гору, по направленію къ Забалканской батарее. Тогда Тышкевичъ открылъ стрѣльбу ядрами и гранатами и прекратилъ огонь только по занятіи нами Забалканской батареи. Все дѣйствіе его продолжалось около полутора часа.

Хрулевъ, распорядившійся всеми этими движеніями то на 1-мъ бастіонѣ, то у бухты на мосту, вдругъ узналъ, что Камчатскій редутъ снова занятъ непріателемъ, и поскакалъ туда.

Французы появились тамъ въ большихъ массахъ. 2-я бригада дивизіи Каму (генераль Верже) двинулась изъ траншеи по Доковому оврагу. Въ то же время 1-я бригада дивизіи Брюнэ послѣдила на помощь къ Вимифену, вытѣсненному нами изъ редута и передовыхъ траншей. 2-я бригада той же дивизіи (Брюне) ударила нашимъ съ лѣваго фланга, зайдя отъ Килецбалки — и снова французскій флагъ заколыхался надъ

редутомъ. Наши отступили къ Малахову. Былъ 8-й часъ вечера. Солнце садилось. Поодно было отбивать редутъ вторично. Расчетъ Пелиссье оказался върешъ.

Генералъ Хрулевъ, прибывъ на курганъ, расположилъ у Рогатки отступившіе батальоны и велѣлъ имъ открыть ружейный огонь.

Въ то время, когда все это происходило, Англичане завладѣли нашими ложементами противъ 3-го бастіона. Увидя, что Французы бросились къ Малахову, они, сорвавша имъ, попли на 3-й бастіонъ, но были отражены картечью. Ложементы однакоже остались за ними.

Между тѣмъ поручикъ Мольскій, посланный Хрулевымъ въ началѣ дѣла за подкрѣпленіемъ, пришелъ, уже въ сумерки, съ Кременчугскимъ полкомъ, и перейдя мостъ по трунамъ нашихъ и Французовъ¹⁾, поднялся въ гору къ Забалканской батарее, и поставилъ батальоны на скатѣ развернутымъ фронтомъ. Оба батальона открыли ружейную стрѣльбу, на которую непріятель сперва отвѣчалъ, но потомъ, черезъ часъ, или около того, смолкъ совсѣмъ.

На бугрѣ, передъ редутами, стояла до утра смѣсь разныхъ полковъ, держась немного дальше Забалканской батареи и не зная, сколько непріятеля въ редутахъ. Нѣкоторые смѣльчаки прокрадывались впередъ ползкомъ и воротясь увѣрили, что «его» тамъ самая малость; и что можно бы редуты отбить. Но едвали эти показанія надо принимать серьезно: судя по огню, открытому Французами съ редутовъ въ началѣ, особенно изъ за стѣнки, соединявшей оба верка, должно было полагать, что «его» тамъ вовсе не мало. Вѣроятно потому масса нашихъ, какъ говорили, не имѣла желанія двинуться впередъ. Вскорѣ приказано отступить: одной части войскъ къ оборонительной

.. 1) Слова Мольскаго, подтверждающія донесеніе подполковника Краевскаго.

казармѣ 1-го номера, а другой спуститься на Забалканскую батарею и тамъ остаться.

По прекращеніи дѣйствія, Тышкевичъ пробывъ на позиціи часъ, пока не получилъ приказанія отвезти батарею за Бѣлостоцкую церковь.

Ночью, часу въ 11-мъ, генералъ Хрулевъ потребовалъ Тышкевича къ себѣ, на Малаховъ, и объяснилъ ему, что съ разсвѣтомъ предполагается выбивать непріятеля изъ занятыхъ имъ редутовъ, а какъ орудія тамъ конечно заклепаны, то и разчитывали употребить въ дѣло полевыхъ: 2 поставить на Волинскомъ и Селенгинскомъ, а 6 на Камчатскомъ. 2 орудія, по возвращеніи Тышкевича къ Бѣлостоцкой церкви, были тотчасъ отправлены имъ къ 1-му бастиону, въ распоряженіе начальника 5-го отдѣленія. Въ 5 часовъ утра все измѣнилось: главнокомандующій не приказалъ отбивать редутовъ. 2 орудія воротились съ 1-го бастиона и присоединились къ 6-ти. Черезъ 2 дни батарея передвинута за Бѣлостоцкія казармы и оставалась тамъ запряженною до 6-го іюня.

Все утро слѣдующаго дня Французы стрѣляли по Забалканской батарее. Бомба за бомбой ложилась на бугоръ и ряды прикрытія пустыли.

Къ вечеру 27-го велѣно было оставить и эту батарею, снявъ съ нея орудія, что и было исполнено лейтенантомъ Вульффертомъ съ командой матросовъ. Онъ работалъ отъ 4-хъ часовъ по полудни до 9-ти вечера. Снято было до 7-ми орудій. Мостъ заворотили солдаты Полтавскаго полка. Къ 6-му іюня этотъ мостъ былъ уведенъ ночью на шлюпкахъ офицерами, посланными капитаномъ 1-го ранга (нынѣ контръ-адмираломъ) Бутаковымъ.

Непріятель долго не занималъ Забалканской батареи. Болѣе мѣсяца былъ пустъ этотъ лысый холмикъ. Но редуты Волин-

скій и Селенгинскій были заняты имъ немедленно и валы батарей обращены къ бухтѣ.

Въ слѣдствіе чего наши корабли и другія суда, стоявшіе на рейдѣ, принуждены были переменить мѣста.

Корабль «Императрица Марія» сталъ подлѣ Михайловской батареи, близъ той линіи, гдѣ въ послѣдствіи пролегалъ мостъ. Далѣе оттуда, по направлешию къ Николаевской батарее, помѣстился «Храбрый». Потомъ «Великій князь Константинъ» и «Парияжъ». «Чесма» стала влѣво отъ «Маріи». Еще лѣвѣе помѣстился транспортъ «Березань». Корабль «Ягудинъ» перешелъ сначала въ Южную бухту, но въ него тотъ же вечеръ попала бомба. Онъ передвинулся къ 4-му номеру, простоялъ тамъ около недѣли и потомъ ушелъ къ Павловской батарее. Надлѣво отъ него (у Павловской батареи) сталъ бригъ «Эней», а еще лѣвѣе пароходъ «Владиміръ». Фрегатъ «Кулевчи» сталъ сперва подлѣ Павловскую батарею, но послѣ перешелъ къ Сухой балкѣ, на мѣсто «Ягудина» и простоялъ тамъ до конца. Остальные пароходы: «Одесса», «Эльбурусъ», «Крымъ», «Херсонесъ», «Бессарабія», «Громошвецъ», «Дунай», «Грозный» и «Турокъ» были въ постоянномъ движеніи. Нѣкоторые изъ нихъ занимались перевозкой разныхъ тяжестей и войскъ съ Сѣверной стороны на Южную и обратно.

Такъ какъ первая оборонительная линія между 2-мъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ сильно пострадала и всегда считалась слабымъ пунктомъ, а потому, еще передъ 26-мъ мая, начали говорить объ устройствѣ небольшихъ эполементовъ, по одному на каждое полевое орудіе. 27-го числа мая приступили къ работамъ. Сперва сложены наскоро дугообразныя эполементы, въ 4 фута высоты, изъ каменьева, взятыхъ на развалинахъ ближайшихъ зданій, и даже не обсыпаны землей. За этими эполементами стала 5-я легкая батарея 11-й бригады (Тышкевичъ, 8 орудій). Почти тогда же (дня черезъ

два) потребована, для усиленія обороны, 1-я легкая батарея 16-й бригады, и поставлена на 1-й бастионъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начали строить Парижскую батарею (6-го іюня она дѣйствовала по направленію фасовъ Парижской батареи). Къ 6-му іюня прибыла 5-я легкая 17-й бригады (8 орудій) и расположена правѣ Малахова кургана. Изъ числа этихъ трехъ батарей одна только 5-я легкая 11-й бригады имѣла лошадей. Послѣ 6-го іюня до конца осады прибывали постепенно: 6-я, 7-я и 8-я легкія 12-й бригады и 4-я легкая 17-й бригады (всѣ 8-ми-орудійнаго состава ¹).

Долго мы говорили и разсуждали о послѣдствіяхъ занятія непріятелемъ нашихъ редутовъ. Тяжело было потерять такъ много въ одинъ мигъ...

Дня черезъ два я поѣхалъ въ городъ повидаться съ Цахишвили.

Надо замѣтить, что около этого времени Екатерининская улица постоянно была полна солдатами, которые сидѣли и лежали на тротуарахъ, большею частію въ одиѣхъ рубашкахъ, подлѣ своихъ ружей, составленныхъ въ козлы. Они тутъ же обѣдали, ужинали, спали и играли въ карты. Офицеры ходили между ними, конечно не требуя никакого фронта. Солдатъ ломалъ и не ломалъ шапку по своему усмотрѣнію. Это была одна братская кучка храбрыхъ, всякую минуту готовыхъ лечь одинъ за другаго.

Случалось, что офицеры дѣлали на той же улицѣ расчетъ своимъ людямъ, и тогда солдаты наряжались въ шинели, выстраивались вдоль мостовой, и кругомъ слышались страшные,

¹) О размѣщеніи полевыхъ орудій, какъ въ Корабельной, такъ и на Южной сторонѣ, можно прочесть въ 3-мъ № Артиллерійскаго журнала, за 1856 годъ, стран. 54 — 61. Тамъ сказано, что всѣхъ полевыхъ орудій, въ разное время, поступило въ Севастополь ровно 100.

давно забытые всеми звуки учебной команды. Часть рассчитывали, а другая часть, въ одѣлѣ рубашкаль, клябала на тротуарахъ жи. Скоро и учившіеся присоединились къ командѣ: шивели делой, и все попрежнему, раздольно и свободно, какъ нигдѣ не бывало.

Послѣ взятія редутовъ, солдатъ на Екатерининской улицѣ прибавилось еще больше. Надо знать, что это былъ дальтѣйшій, такъ сказать, второй резервъ бастионовъ, укрытый за стѣнками домовъ, какъ въ болѣе безопасномъ мѣстѣ, нежели гдѣ нибудь подъ батареей. Однакожь было и тутъ.

Я самъ былъ свидѣтелемъ въ тотъ день одного подобнаго происшествія.

Подходя къ дому Нахимова серединой улицы, потому что тротуары были совершенно заняты солдатами и никто по нимъ не ходилъ, — я услышалъ легкой свистъ ядра: оно летѣло изъ-за 6-го бастиона, ударило въ каменный заборъ налѣво и откатилось. Одинъ солдатъ тотчасъ его поднялъ и сталъ разглядывать. «Смотри, не граната ли!» сказалъ я ему. — Нѣтъ, холодное! — отвѣчалъ онъ, очищая съ ядра комья земли и кирпичу.

Между тѣмъ у стѣнки столпилась кучка народу.

«Что, не убило ли кого?»

— Солдата, ваше благородіе!

Я хотѣлъ взглянуть, но покамѣстъ протѣснился сквозь ружья и толпу, убитаго положили на носилки и понесли. Товарищи его рассказали мнѣ, что онъ сидѣлъ и ужиналъ, подлѣ самой стѣпки.

Впослѣдствіи, когда въ улицѣ стало бить несравненно сильнѣе, резервы становились за Николаевской батареей. Тамъ было ихъ послѣднее убѣжище.

Я засталъ адмирала одного, ходящаго по залѣ изъ угла въ уголъ и одѣтаго, какъ водится, въ сюртукъ и эполеты. Онъ былъ мраченъ и не разговорчивъ. На всѣ мои вопросы отвѣчалъ оффиціально и не признался, что на Камчатскомъ редутѣ былъ въ большой опасности.

Ш.

6-е июня. — Павловскій мысокъ и Графская пристань. —
Перемирие для уборки тѣлъ. — Раненъ Тотлебенъ
и Шварцъ. — Смерть Раглана.

Прошло нѣсколько дней. Не видя замѣтнаго вреда отъ занятыхъ у насъ непріятелемъ редутовъ, мы скоро успоковались опять и попрежнему, съ обычнымъ равнодушіемъ, смотрѣли на выстрѣды батарей.

Снова холмы Севастополя представляли тотъ же видъ: вѣчно лежали на нихъ сѣрые столбы дыма. Изрѣдка взвизгивало ядро Сѣвернаго берега, и шипя и затихая, уносилося вдаль. Катера и гички летали, какъ и всегда, взадъ и впередъ по бухтѣ. Казалось, въ Севастополѣ не произошло ничего особеннаго.

Между тѣмъ непріятель, подъ шумокъ, готовился къ новой, болѣе серьезной и рѣшительной атакѣ. Въ чаду успѣховъ все кажется легкимъ. Французы рвались на Малаховъ. Занятіе

его, а за тѣмъ и города, представлялось имъ дѣломъ не стоящимъ большихъ хлопотъ и приготовленій. Даже самъ главнокомандующій французской арміи какъ-будто раздѣлялъ мнѣніе толпы. Напрасно осторожный Ніель совѣтовалъ не спѣшить приступомъ, выставляя на видъ какъ отдаленность ихъ апрошей ¹⁾, такъ и силу нашихъ верховъ, которые сбить совѣтъ едвали было возможно при тѣхъ средствахъ, какими владѣли тогда союзники. Пелиссе рѣшился штурмовать Малаховъ, однакоже и онъ, при всей, повидимому, увѣренности въ успѣхѣ, старался удерживать нетерпѣніе солдатъ, откладывая приступъ къ концу іюня; какъ вдругъ, получивъ предписанія изъ Парижа, уступилъ имъ легко и назначилъ атаку въ день Ватерлооской битвы. Приготовленія пошли очень быстро. Какъ кажется, не было даже форменныхъ военныхъ совѣтовъ. По словамъ Базанкура, « все было рѣшено между тремя главнокомандующими. » Это клонилось къ тому, чтобъ обойти Боскѣ и дать случай отличиться одному гвардейскому генералу, Реньо-де-Сень-Жанъ-д'Анжели, прибывшему отъ императора Французовъ съ разными порученіями ²⁾.

Еслибы собрали совѣтъ, на него надо бы пригласить Боскѣ, и пригласить за тѣмъ, чтобы отправить на Черную рѣчку!

Увѣренность въ успѣхѣ допустила витригу. И знать не хотѣли, что Реньо-де-Сень-Жанъ-д'Анжели — новое лицо, незнакомое съ мѣстностью, а также и со способами веденія войны; лицо, никому неизвѣстное, чуждый, не одушевляющій звукъ, и какъ нарочно такой длинный, чтобъ его не часто произносить.

¹⁾ Само собой разумеется, что при взятіи цѣлой линіи верховъ, траншеи осаждающаго вдругъ стали гораздо дальше отъ атакованнаго фронта. Именно онъ отошелъ тогда на 280 и 300 сажень.

²⁾ Онъ прибылъ въ Камышь $\frac{1}{10}$ мая, 1855.

³/₁₆ июня, Боскё получилъ письмо отъ Пелиссье, гдѣ говорилось о предстоящей атакѣ Малахова кургана и объ избраніи Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели командующимъ атакой; а генералу Боскё было предложено, сдать команду, отправиться на Черную рѣчку, для начальствованія надъ войсками, назначенными идти, въ случаѣ успѣха, частью на Сѣверную сторону, а частью, черезъ Мекензиеву гору, на Бахчисарай. Это послѣднее, кажется, было придумано единственно для того, чтобы удалить Боскё, давъ ему какъ-будто бы и важное порученіе. На самомъ же дѣлѣ Пелиссье вѣроятно и не думалъ двигать войскъ по этому направленію.

Разумѣется, Боскё былъ пораженъ и огорченъ этимъ извѣстіемъ ¹).

Въ тотъ же самый день Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели получилъ слѣдующія инструкціи отъ главнокомандующаго ²):

« Въ воскресенье, ⁵/₁₇ июня, открыть огонь противъ праваго фланга русскихъ укрѣпленій » ³).

« ⁶/₁₈, въ понедѣльникъ рано утромъ, штурмъ Малахова, съ атакую Большаго Реданжа Англичанами. Если будетъ успѣхъ, то ударить и на Мачтовый и Центральныя бастіоны » ⁴).

¹) Le général Bosquet fut cruellement attristé de cette décision, qui l'éloignait d'un champ de bataille dont il avait depuis tant de mois étudié les moindres détails, et dirigé les attaques. Bazancourt, II. 337. Все это показываетъ, что если и были совѣты, то Боскё на нихъ не присутствовалъ.

²) Здѣсь представлено только извлеченіе, сущность этихъ инструкцій. Кому любопытно видѣть подлинъ, тотъ можетъ взглянуть въ Базанкура, книга II, стран. 338 — 340.

³) Нашъ лѣвый.

⁴) Большой Редантъ — 3-й бастіонъ. Мачтовый и Центральныя бастіоны — 4-й и 5-й. Названіе Мачтоваго 4-й бастіонъ получилъ отъ флагштова.

« Вася назначаю я командующим атакой, а генералъ Боскè приметъ начальство надъ войсками на Черной рѣчкѣ, гдѣ сформированъ корпусъ Французовъ въ 25 тысячъ человекъ, для поддержанія операций сардинской и турецкой армій, кои, на канунѣ штурма, двинутся къ селенію Ан-Тодоръ. »

« Войскà Черной рѣчки составятся изъ 1-й, 2-й и 4-й дивизій 2-го корпуса, и 1-й дивизіи резервнаго корпуса; изъ всей кавалеріи Морриса и д'Алловиля; изъ бригады Фортона и 4-хъ конныхъ батарей резерва. »

« Войскà же, назначенныя подъ ваше начальство, будутъ слѣдующія: 1-я дивизія 1-го корпуса (генералъ д'Отмаръ); 3-я дивизія 2-го корпуса (генералъ Меранъ); 5-я дивизія 2-го корпуса (генералъ Брюнè) и гвардейская дивизія генерала Маллине. »

« Чтò до войскъ, кои будутъ подъ начальствомъ генерала де-Салля, для атаки лѣваго фланга, онѣ составятся изъ 2-й, 3-й и 4-й дивизій 1-го корпуса и 2-й дивизіи резервнаго корпуса. »

« Завтра, $\frac{4}{16}$ іюня, въ два часа по полудни, вы примете отъ генерала Боскè командованіе войсками, и помѣститесь въ главной квартирѣ 2-го корпуса. »

Получа эти инструкціи, Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжела отправился ту же минуту ($\frac{3}{16}$ іюня, вечеромъ) къ Боскè и сообщилъ ему обо всемъ « *comprenant, sans nul doute, говорить Бавакуръ, — le sentiment, qui devait être au fond du coeur du général* » ¹⁾).

который казался неприятелю похожимъ на шашку. Поваленный флагъ-штокъ можно видѣть въ Севастопольскомъ Альбомѣ, рисунокъ 37-й.

¹⁾ «Понимая, безъ всякаго сомнѣнія, чувства, которыя таялись въ глубинѣ души генерала».

На другой день отец принял отъ Боске команду и поехал по линиямъ предполагавшейся атаки, въ сопровожденіи генераловъ Фроссара и Берё, а Боске отправился на Федиюны горы и пребралъ по всей арміи и войскамъ союзниковъ. Сардинцы стояли въ это время у Чоргуна, а Турки занимали соседніе мѣста.

5 іюня, утромъ, закурилась холмы лѣваго фланга. Канонада продолжалась дѣлный день.

Въ 7 часовъ вечера собрался совѣтъ у главнокомандующаго французской арміи, изъ генераловъ: Ніеля, Тьри, Берё, Далёма, Фроссара, Мерапа, Брюлэ, Реньо-де-Сень-Жакъ-д'Анжели и д'Отмара. Кромѣ того былъ англійскій инженеръ-генералъ сэръ Гарри Джонсъ.

Доселѣ предполагали начать атаку на разсвѣтъ, но теперь было рѣшено начать ее въ 3 часа утра, еще до разсвѣта, чтобы непріятель не замѣтилъ движенія въ траншеяхъ.

Эта незначительная перемена имѣла также вліяніе на ходъ дѣла. Пришлось измѣнить многое во всемъ планѣ. Размѣщеніе войскъ въ назначенные прежде часы оказалось уже неудобнымъ. Должно было все подвинуть назадъ и это сдѣлано очень спѣшно.

Касательно сигнала рѣшили, что его подастъ самъ Пелиссье съ Ланкастерской батареи ракетой со звѣздками.

И въ этомъ, повидному, самомъ послѣднемъ и ничтожномъ распоряженіи крылась своя доля неудачи, какъ увѣряютъ по крайней мѣрѣ всѣ Французы, писавшіе объ этомъ днѣ.

Когда смерклоось, французскія дивизіи, назначенныя въ атаку противъ нашего лѣваго фланга, заняли слѣдующія мѣста:

Генералъ Мерапъ спустился въ Кленбалку, расположивъ

1-ю свою бригаду впереди, для атаки 1-го бастиона ¹⁾, а 2-ю бригаду поодаль, для атаки 2-го бастиона ²⁾)

По требованію Мерана 1-й полкъ гвардейскихъ волтижеровъ присоединился къ нему какъ резервъ.

1-я бригада дивизіи Брюнè помѣстилась въ передовой траншеѣ и вправо отъ Камчатскаго редута, а другая въ задней паралели.

Генераль д'Отмаръ, двинувшись Доковымъ оврагомъ, расположилъ одну свою бригаду въ передовой траншеѣ и влѣво отъ Камчатки, а другую въ задней паралели.

Сверхъ того за Камчатскимъ редутомъ поставлены двѣ конныя батареи, которыя, въ случаѣ успѣха, должны были скакать на занятія войсками позиціи.

Англичане, въ числѣ двухъ дивизій, подъ командой генераль-лейтенанта Броуна, засѣли въ передовыхъ своихъ траншеяхъ противъ 3-го бастиона и Перевышки.

Въ то самое время, когда происходило это размѣщеніе войскъ, непріятельскіе корабли, приближаясь къ городу, открыли огонь, пуская залпами бомбы и гранаты, отъ 20-ти до 30-ти разомъ. Я помню, только-что легъ спать, какъ вдругъ былъ разбуженъ однимъ изъ этихъ залповъ. Это былъ едвали не самый страшный залпъ, какой я только слышалъ, потому-что ни прежде, ни послѣ, я никогда не просыпался отъ выстрѣловъ, даже въ послѣднюю бомбардировку. Услышавъ этотъ необычайный громъ и трескъ, я вскочилъ съ койки, наскоро одѣлся и вбѣжалъ на верхнюю палубу. Тамъ уже стоялось нѣсколько ошцеровъ. Всѣ глядѣли въ сторону Севастополя, въ эту черную ночь, исчерченную огненными дугами бомбъ. Немного погодя грянулъ новый залпъ съ одного изъ непріа-

¹⁾ У Французовъ: Batterie de la Pointe.

²⁾ Petit Redan.

тельскихъ кораблей — бомбы поднялись вѣромъ и полетѣли довольно тихо въ городъ, такъ что я могъ ихъ считать и насчитать 22. Иныя ложились вверху, другія ложились въ улицы. Городъ загорѣлся въ пяти мѣстахъ. Больше всего пламя распространилось въ Артиллерійской слободѣ, гдѣ въ одномъ мѣстѣ лежали у насъ чиненныя бомбы, и вдругъ все это стало подниматься на воздухъ съ грохотомъ и трескомъ. Говорятъ, взлетѣло бомбъ до 500-тъ. Пламя освѣщало улицы и намъ было видно толпы солдатъ, бѣгущія отъ своихъ бомбъ.

Не могу выразить, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ, грустно-безмявно смотрѣли мы на горящій Севастополь, представленный произволу пламени. Такъ-какъ непріатель обыкновенно сосредоточивалъ на пожарахъ выстрѣлы многихъ батарей, то и было запрещено тушить. Люди были дороже и нужнѣ зданій, и безъ того обреченныхъ на жертву. Разумѣется, пожаровъ не тушили и на этотъ разъ. Пламя лилось свободно, но скорѣ стало уменьшаться и тухнуть. Я до сихъ поръ не могу познать нашихъ Севастопольскихъ пожаровъ. Впослѣдствіи городъ загорался не разъ, пожаровъ не тушили, но они не распространялись и умирали сами собой.

Нечего и говорить, что въ эту минуту у насъ на батареяхъ бодрствовало все. Войска, назначенныя на исправленіе поврежденій, находились въ самой усиленной дѣятельности. Сбитыя во время дня передовыя орудія Малахова кургана были поставлены вновь, частію Владимірцами, при помощи прислуги тѣхъ орудій, а частію смѣнившими ихъ послѣ Сѣвцами. Мерловы были очищены. Бруствера смотрѣли свѣжо, какъ будто и не видали огня. Здѣсь кстати замѣтить однажды навсегда, что всѣ подобныя работы производились на батареяхъ съ баснословной энергіей и расторопностью. Это стоило любаго боя и приступа. Здѣсь не было и помысла объ отступленіи: люди ложились подъ выстрѣлами непріателя, который

всегда усиливалъ огонь противъ того пункта, гдѣ замѣчалъ поврежденіе Ядра сыпались и часто срывали мерлопы вплоть до земли, а между тѣмъ стоявшіе сзади рабочіе не задумывались ни минуты смѣнять своихъ падающихъ товарищей, засыпаемыхъ землей и всякими осколками. Сколько тутъ скрылось героевъ, которыхъ именъ не будетъ знать никто...

Въ эти самые дни, когда насъ такъ громила, мнѣ случилось читать въ библіотекѣ, описанной мною выше, замѣчанія непрітелей по поводу нашихъ работъ на батареяхъ: «Русскимъ, говорили они, нельзя давать не только ночи отдыха, но даже ни одного часу. Если хотите имѣть успѣхъ, надо бомбардировать ихъ батареи самымъ усиленнымъ образомъ въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ, не умолкая ни на одну минуту, и потомъ сейчасъ идти на приступъ.»

Эти замѣчанія непрітель осуществилъ на дѣлѣ въ штурмъ 27 августа.

Воротимся на бастионы передъ 6-мъ іюня.

Войска, составлявшія тогда прикрытіе 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій ¹⁾, были слѣдующія:

На 3-мъ отдѣленіи стояли полки: Охотскій и Камчатскій егерскіе, Брянскій егерскій и сводный Минско-Волыинскій резервный батальонъ.

На батареѣ Жерве — батальонъ Полтавскаго полка (350 ч.) ²⁾.

На Малаховомъ курганѣ: на переднемъ фасѣ: 3 батальона Сѣвскаго и Полтавскаго полковъ; остальные батальоны этихъ полковъ частію занимали другіе фасы, частію стояли въ блж-

¹⁾ По взятіи у насъ редутовъ 26 мая, 4-е отдѣленіе, т. е. батарея Жерве, Малаховъ курганъ, Рогатка и бастионы 1-й и 2-й, разбито на двѣ части. Бастионы 1-й и 2-й составили 3-е отдѣленіе.

²⁾ Рапортъ батальоннаго командира, капитана Борна начальнику 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій, отъ 8 іюня, 1855, № 10.

жайшемъ резервъ: 2 батальона Забалканскаго полка расположены были на оконечностяхъ заднихъ фасовъ ¹⁾).

Отъ кургана влѣво до Рогатки стоялъ батальонъ Полтавскаго полка. Къ нему, по тревогѣ, подошли стрѣлки съ наръвными ружьями и штуцерные отъ Якутскаго и Селенгинскаго полковъ.

Отъ Рогатки до 2-го бастиона — Суздальскій полкъ, служившій, частью, ближайшимъ резервомъ 2-му бастиону.

На 2-мъ бастионѣ 2 — 3 батальона Забалканскаго полка.

На Лабораторномъ дворѣ, по стѣнкѣ, двѣ сводныя роты Селенгинскаго полка (?) и двѣ роты того же полка въ резервъ, въ ротныхъ колоннахъ.

На Парижской батарее, вплоть до 1-го бастиона, 2¹/₂ роты Кременчугскаго полка.

Сзади, между Парижской батареей и промежуточной траншеей, стоялъ батальонъ того же полка, т. е. Кременчугскаго, въ ротныхъ колоннахъ. Другой батальонъ того же полка былъ расположенъ отъ западной стѣны оборонительной казармы до Ушаковой балки, въ ротныхъ колоннахъ къ атакѣ, дабы оказать помощь направо, или налево, смотря по надобности.

На 1-мъ бастионѣ — 1¹/₂ роты Кременчугскаго полка. Въ траншеѣ, отъ 1-го бастиона до бухты — батальонъ того же полка ²⁾).

¹⁾ Репортъ генералъ-майора Юферова начальнику 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій. (Ни числа, ни номера не имѣеть).

Я слышалъ отъ Перелешина 1-го, тогдашняго начальника артиллеріи Малахова, что на некоторое время появилась на курганѣ какая-то часть Владимирскаго полка и чинила поврежденія (я упоминаю объ этомъ выше), но потомъ Владимирцы отправлены на 5-е отдѣленіе.

²⁾ Свѣдѣнія о размѣщеніи войскъ на 5-мъ отдѣленіи получены мною отъ тогдашняго начальника отдѣленія, капитана 1-го ранга Перелешина 2-го.

Въ резервъ, за стѣнками домовъ Корабельной слободки помѣщались полки: Селенгинскій (имѣвшій тогда 2-хъ батальонный составъ, всего до 1,200 ч.) съ генералъ-майоромъ Сабашинскимъ, и Якутскій, того же состава, съ генералъ-лейтенантомъ Павловымъ. Эти полки, по тревогѣ, должны были тронуться къ Бѣлостенной цѣркви.

Кромѣ того, изъ артельщиковъ, патронщиковъ и кашеваровъ сформировался батальонъ у Владивирской цѣркви, который, по тревогѣ, также долженъ былъ идти къ Бѣлостенной цѣркви.

Орудій на лѣвомъ флангѣ было около 260-ти, а именно:

На 3-мъ отдѣленіи до 100.

На 4-мъ до 75.

На 5-мъ до 80, въ слѣдующемъ порядкѣ:

На промежуточной батарее, у Рогатки: 8 орудій, (большую частью 24-хъ фунтового калибра).

Подлѣ 2-го бастиона, справа, мортирная батарея (до 8-ми мортиръ большаго и малаго калибра).

На 2-мъ бастионѣ, отъ 24 до 26 орудій (18-ти, 24-хъ и 36-ти-фунтовыхъ и бомбическихъ) кромѣ того 2 единорога и 2 полевыхъ орудія на барбетахъ.

На Парижской батарее, еще не имѣвшей готовой, на барбетахъ, полевая артиллерія подполковника Дементьева — 6 орудій (1-я легкая 16-й бригады).

Въ оборонительной казармѣ около 12 полупудовыхъ единороговъ.

Отъ оборонительной казармы до 1-го бастиона — 3 пушкарронады (въ штурмъ 6 июня не дѣйствовали, а на этомъ мѣстѣ поставлены были стрѣлки).

На 1-мъ бастионѣ до 14-ти орудій (24-хъ и 36-ти фунтовыхъ).

Въ траншеѣ отъ 1-го бастиона до Килебалки — 2-горные единорога и одна пушка шаровая 12-ти фунтоваго калибра.

Изъ всѣхъ орудій 8-го отдѣленія подбито наканунѣ штурма, днемъ, до 20-ти; но къ утру, на 6-е, все исправлено, какъ и на другихъ отдѣленіяхъ.

Всѣ приведенныя диспозиціи принадлежали начальнику лѣваго фланга генераль-лейтенанту Хрулеву.

Нечего прибавлять, что Хрулева всѣ любили, слушались съ охотой и знали въ лицо. Это послѣднее весьма важно въ минуту боя.

Во время осады онъ командовалъ нѣсколько разъ то однимъ, то другимъ флангомъ. Его посылали туда, гдѣ предвидѣлось что-либо серьезное. Это одно есть уже его похвальный аттестатъ.

Во второмъ половинѣ ночи (съ 5-го на 6-е іюня) французскія войска были на мѣстахъ.

Меранъ послалъ своего ординарца, капитана Делонэ къ Килебалочной бухтѣ. Онъ подѣлалъ верхомъ (?) очень смѣло, но былъ тотчасъ замѣченъ цѣпью и секретами 2-го бастиона. Въ то же самое время усмотрѣно движеніе въ неприятельскихъ траншеяхъ — и у насъ (на 5-мъ отдѣленіи) ударили тревогу. Это обстоятельство спасло Хрулева. Онъ лежалъ въ оборонительной казармѣ 1-го бастиона, на желѣзной кровати начальника отдѣленія Перелешина. Услыхавъ тревогу, Хрулевъ вскочилъ и бросился на Малаховъ, какъ самый важный пунктъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ окно казармы влетѣла бомба и легла на ту самую кровать, которую генераль только-что оставилъ.

На Малаховомъ появленіе его также было нужно. Незадолго передъ тѣмъ пришло на курганъ приказаніе генерала Тотлебена снять сколько можно орудій съ правой стороны гласиса и, присыпавъ барбетъ, поставить полевые. Для этого назн

шли на работу 2 батальона Забайканского полка, под командой инженер-поручика Ленчевского. Огонь неприятеля былъ очень силенъ. Оба батальона, среди ночи, разбѣжались, бросивъ работу. Ленчевскій не зналъ что дѣлать и къ кому обратиться. Начальникомъ кургана былъ на ту пору одинъ весьма неспособный генералъ, смѣнившій прежняго начальника, капитана 1-го ранга Юрковскаго, раненаго въ 11 часовъ дня (5 июня). Къ счастью, въ эту минуту, явился Хрулевъ: Ленчевскій доложилъ ему обо всемъ. Хрулевъ отправился лично къ Блаостоцкой церкви, противъ которой возводили тогда насыпь для постановки полевыхъ орудій; работалъ саперный подпоручикъ Нодреевъ съ 2-мъ батальономъ Стѣвскаго полка. Хрулевъ взялъ одинъ изъ нихъ и привелъ на курганъ. Забайканецъ также собралъ, и работа опять закипѣла. Къ разсвѣту были сняты 2 орудія, насыпаны ихъ амбразуры, на валгангъ подсыпанъ барбетъ и на него поставлены 2 полевыхъ орудія ¹⁾, оказавшія большую пользу при штурмѣ ²⁾. Начальникомъ войскъ на отлѣненіи назначенъ молодой и расторопный генералъ-майоръ Юферовъ.

Въ 3 часа безъ 10 минутъ съ Камчатскаго редута поднялась особенная бомба, которая показала Мерану сигналъ къ атакѣ ³⁾. Напрасно адъютанты увѣряли его, что это не

¹⁾ Верно было привезти изъ города 4 полевыхъ орудія, но привезли только 2, вследствие поврежденія Южнаго моста. Привезшаго ихъ поручика все-таки приказано посадить на гауптвахту, но это замѣнено 10-ти дневнымъ пребываніемъ на курганѣ.

²⁾ Вслѣдствіи на этомъ пунктѣ возведено еще 2 барбета и поставлено 2 полевыхъ орудія, которыя вмѣстѣ съ прежними 2-мя удержались тамъ до конца осады.

³⁾ *Bombe à trace fusante.* — Такъ пишутъ Французы, но мѣъ сказывалъ Перелешинъ 1-й, что передъ штурмомъ съ Камчатскаго редута взлетѣла ракета со звѣздами, чрезвычайно красивая, которую онъ видѣлъ собственными глазами и долго на нее любовался. Въ эту минуту на 5-мъ отлѣненіи захо-

сигналь. Меранъ сказалъ рѣшительно: «нѣтъ, это сигналь! во всякомъ случаѣ лучше быть впередъ, чѣмъ сзади!»

И онъ двинулъ свои колонны, пославъ приказаніе генералу Фалье, стоявшему нѣсколько далѣе въ балкѣ, чтобы и онъ велъ свою бригаду.

Французы бросились съѣло и лѣво, но 1-й и 2-й бастионы осыпали ихъ картечью.

Внигъ по всему флангу загремѣли барабаны. Наши резервы строились и шли къ назначеннымъ мѣстамъ. Бухта проснулась мгновенно. Пароходы: Владивиръ, Одесса, Херсонесъ, Громовосаць и Крымъ открыли стрѣльбу. Звонко раздавались ихъ особенные выстрѣлы, плеща отголоскомъ по водѣ, какъ бы надъ самымъ ухомъ. Сотни, тысячи бомбъ зачертили по небу.

Легко теперь писать объ этомъ днѣ, когда все кончилось удачно. Но еслибъ знали, какъ страшно было намъ въ ту минуту за Севастополь. Недавніе успѣхи непріятеля на редутахъ поселяли въ насъ естественное опасеніе. Я помню, что послѣ 3-го, или 4-го залпа съ кораблей, я опять спустился въ каюту, раздѣлся и легъ; но едва сталъ засыпать, какъ вдругъ ко мнѣ вбѣжалъ вахтенный офицеръ, съ словами: «вставайте, наступленіе!» Я одѣлся и бросился на верхъ. По дорогѣ, на кубрикѣ, я остановился неволью: вижу, какъ теперь, стоитъ матросъ на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя нашей церкви;

рѣлась перестрѣлка. Обернувшись назадъ, Перелешинъ увидѣлъ линію огней (мала Мерана). Потомъ, какъ онъ говоритъ, минуту черезъ 5, или немного болѣе, началась всеобщая атака. Второго сигнала онъ не видалъ, но кажется, сигналь этотъ действительно былъ. На сколько виновать Меранъ, рѣшить покажется трудно. Во всякъ случаѣ, къ сожалѣнію, существуетъ неизлечимая привычка свалывать всѣ неудачи на мертвыхъ. Такъ и тутъ все свалили на Мерана, храбраго и достойнаго генерала, который палъ въ этомъ штурмѣ впередъ своихъ солдатъ, пораженный въ грудь картечью. Трудно также сказать, какой существенный вредъ атака принесла преждевременное движеніе Мерана, за 5 минутъ до движенія остальныхъ массъ, да и принесло-ли...

и молится вслух: «Достоин и праведно есть поклоняться Отцу, и Сыну, и Святому Духу.» Невозможно забыть этой минуты. Сколько ни хотелось мне быть скорбе на верху, но я остановился и въ сѣдѣ за матросомъ прочиталъ его молитву. Когда и вѣбжалъ, палуба на бакѣ была полна народомъ. Первые мгновенія мы смотрѣли въ сторону Малахова кургана съ неизъяснимымъ безпокойствомъ и заммираніемъ сердца, не зная, что тамъ дѣлается. Два раза на курганѣ пылалъ фаш-фейеръ. Равнымъ образомъ толковали мы эти знаки ¹⁾).

Фенъ-де-Сенъ-Жанъ-д'Авжели, находившійся на Ланкастерской батарее, не могъ понять, отъ чего загорѣлась на правомъ крылѣ перестрѣлка. Скоро адъютанты его донесли ему, что это такое. Оставалось дать немедля сигналъ, но онъ не былъ на это уполномоченъ, а главнокомандующій только еще вѣхалъ къ назначенному пункту и въ минуту движенія Мерана былъ оттуда не ближе тысячи метровъ (около нашей версты).

Какъ все это странно и удивительно: главнокомандующій за нѣсколько минутъ до штурма только еще ѣдетъ на свое мѣсто! не показываетъ ли это, до какой степени все дѣлалось у нихъ въ этотъ день небрежно? Или ужъ есть во всемъ что-то неизбежное, роковое, неотвратимыя препятствія, щелчки невидимой руки, что простой человекъ выражаетъ словами: не клеится, не задалось?...

Наконецъ новая великолѣпная ракета озарила небо мелкими, брилліантовыми огнями.

Дивизія д'Отмара двинулась тотчасъ, но дивизія Брюнэ, задержанная мѣстностью, опоздала. Солдаты его не выдержали, бросились вонъ изъ траншеи, а онъ, едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, какъ пуля пробила ему грудь. Неподалеку отъ него

¹⁾ Впоследствии я узналъ, что двойной фаш-фейеръ значилъ въ эту ночь: *требую подкрѣпленія.*

пораженъ въ голову подполковникъ Делабуссипьеръ, командовавшій вою-артиллеріей 5-й дивизіи.

Меранъ также раненъ картечью въ лѣвый локоть, но онъ не оставилъ своего поста и двинулъ резервы.

Прежде всѣхъ подоспѣлъ на помощь 1-й батальонъ гвардейскихъ волтижеровъ, съ полковникомъ Будвиллемъ. Потомъ легкій 20-й, съ подполковникомъ Пользъ-д'Ивуа. Оба они шли впередъ своихъ колоннъ, но скоро оба пали: первый пораженъ нѣсколькими пулями; второму пуля пробила лицо. Потомъ картечь ударила въ грудь самого Мерана — онъ упалъ, солдаты бѣжавшіе.

Главнѣйшій командующій узнаетъ о смерти Брюнэ и Мерана, и даетъ приказаніе Рейно-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели двинуть на помощь правому крылу четыре гвардейскихъ батальона изъ главнаго резерва.

Генералы Меллине и Урикъ ведутъ свои отборные полки, но все опрокинуто и сбито... Три раза атакowałъ непріятель верки 5-го отдѣленія, но всѣ три раза отраженъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ... однако ауавы были въ 30-ти шагахъ отъ бруствера 2-го бастіона ¹⁾).

Нѣкоторый успѣхъ на сторонѣ одного д'Отмара: 5-й стрѣлковый батальонъ (1-й бригады 1-й дивизіи 1-го корпуса), засѣвшій противъ батареи Жерве, подъ командой майора Гарнѣ, выскочилъ изъ траншей и такъ быстро пробѣжалъ пространство, отдѣлявшее его отъ батареи, что она едва успѣла сдѣлать одинъ картечный залпъ. Когда грянулъ второй залпъ, Французы были уже во рву.

¹⁾ Рапортъ начальника войскъ 3-го отдѣленія, свиты Его Величества генералъ-майора князя Урусова 2-го, начальнику 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій, отъ 8 іюня, 1855, за № 89.

Гарнѣ получилъ двѣ раны, но не оставилъ команды. Близъ него раненъ поручикъ Рожеръ, который тутъ же и умеръ. Батальонъ прорвался черезъ батарею, и занялъ домики, рассыпавшы по склоу Малахова кургана, вправо отъ горжи.

Наши (батальонъ Полтавскаго полка, съ прислугой отъ орудій) бѣжали ко 2-й линіи, которая едва была обозначена камушками, не болѣе какъ въ полторы четверти отъ земли. Но великое дѣло въ иномъ случаѣ проведенная черта! Она выросла съ каменную стѣну, была бы только такая минута! Въ эту минуту, ни раньше, ни позже, подскакавъ къ этой стѣнѣ нашъ славный Хрулевъ и увидѣвъ бѣгущія въ безпорядкѣ войска и растрепанныхъ матросовъ, пометавшихъ шапки. Не давъ имъ перебѣжать линіи, Хрулевъ крикнулъ: «ребята, стѣна! стой! дивизія идетъ на помощь!» — Точно какии вѣтромъ пахнули на нихъ эти слова: все остановилось мгновенно передъ мнимой стѣной. Хоть войска и не видали дивизіи, но велико слово «дивизія на помощь!» сконфуженному и бѣгущему солдату и притомъ изъ устъ любимаго вождя, котораго всѣ знали въ лицо! Одинъ матросъ, бѣжавшій прытче другихъ, вдругъ обернулся, проныкнутый уже совсѣмъ инымъ духомъ, и крикнулъ товарищамъ: «ну, ребята, навались!» — Навались, ребята! — повторилъ Хрулевъ, понимая всю силу этого магическаго слова, которое жгло какъ огонь. Все гаркнуло: «навались!» и повернуло назадъ, открывая стрѣльбу изъ ружей по непріятелю, бывшему передъ самымъ носомъ. Глядь, а тутъ Сѣвцы ¹⁾ идутъ мимо съ кургана, съ лопатами въ рукахъ (ружья за спиной). «Ребята, бросай лопаты! впередъ! благодѣтели!» крикнулъ Хрулевъ — и все это ринулось. За Сѣвцами подошли отъ Бѣлостоцкой церкви ²⁾ двѣ роты Ялутцевъ, потомъ

¹⁾ 5-я мушкетерская рота (150 ч.)

²⁾ Бѣлостоцкая церковь была оттуда саженяхъ во ста.

еще двѣ, а наконецъ и батальонъ Елецкаго полка ¹⁾). Имъ уже было легко шествовать по слѣдамъ передоваго «навались», а передовые видѣли свяди помощь, которая имъ казалась дивизіей, общакою Хрулевымъ. Въ это же время подошли изъ города 5-й батальонъ разныхъ полковъ. Но и къ Французамъ прибыло подкрѣпленіе: 19-й линейный полкъ съ полковникомъ Манекомъ, только было уже поздно: все домигъ несокрушимый русскій штыкъ. Мы выбили Французовъ изъ домиковъ ²⁾ кургана и опрокинули за ретраншаменты батареи.

Часть нашихъ войскъ гналась за непрітелемъ почти до его траншей. Съ трудомъ воротили разгоряченныхъ солдатъ. Тогда они стали рядами по всему валу батареи и открыли батальонный огонь изъ ружей; между тѣмъ какъ правый задній флангъ Малахова громилъ непрітеля изъ всѣхъ своихъ орудій картечью.

Горько было Гарнѣ разставаться съ побѣдой. Онъ получилъ четыре раны, но все-таки не оставлялъ своего поста. Увидя подлѣ себя полковника Манека, онъ сказалъ: «не ударить ли намъ еще?» Полковникъ не отвѣчалъ ни слова, но молча выхватилъ саблю и бросился впередъ. Французы подбѣжали къ батарее и едва не вскочили на валъ. Наши опрокинули ихъ штыками. Гарнѣ раненъ въ 5-й разъ и уже не можетъ командовать. Манекъ принялъ отъ него батальонъ. Въ эту минуту подошла гренадеры съ капитаномъ Грамономъ и 26-й линейный полкъ, съ полковникомъ Сорбѣе. Французы рѣшились ударить на батарею еще разъ, но отбиты опять и повернули къ Малахову, гдѣ были ихъ товарищи той же дивизіи;

¹⁾ Репортъ графа Остенъ-Сакена главнокомандующему отъ 6-го іюля, 1855, № 176.

²⁾ Имъ сазывали некоторые, что наши солдаты, не могли выбить ницкъ стрѣлковъ изъ домиковъ, влѣзали на крыши и разбирали ихъ, поражая почти Французовъ сверху чѣмъ попадаю.

однакоже всё эти массы не могли держаться под ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ кургана, и обстрѣливающихся его батарей. Генераль Юферовъ поставилъ людей на банкеты, на траверсы и вообще на всё возвышенныя мѣста, откуда можно было стрѣлять сверху внизъ. Очевидцы этого огня не запомнить ничего подобнаго. — Французы отступили...

Англичане противъ 3-го бастіона и Пересыпки также не имѣли успѣха. Они потеряли генерала сэра Джона Кемпбеля и болѣе 30 офицеровъ. X

Когда Пелиссе предложилъ имъ повторить атаку, лордъ Рагланъ не согласился.

Стало свѣтать.

Мы все стояли и смотрѣли съ фрегата. Иные влѣзли на ванты. Дымъ закрывалъ отъ насъ картину боя, но мы почему-то чувствовали, что неприятель отбитъ. Городъ и все стало глядѣть для насъ иначе. Пожары на Южной потухли. Только въ одномъ мѣстѣ еще курился дымокъ, подымавшійся тонкою струйкой. Если бы не выстрѣлы, въ воздухѣ было бы тихо; но выстрѣлы гремѣли по прежнему. Пароходъ Бессарабія ходилъ передъ нами по рейду, заглядывая въ Южную бухту и посылая оттуда бомбы за 3-й бастіонъ. Было что-то красивое и вмѣстѣ веселое въ его разгуливаньи по бухтамъ. Казались, онъ шутилъ, а не дрался.

Прошло еще около часу и перестрѣлка стала затихать.

Въ это время съ Сѣверной стороны показалось подкрѣпленіе. Пріятно было глядѣть, какъ войска шли по горамъ и какъ перелезались и блесѣли ихъ штыки подъ ранними лучами. Скоро солдаты столпились у Сѣверной бухты. Подошедшіе пароходы и баркасы наполнились штыками и понеслись на Южную.

Но этими полками не довелось сразиться: едва они достигли Корабельной, как пальба прекратилась совсем. Свѣжій вѣтеръ разнесъ облака дыму — и мы увидѣли отступающихъ, разстроенныхъ колонны неприятелей. Главныя массы ткнулись наискось отъ Малахова кургана за Канроберову батарею.

Быль 8-я часть. Я напился чаю и уѣхалъ въ лагерь.

Долго молчалъ весь правый флангъ осаждающихъ. Часа три «пушки его величества не говорили ни слова»¹⁾.

Французы не ожидали, что будутъ отбиты. Съ Малахова кургана, уже на разсвѣтѣ, видѣли войска, въ полной парадной формѣ, какъ кажется приготовленныя для того, чтобы вступить въ занятый городъ церемониальнымъ маршемъ.

Одинъ французскій офицеръ, раненный у стѣнки, передъ батареей Жерве, въ одно время съ нашимъ, сказалъ подошедшимъ его убрать: «уберите лучше своего, а меня придутъ свои подымутъ, когда мы возьмемъ Севастополь.»

Впрочемъ, ничего неестественнаго не было въ этихъ надеждахъ. Во всякомъ бою многое зависитъ отъ минуты. Французы прорвались сквозь первую линію нашихъ укрѣпленій, и еслибы Хрулевъ не явился въ-время у стѣнки, даже можетъ быть еслибы не эта стѣнка, — дѣло приняло бы другой оборотъ. Неприятель находился въ двухъ шагахъ отъ горжи Малахова...

Воротясь изъ лагеря, я отиралися не отдыхая въ Корабельную, на тамошній перевязочный пунктъ, устроенный въ одномъ изъ морскихъ магазиновъ, подлѣ самой Южной бухты²⁾.

¹⁾ Le capitaine de Votre Majesté a parlé! — Такъ начинается маршаль Сентъ-Арно свое донесеніе Императору Наполеону объ Ампійской битвѣ.

²⁾ Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 22-й, среднее зданіе изъ ряда двухъ-этажныхъ домовъ. Доска, по которымъ входили внутрь, изображены на рисункѣ.

Идя берегомъ, мимо этихъ магазиновъ, я увидѣлъ противъ нихъ, въ бухтѣ, большой ботъ, наполненный Французами. Это были тѣ, которые приползли сами, но уборки тѣлъ и раненныхъ еще не происходило. Всѣхъ на ботѣ было человекъ 50. Большая часть лежала навзничъ, на тюфякахъ, прикрываясь своею кровавою одеждою. Двое-трое, по легкости ранъ, могли сидѣть. Часто слышались оттуда крики: *de l'eau! de l'eau!* — Ихъ требованію сейчасъ удовлетворяли, подавая воду въ жестяныхъ кружкахъ. Это исполнялось иногда сестрами милосердія. Одна молодая артиллеристъ, съ выразительнымъ загорѣлымъ лицомъ, сидѣла, подпершись рукою, и плакала, отирая слезы платкомъ, но такъ незамѣтно, какъ-будто открывала лицо. Между ранеными было нѣсколько Турокъ и Арабовъ.

Поминутно являлись носилки за носилками, раздавались стоны; ботъ наполнялся больше и больше. Гранитныя плиты набережной были улиты кровью... когда проносили одного молодого солдата, я замѣтилъ у него на рукѣ, ниже локтя, нѣжное изображеніе любви: два сердца, пронзенныя стрѣлой; сверху — летящій амуръ и пара цѣлующихся голубковъ. Все это окружалось лавровымъ вѣнкомъ. Какихъ хлопотъ стоила такой сложный рисунокъ, сдѣланный накалываньемъ и затертымъ порохомъ!

Когда ботъ отплылъ на Сѣверную, я вошелъ въ перевязочную палату, огромную комнату, полную ранеными Французами и Русскими. Кому достало тюфяковъ, тотъ лежалъ на тюфякѣ; а кто и на голомъ полу, улитомъ кровью. — Три священника, въ разныхъ мѣстахъ залы, напутствовали отходящихъ въ жизнь вѣчную. Фельдшеръ и служители, солдаты и матросы, бѣгали и суетились. Во всей залѣ было необычайное движеніе, крики, споры, крѣпкія слова, но среди всего этого гаму слышалось иногда тихое, предсмертное хрипѣніе, которое невольно пронизывало слухъ и залегало въ душу вся-

кого, сколько-нибудь не огрубѣшаго въ Севастопольскомъ воздухѣ...

Вотъ принесла ооодата съ оторванной вплоть до живота ногой. Ключья тела висѣли какъ тряпья. «Ну, этого нечего!» зашѣчаютъ доктора: «говори, чего ты хочешь: воды, вина, водки?» но онъ не слыхалъ и отходилъ.

Противъ большихъ, открытыхъ настежь дверей, стояла кровать, на которой ампутировали и которая пи минуты не была пустая.

За порядкомъ въ залѣ наблюдалъ краснощекий, бравый офицеръ, имѣвшій странную фамилію: *Воробейчикъ*. Но это былъ совсѣмъ не воробейчикъ. Нельзя было не одушевиться, взглянувъ на его здоровую, спокойную физиономію, — рѣшительную противоположность блѣднымъ лицамъ смерти, которыми смотрѣли изо всѣхъ угловъ залы. Воробейчикъ былъ когда-то первымъ кларнетистомъ въ Москвѣ, и потому зналъ хорошо музыку, и въ Севастополѣ, среди постоянныхъ заботъ и поминутно тревожимый бомбами и ракетами (одна ударила въ сосѣднюю съ нимъ комнату, и выперла къ нему кирпичи надъ самою его постелью) — онъ вспоминалъ старину и уладилъ оркестръ музыкантовъ, которые въ послѣдствіи дали концертъ въ пользу раненныхъ, тамъ же, на Павловскомъ мыскѣ, подъ бомбами и гранатами.

Я спросилъ у Воробейчика о числѣ русскихъ раненныхъ, принесенныхъ въ тотъ день на его перевязочный пунктъ.

«Покажѣтъ 700, отвѣчалъ онъ (это было 5-й часъ дня) а вчера объ эту пору было за 1000.»

— А не слыхали ли, сколько потери у Французовъ?

«Говорятъ, до 12-ти тысячъ. Въ числѣ раненныхъ 3 генерала и около 200 штабъ и оберъ-офицеровъ. Раненъ племян-

являть Пеллессье: я самъ отправлялъ его на Сѣверную: У Англичанъ ранено 2 генерала и 36 офицеровъ ¹⁾.

Съ Павловскаго мыса я отправился на Графскую пристань, прямо въ домъ Собранія, гдѣ былъ главный перевалочный пунктъ:

Тѣ-же страшныя картины, стоны и кровь.

« Сколько раненыхъ? »

— За 200.

Я воротился на Коварну, уже довольно поздно, и крѣпко заснулъ, утомленный впечатлѣніями дня, но въ 12 часовъ ночи (съ 6-го на 7-е) меня разбудили: « опять наступленіе! » Я одѣлся и вышелъ на палубу, но смотрѣлъ какъ-то лѣнливо и безъ всякаго страха. Ночь была очень темна. Батареи гремѣли также, какъ и наканунѣ. Наши пароходы посылали бомбы черезъ Малаховъ и 3-й номеръ. На курганѣ опять вылазъ фальшфейеръ. Но все это продолжалось не болѣе двухъ часовъ. Мы зѣвали какъ въ скучномъ и много разъ виданномъ спектаклѣ и прежде окончанія легли спать.

Говорили послѣ, что это былъ вовсе не приступъ, а только встрѣча цѣпи съ цѣпью, одна фальшивая тревога.

Въ 8 часовъ я былъ уже въ лагерѣ. Въ 10 служили благодарственный молебень. Инкерманъ и Севастополь подняли голову и вздохнули свободнѣе. Къ торжеству побѣды присоединилось прибытіе первыхъ десяти батальоновъ тѣхъ дивизій, которыхъ мы ждали съ часу на часъ ²⁾). Полки проходили

¹⁾ Я повторяю его слова, чтобы показать, какъ тогда говорили. По официальнымъ извѣстіямъ Французовъ, они потеряли въ этотъ штурмъ: убитыми и пропавшими безъ вѣсти: 34 офицера и 1544 нижнихъ чина. Ранеными: 96 офицеровъ и 1644 нижнихъ чина. Это уже слишкомъ уменьшено. Какъ полагаемъ мы теперь, союзники потеряли въ этотъ день тысячъ 8.

²⁾ 4-я и 5-я.

мимо нашего лагеря съ пѣснями. Мы тотчасъ узнали дорогихъ гостей по ихъ чернымъ фуражкамъ, тогда-какъ у насъ были бѣлыя, въ предохраненіе отъ жару. Тутъ же вышелъ приказъ ходить безъ галстуковъ и не застегивать крючковъ у шинели. Это послѣднее дѣйствительно облегчало солдатъ «а что насчетъ шапокъ, говорили они: это намъ все одно, что черныя, что бѣлыя.»

Въ тотъ-же день, передъ вечеромъ, было перемиріе для уборки тѣлъ. Я отправился въ Корабельную. Площадь передъ Малаховымъ курганомъ и поле за Рогаткой были устланы ядрами и осколками. Кромѣ того попадалось подъ ноги столько камней, что невольно задавался вопросъ: какимъ образомъ здѣсь ходили, бѣгали и сражались? Кое-гдѣ, между камнями и осколками, валялись французскія фуражки разныхъ цвѣтовъ: синія, красныя и желтыя. Одинъ изъ переговорныхъ пунктовъ (куда я пошелъ,) былъ за Рогаткой, саженьяхъ во ста отъ вала, между цѣпью нашихъ и французскихъ солдатъ ¹⁾. Наши, оставивъ ружья сзади, шагахъ въ 30-ти, стояли безъ всего. Французы имѣли въ рукахъ небольшія палки. Между цѣпами было сажень 15; отъ солдата до солдата въ цѣпи шаговъ 10. Надо признаться, сѣрдъ глядѣла наша матушка-Русь, какъ бы напоминающая своей одеждой туманное небо сѣвера. Французы пестрѣли какъ цвѣты, въ своихъ алыхъ брюкахъ и синихъ мундирахъ ²⁾. Обѣ цѣпи стояли неподвижно, не соединяясь, но къ

¹⁾ Всѣхъ переговорныхъ пунктовъ было три: противъ 2-го бастиона, за Рогаткой и противъ 3-го бастиона.

²⁾ Я слышалъ, что красное сукно во французской арміи введено вслѣдствіе дешевизны этого цвѣта. «Что до сюртуковъ и шинелей, замѣтилъ мнѣ одинъ французскій полковникъ: мы понимаемъ достоинство сѣраго цвѣта, но его у насъ, въ арміи, никто не надѣнетъ съ тѣхъ поръ, какъ надѣлъ сѣрый сюртукъ одинъ человекъ. Онъ былъ единственнымъ во многихъ, пусть и въ этомъ будетъ единственнымъ.»

той и другой безпрестанно подходили кучки солдатъ съ обѣихъ сторонъ и вступали въ разговоръ. Извѣстно, что простой человѣкъ всегда находитъ способъ объясниться съ другимъ, не знающимъ его языка, и даже будетъ говорить очень долго и весело. Я не рѣшался приближаться къ этимъ кучкамъ, чтобы не помѣшать ихъ живымъ бесѣдамъ. Замѣчу, что солдаты сходились только вдали, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ переговорнаго пункта, а на немъ никакихъ разговоровъ быть не могло, по причинѣ присутствія начальниковъ. Но толпы любопытныхъ все-таки сходились и осматривали другъ-друга. Французы были мрачны. Изъ ихъ офицеровъ не явилось на этомъ пунктѣ ни одного, кромѣ траншей-майора, который подѣхалъ, кажется, больше для порядку. Онъ постоянно отъезжалъ своихъ назадъ, но они все-таки подходили. Странно это любопытство — глядѣть другъ на друга, только потому, что розно одѣты, розно говорятъ, и что вотъ пришелъ такой мудреный часъ, во время войны, когда можно сойдася не драться... Увидѣвъ кого-то въ блузѣ, траншей-майоръ сказалъ: «это чтѣ за блуза? Поди и одѣнься: такъ нельзя сюда ходить!»

Траншей-майоръ былъ обыкновенный армейскій офицеръ. Въ его одеждѣ замѣчалась смѣсь блеску съ грязью: новый, сіяющій мундиръ, превосходные башмаки — и довольно потертыя брюки. Отличная фуражка, съ яркимъ позументомъ — и ни на что не похожій галстукъ, повязанный жгутомъ. Лошадь подъ нимъ была прекрасная, арабская, караковой масти. Сидѣлъ онъ по своему, по французски: ноги далеко впередъ. Въ рукахъ у него была сучковатая палка.

Съ нашей стороны явилось на перемиріе нѣсколько офицеровъ и даже три генерала. Проѣхалъ по линіи Хрулевъ, въ своей черкесской шапкѣ, и со своимъ знаменитымъ ординар-

цемъ, матросомъ Цурикомъ ¹⁾). Французы указывали на Хрулева, какъ на знакомаго имъ человѣка. Говорятъ, за нихъ цѣпью, показавъ въ одномъ мѣстѣ какой-то генералъ, чтобы взглянуть на героя 6-го юня.

Между тѣмъ какъ мы толпились у переговорнаго пункта, — убитыхъ Французовъ свозили въ фурштатскихъ телегахъ, запряженныхъ, какъ и всегда, тройкой, и складывали за назначенной чертой, у подножія Камчатскаго редута, который вышлася саженахъ въ полутораста передъ нами, и на немъ сидѣли и бродили Французы. Страшно было глядѣть на этотъ темный, верытый ядрами холстъ, еще недавно бывшій въ нашихъ рукахъ...

Убитыхъ принимали отъ насъ зуавы, клали на носилки и скрывались съ ними за редутомъ. Мы привезли болѣе шести полуфурковъ на этотъ пунктъ. Кто-то изъ Французовъ по привозѣ послѣдняго полуфурка, сказалъ, махнувъ рукой: «ну, ужъ будетъ!» Его какъ-будто послушали и больше не возили.

Я слыхалъ, что между убитыми Французами находили нѣкихъ съ завязанными глазами, но не плотно, а такъ, чтобы, мая, можно было видѣть только ноги и ничего не видать передъ собою. Кто ходилъ противъ картечнаго огня, тотъ знаетъ, какъ это страшно и скорѣе другаго пойметъ, отъ чего тутъ, пожалуй, завяжешь глаза. Другаго объясненія этой повязки я не могу придумать. Однакожь наши ходятъ безъ повязокъ...

Разсказывали, что противъ 3-го бастіона, гдѣ непріятельская цѣпь состояла изъ Англичанъ, случилось одно забавное происшествіе. Нашъ солдатъ добылъ во время боя англійскій штуцеръ, но безъ штыка, и хотѣлъ прискаты къ нему штыкъ,

¹⁾ Портретъ генерала Хрулева въ Художественномъ Листкѣ, 1855, № 21. — Портретъ боцмана 44-го флотскаго заппама, Цурика, въ Художественномъ Листкѣ, 1857, № 17.

чтобы выгодно продать штуцеръ. Онъ прибѣгнулъ къ самому простому способу: на перемиріи, когда кучки Англичанъ стали приближаться къ нашимъ и зѣвать другъ на друга, — солдатъ подошелъ къ одному, вынулъ у него спокойно штыкъ изъ-подъ сумки, надѣлъ на штуцеръ и пошелъ прочь, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Англичанинъ, конечно, вступился за свою собственность, поднялъ шумъ, но солдатъ увѣрялъ, что этотъ штыкъ принадлежитъ ему, потому-что «видишь, надѣлъ на штуцеръ, а ты не зѣвай!» Тѣмъ дѣло и кончилось.

Не задолго до сумерекъ, цѣпи, какъ наша, такъ и непріятельская, сняты, и бѣлый парламентарскій флагъ опущенъ. Выстрѣлы загремѣли снова.

Уходя съ перемирія, я остановился не надолго у Рогатки и купилъ три французскихъ ружья, по полтиннику за штуку. Штуцеровъ не могъ добиться: ихъ велѣно было доставлять въ Штабъ, гдѣ выдавали солдатамъ по 5-ти цѣлковыхъ за штуцеръ. Разумѣется, съ офицеровъ они брали несравненно больше, и продавали имъ штуцерá тайкомъ, по ночамъ, или днемъ черезъ казаковъ, которые всюду явятся живо на подобныя услуги. Цѣны штуцерамъ существовали разные (отъ 3-хъ до 20-ти рублей); это зависѣло отъ того, какихъ больше взято, кого побили. Послѣ дѣла съ 11-го на 12-е февраля легко было доставать «французское» оружіе; въ послѣдній штурмъ подешевѣли штуцера «Англичанъ». Французскіе офицерскіе штуцера были всегда не дешевы, держась между 30-ю и 50-тью рублями.

Я привожу среднія цѣны, въ послѣднюю половину осады. Въ началѣ, при первыхъ стычкахъ съ непріятелемъ, всякое оружіе было ни почемъ и никто его не бралъ.

Странное дѣло: трудно было купить патронную сумку. Солдаты оставляли эти сумки про себя, говоря, что онѣ способнѣе нашихъ.

Французскія маверки, довольно красивыя, обшитыя сукномъ, продавались отъ 10-ти до 20-ти копѣекъ.

Между тѣмъ, по отбитіи штурма, рѣшено соединить эполементы (о которыхъ сказано выше и за которыми дѣйствовала батарея графа Тышкевича) и устроить самостоятельную ограду, вставивъ профили, присыпавъ валгангъ и насыпавъ снаружи земля. Работа производилась дено и поно, подъ огнемъ непріятеля, солдатами пѣхотными и артиллеристами, и дшей черезъ 10 образовалась позади 1-й линіи довольно сильная 2-я оборонительная стѣна.

Впослѣдствіи, на лѣвомъ флангѣ этой 2-й стѣны, стала строиться, близъ 2-го бастіона, дугообразная батарея, названная Генриховой, и на ней поставлено 6 крѣпостныхъ орудій; а самая стѣна протянута внизъ, по лѣвому берегу Ушаковой балки, почти до самой бухты. То же самое и почти въ одно время сдѣлано было и по правую сторону Малахова кургана, гдѣ проведена стѣнка отъ горжи до Александровскихъ казармъ.

8-го іюня бомбардировка прекратилась. Два дня было тихо, почти ни выстрѣла, а потомъ стали стрѣлять, какъ стрѣляли обыкновенно.

10-го числа раненъ Тотлебенъ, на батарее Жерве, пулею въ ногу, на вылетъ, безъ поврежденія кости. Также раненъ, при разрывѣ гранаты, камнемъ въ ухо, заколдованный Шварцъ, на редутѣ своего имени. Его мѣсто занялъ Ханжоглу.

Вѣсть о ранѣ Тотлебена разнеслась тотчасъ повсюду ¹⁾).

Упомянувъ объ этомъ славномъ генералѣ, я не могу не вспомнить о его товарищѣ въ первыхъ работахъ по укрѣпленію Севастополя, капитанѣ Фолькмутѣ, который также возвелъ въ свою очередь нѣсколько батарей, но былъ раненъ въ руку штуцерной пулей, 16 октября 1854 года, — и скрылся.

¹⁾ Портретъ Тотлебена въ Художественномъ Листѣ, 1857, № 22.

Какая грустная судьба: сойти съ поприща въ самомъ началѣ небывалаго движенія и видѣть съ болѣзненнаго одра, какъ другіе несутся впередъ и ихъ имена повторяются повсюду.

Мы долго были веселы. Іюньскіе дни можно считать лучшими нашими днями во всю осаду. Казалось, мы отбили всѣ будущіе штурмы. Явилась необходимая человѣческая самоувѣренность, особенно, когда мы увидѣли новыя массы прибывающихъ и прибывающихъ штыковъ. Словомъ, съ нами было то же самое, что было незадолго передъ тѣмъ съ Французами.

Въ половинѣ мѣсяца, о которомъ я рассказываю, а именно 16/28 іюня, въ 9-мъ часу вечера, скончался главнокомандующій англійской арміи, лордъ Рагланъ.

Гробъ его, покрытый національнымъ флагомъ, былъ отвезенъ на пристань, въ Камышь, на 8-ми артиллерійскихъ лошадей. Съ 4-хъ угловъ катафалка ѣхали четыре главнокомандующихъ, съ ихъ штабами. Процессія тянулась между двумя рядами войскъ, сначала англійскихъ; потомъ французскихъ. Народный гимнъ: «God save the Queen», провожалъ останки стараго полководца до берега.

Главнокомандующимъ англійской арміи назначенъ генералъ Симпсонъ.

IV.

Матросъ Кошка. — Николай Пищенко. — Мнимые шибобны. — Тогдашній Малаховъ курганъ. — Аполлонова башня. — Гаврила Гамбургъ. — Нахимовъ раненъ. — Смерть и погребеніе Нахимова. — Краткій очеркъ его характера.

Въ послѣднихъ числахъ іюня мнѣ случилось познакомиться съ командующимъ корабля «Ягудилъ», гдѣ находился тогда извѣстный Кошка, взятый съ бастиона вслѣдствіе неумѣренныхъ кутежей.

Однажды отобѣдавъ на кораблѣ, я просилъ командира устроить мнѣ свиданіе съ этимъ матросомъ-авантюристомъ. Меня оставили одного въ капитанской каютѣ и послали Кошку.

Ко мнѣ вошелъ, широко шагая, матросъ, средняго роста, сухощавый, но крѣпкій, съ выразительнымъ скуластымъ лицомъ. На немъ была черная куртка, съ галунами; бѣлыя бри-

ки; на шеѣ свистокъ ¹⁾); въ петлицѣ георгій. Онъ едва замѣтно присѣдалъ на одну ногу, пораненную, или ушибенную, ужъ я не знаю.

«Прежде всего дай мнѣ тебя срисовать!» сказалъ я ему.

— Извольте!

«Надѣнь шапку!»

Онъ живо надѣлъ шапку, по своему, немного на затылокъ, и сталъ въ требуемую позу, но черезъ минуту задремалъ: глаза закрывались и голова безпрестанно перемѣняла положеніе.

«Ты вѣроятно хочешь водки?» спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, я водки не стану, мнѣ не велятъ!

«Ну, полно!»

Я кивнулъ баталёра ²⁾ и велѣлъ дать водки. Привнесли цѣлый графинъ и ломоть хлѣба на закуску, но Кошка отказался рѣшительно.

«Вы спросите у капитана: коли позволить, я выпью!» сказалъ онъ.

Я пошелъ къ капитану: онъ разрѣшилъ одну рюмку; Кошка выпилъ и сдѣлался бодрѣе.

Я срисовалъ его во весь ростъ и потомъ просилъ рассказать мнѣ всё его походженія.

Онъ сталъ рассказывать также просто, какъ выпилъ водки, одушевился болѣе и болѣе, и подъ-конецъ прибѣгнулъ къ разнымъ движеніямъ: нагибался къ землѣ, и показывалъ, какъ ползъ; бралъ и толкалъ стулъ, какъ бы толкалъ камень, о которомъ шла рѣчь. Говорилъ полу-русскимъ, полу-малороссійскимъ языкомъ, но болѣе сбивалъ на русскій.

¹⁾ Кошка былъ унтеръ-офицеръ и потому носилъ свистокъ, которымъ съзывается команда и подаются разные сигналы.

²⁾ Неостровской унтеръ-офицеръ, у котораго на рукавѣ вся провинція судна.

Я записалъ его похождения. Они начались случайно, какъ и многое, давшее потомъ известность.

Кошка въ началѣ осады находилась въ штудерныхъ, на 3-мъ бастионѣ.

Мѣсяца за полтора до новаго (1855) года, когда еще никто изъ бастионныхъ путемъ не видалъ непріятеля, Кошка, съ 18-ю охотниками изъ матросовъ своего экипажа (30-го) и солдатъ Московскаго полка, вздумалъ отправиться посмотреть, что дѣлаетъ непріятель на Зеленой Горкѣ ¹⁾. Времена были не тѣ, что подь-конецъ: гулай сколько хочешь. Охотники прошли вѣ выстрѣла мимо 3-хъ-орудійной Англійской батареи, достигли до хутора Бурназова, и за тѣмъ, на одномъ изъ дальнѣйшихъ хуторовъ, Кошка влѣзъ на дерево и сталъ смотрѣть на какихъ-то работавшихъ въ полѣ. «Вѣрно кто-нибудь съ хутора!» подумалъ онъ, какъ вообще думаетъ русскій человекъ, рѣшающій всякія задачи сразу, безъ дальнихъ размышленій; а того и въ голову не пришло, что эти мѣста уже давно брошены нашими и заняты непріятелемъ, который поставилъ одну изъ своихъ батарей гораздо ближе къ бастионамъ, чѣмъ хутора. Кошка только-что прошелъ мимо этой батареи — и все это вдругъ забылъ.

Рабочіе, замѣченные имъ, были Англичане. Они тотчасъ увидѣли нашихъ, схватили ружья и дали залпъ. Одна пуля оторвала у Кошки подборъ сапога. Онъ соскочилъ съ дерева и бросился съ товарищами бѣжать. Непріятель, въ числѣ 40 человекъ, преслѣдовалъ ихъ версты погоры, вплоть до 4-го бастиона, откуда ударили по немъ картечью, и положили тронхъ. У насъ убитъ во время преслѣдованія только одинъ солдатъ Московскаго полка.

¹⁾ Возвышенность за Цересыпкой, между Лабораторной и Сарандинаминой балкой.

Первая штука прошла удачно. Кошку стало тянуть на другую прогулку в томъ-же родѣ. Скучно лежать въ секретѣ, или торчать на бастионѣ, не вида никого, и почти не слыша выстрѣловъ.

Замѣтивъ однажды, что непріятельскіе рабочіе, которые вели передъ 3-мъ бастиономъ траншею, уходятъ обыкновенно въ обѣдъ на батарею, отстоявшую оттуда довольно далеко, Кошка (это было недѣль за двѣ до Нового года) забрался въ эту траншею и унесъ изъ нея 12 лопатокъ, 4 кирки и 4 ножа.

Спустя немного времени, онъ отправился въ траншею опять, безъ всякой осторожности, прямо, и былъ, конечно, замѣченъ. Человѣкъ 50 Англичанъ отдѣлилось съ батареи и съ ними небольшая собачка съ мѣднымъ ошейникомъ. Они бросились къ траншеѣ, но уже нашъ лягушечъ ползъ обратно, къ своимъ, и добравшись до передовой траншеи, командовалъ сидѣвшимъ тамъ штуцернымъ дать залпъ, они дали залпъ и убили четырехъ Англичанъ и собачку. Непріятель спустился въ траншею. Наши высочили и хотѣли его оттуда выбить штыками, но это не удалось. Мы потеряли при этой стычкѣ 3-хъ человѣкъ убитыми и одного раненнаго.

На самый Новый годъ была назначена съ 3-го бастиона вылазка изъ охотниковъ Волынскаго, Охотскаго и Кольванскаго полковъ и кромѣ того изъ роты матросовъ, всего до тысячи человѣкъ¹⁾. Намѣреніе наше было завладѣть передовою траншею Англичанъ. Кошка, разумѣется, не могъ не увязаться

¹⁾ Мнѣ не удалось повѣрить всѣ эти вылазки и числа другими разсказами. Передаю точь-въ-точь, какъ разсказывалъ Кошка, и не знаю, можно-ли довѣрить всѣмъ его разсказамъ вполне. Подозрительно то, что онъ дѣлалъ большія ошибки въ расстояніяхъ. Во всякомъ случаѣ, о многихъ изъ его походовъ не у кого больше спросить, какъ у него-же.

туть же. Мы обошли траншею съ двухъ сторонъ и вогнали непріятеля въ середину, гдѣ было глубже и выскочить нельзя. Наши стали колоть сверху, но штыкъ не доставалъ, и потому начали бросать камнями. Непріятелей оказалось человѣкъ 200. Изъ нихъ убито 12, а остальные взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ два офицера, одинъ безъ руки. У насъ-же убитъ всего одинъ солдатъ и не поднять по причинѣ темноты и свалили.

На 4-й день послѣ этого, въ 12-мъ часу дня, Кошка былъ посланъ изъ секрета, поручикомъ Московскаго полка Голубевымъ, за обѣдомъ, въ Александровскія казармы, до которыхъ было оттуда версты полторы.

Кошку повесело садами Дьяковскаго заведенія и на дорогѣ взбрело ему на мысли посмотреть, чтѣ дѣлаетъ Англичанинъ въ своей траншеѣ. Кошка повернулъ въ бокъ и подоидя довольно близко къ непріятелю, увидѣвъ стоящаго человѣка и принявъ его сперва за Англичанина, но потомъ разсмотрѣвъ, что это былъ убитый за четыре дни его товарищъ, въ вылазкѣ на Новый годъ. Онъ стоялъ съ растопыренными врозь руками и былъ подпертъ камнемъ. Кошкѣ захотѣлось забавить тѣло товарища отъ поруганія и принести на бастионъ; но за нимъ уже давно слѣдили и отъ насъ, и отъ Англичанъ. Едва онъ двинулся къ убитому, наши, думая, что онъ намѣренъ передаться, стали стрѣлять. Англичане, думая тоже, разумѣется, не стрѣляли. Кошка остановился, снялъ шапку и сталъ махать своимъ, говоря: «не бось-то не уйду!»¹⁾ хоть его, по дальности разстоянія, никто не слышалъ. Наши продолжали стрѣлять. Тогда онъ воткнулъ свой штуцеръ въ землю штыкомъ, снялъ шинель и повѣсилъ ее на штуцеръ, а также и

¹⁾ Все разговорное я оставилъ безъ малѣйшей перемены, какъ было сказано имъ.

«уражку, говоря про себя: «не вѣрите мнѣ, такъ повѣрьте шинели!» (какъ это все просто и по-русски!) А самъ поползъ къ убитому, подползъ и оттолкнулъ камень, которымъ тотъ былъ подпертъ: убитый повалился на него. Онъ былъ въ одной рубашкѣ и портянкахъ. Кошка схватила за портянку — она оборвалась. Онъ снялъ съ себя поясъ; одинъ конецъ привязалъ къ ногѣ убитаго, а другой къ своей правой ногѣ, и поползъ, таща трупъ за собою. Тогда Англичане открыли стрельбу, но Кошка пробирался благополучно, за камнями и буграми, только уморился. Съ 3-го бастиона слѣдили за нимъ, и когда онъ приблизился на такое разстояніе, что могъ слышать, стали ему кричать: «можетъ помочи надо?» — Дайте помочи! — крикнулъ Кошка, уморившись совсѣмъ. Командиръ ближайшей батареи, лейтенантъ 30-го экипажа, Перекомскій, выслалъ къ нему четырехъ человекъ, и они принесли убитаго на бастионъ, а Кошка, отдохнувъ немного, пошелъ въ казармы за обѣдомъ для поручика Голубева и воротился въ секретъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ.

На другой день многіе узнали о подвигѣ Кошки. Командующій войсками далъ ему отъ себя особенный крестъ, для ношенія подъ сорочкой. Вскорѣ потомъ онъ получилъ и георгія.

Всѣ узнали матроса Кошку. Газеты и журналы начали повторять его имя. Онъ сталъ извѣстнымъ, такъ сказать, пріятнымъ, авантюристомъ. Вылазки, прогулки передъ носомъ у непріятелей, вокругъ ихъ траншей, вошли ему въ привычку. Онъ никакъ не могъ усидѣть на бастионѣ, и все ему сходило съ рукъ.

Однажды, уже въ началѣ февраля, Кошка вышелъ изъ секретъ и подбрався къ англійской траншеѣ на Зеленой Горкѣ. Впереди лежалъ огромный камень, а за нимъ была вырытая яма. Кошка подползъ и заглянулъ: въ ямѣ четыре Англичанина варили говядину. Кошка сидѣлъ, сидѣлъ, да какъ крикнетъ:

«ребята, ура!» Англичане выскочили и бросились къ траншеѣ, оставивъ 3 штуцера, манерку съ ромомъ, 2 котелка съ говядиной, одну съ скрой, другой съ вареной, и двѣ лисы съ галетами. Кошка взялъ штуцера, манерку и галеты, а говядину изъ котелковъ выбросилъ и воротился къ своимъ.

Недѣля черезъ двѣ послѣ этого была вылазка съ 3-го бастіона. Двѣ роты матросовъ и батальонъ солдатъ подошли къ англійской траншеѣ и встѣхъ, бывшихъ тамъ, частію перекололи, а частію забрали. Кошка пошелъ по траншеѣ и увидѣлъ въ небольшой «пейоркѣ» въ боку, лежащаго Англичанина. Думая, что онъ или спитъ, или убитъ, Кошка потянулся за его штуцеромъ, который лежалъ подлѣ, но только что хотѣлъ его взять, какъ Англичанинъ быстро ударилъ его прикладомъ въ грудь, такъ что Кошка упалъ на колѣни, но упавши, кинулся на штуцеръ Англичанина, а тотъ на штуцеръ Кошки и такъ стали возиться. Кошкѣ надоѣло это: онъ схватилъ противника зубами за палецъ и откусилъ его. Англичанинъ бросилъ штуцеръ, сложилъ крестъ на крестъ руки и закричалъ: «Русь бѣна! Русь бѣна! христіанинъ! христіанинъ!» То есть: «добрый Русскій, добрый Русскій, я христіанинъ» какъ объяснялъ Кошка. Потомъ Англичанинъ снялъ шапку и началъ креститься по нашему. Кошка далъ ему знакъ, чтобъ онъ выходилъ изъ траншеи, но Англичанинъ не шелъ, вѣроятно думая, что тотъ пырнетъ его сзади штыкомъ. Кошка вывелъ его за шиворотъ и далъ ему три оплеухи, показывая тѣмъ, что плѣнный долженъ слушаться побѣдителя. Выйдя изъ траншеи (это было уже на разсвѣтъ ¹⁾) и наши отступали на бастіонъ) — они замѣтили показавшіяся вдали колонны Англичанъ, которыя открыли батальный огонь. Лучше всего было поскорѣе убираться. Англи-

¹⁾ Вылазки производятся обыкновенно по ночамъ и для этого выбираются самыя темныя ночи.

чашинъ ударилъ нашего легонько по шеѣ и пробѣжалъ немного впередъ, чѣмъ хотѣлъ объяснить, что надо бѣжать. Они пошла скорыми шагами къ Пересыпкѣ, и Кошка подь-конецъ какъ-то отсталъ. Англичашинъ, дойдя до Пересыпки, остановился и дождался своего товарища. Пули уже перестали долетать до нихъ. Когда Кошка подошелъ, Англичашинъ поднесъ ему рому, и потомъ они поднялись вмѣстѣ на бастіонъ. Въ эту минуту на бастіонѣ раздавались порціи водки. Кошкѣ слѣдовало двѣ чарки; онъ прикушилъ къ нимъ еще четыре и взаимно угостилъ Англичанина, который опохмѣлялъ и сталъ пѣть и плясать, въ утѣху всей матросской и солдатской компаніи.

Кромѣ этого Англичанина Кошкѣ случалось приводить и другихъ, во время разныхъ вылазокъ, но всегда по одному. Всѣхъ пѣвшихъ, сколько помнитъ, онъ привелъ человекъ 6 — 7. Гдѣ-то было напечатано, что онъ привелъ троекъ вдругъ. Я спросилъ, правда-ли это? — Нѣтъ, не правда! — отвѣчалъ онъ и тутъ же отказался еще отъ нѣсколькихъ анекдотовъ, которые ему приписывали. — Я вамъ рассказалъ все, добавлялъ онъ въ заключеніе, и больше этого ничего не было.

Кошка участвовалъ въ 18-ти вылазкахъ, но раненъ всего два раза и то легко.

На кораблѣ ему было скучно; онъ скоро выпросился опять на бастіонъ, обѣщая не кутить, однако закутилъ и чуть-ли не сильнѣе прежнего.

По оставленіи Севастополя онъ перебрался въ Николаевъ.

Таковъ прославленный Кошка. Прихоть случая, счастье выдвинули его впередъ; между тѣмъ, во время знаменитой осады, были десятки, сотни такихъ-же смѣльчаковъ на всѣхъ батареяхъ. Они тихо, безъ шума, дѣлали свое дѣло. Простоять у инаго орудія нѣсколько часовъ, не только уже нѣсколько мѣсяцевъ, стояло какой угодно штуки, но вѣдь это такъ просто. А мы любимъ что-нибудь особенное, эффектное...

Были слухи, что Кошка изменникъ, шпионъ, знался съ Англичанами, и что вслѣдствіе этого ему сходили съ рукъ всякія затаи. Какъ его передатраннаго дохожденія повторяла вся Россія, такъ повторили и это. Мы слишкомъ доверчивы, во всякихъ бредняхъ, и слушая эти странныя обвиненія противъ одного изъ самыхъ храбрыхъ молодцовъ Севастополя, ничто не подумалъ, что это, прежде всего, не согласно съ характеромъ простаго русскаго человѣка: разыгрывать измѣнника въ продолженіи одиннадцати мѣсяцевъ, сразу, такуу канитель, вести немовѣрно-сложный обманъ и туу же ментвецки напиваться и кутить! Русскій передается просто — вотъ и все!

Кромѣ того, если бы и надеялся такой неслышанный дятрякъ, онъ не могъ бы свободно разгуливать туда и сюда, вслѣдствіе безчисленнаго множества преградъ, которыя существовали между нами и непрітелемъ въ послѣднюю подовину осады.

Даже странно объяснять все это и оправдывать бѣднаго Кошку, невиннаго ни въ чемъ, исключая того, что онъ, еще до Севастопольскихъ походовъ, похитилъ и пропилъ въсколькo фуражекъ у своихъ товарищей, охотясь за этимъ добромъ «по ночамъ», отъ чего и прозванъ «Кошкой».

Я уже напечаталъ объ немъ небольшую статью, гдѣ защищалъ его; не дѣлая никакихъ справокъ, потому что былъ увѣренъ въ его правотѣ — а ргіогі. Въ настоящее время я навелъ положительныя справки: писалъ въ Николаевъ и получилъ оттуда почти оффціальное увѣдомленіе, что Кошка живъ и здоровъ и находится въ «трехъ-годичномъ» отпуску у родныхъ, въ селѣ Замаетовцахъ, Каменецъ-Подольской губерніи, Гайцинскаго уѣзда.

Трехъ-годичный отпускъ есть дѣло необыкновенное, и одно это показываетъ достаточно, что Кошка въ лучшихъ отношені-

ихъ съ начальствомъ. Иначе его не уволяли-бы на столько, на сколько не увольняютъ никого.

Вслѣдъ за Кошкой явился въ Севастополь другой, отмѣченный тѣмъ-же таинственнымъ перстомъ судьбы: это былъ небольшой мальчикъ, лѣтъ 10-ти, Николай Пищенко, сынъ матроса 37-го экипажа, Тимофея Пищенко, служившаго комендоромъ на батарее Забудскаго, бывшъ 4-го бастиона.

Служба ихъ обонхъ началась съ 5-го октября, 1854 года.

27-го марта, 1855, Тимофеей Пищенко былъ убитъ: сынъ его Николка (какъ звали его на батареяхъ), подававшій отцу кокорà¹⁾, нѣкоторое время не имѣлъ никакой должности. Хотѣлъ было идти въ городъ, къ матери, но мать его лежала въ госпиталѣ, раненная на улицѣ пулей. Такимъ образомъ мальчикъ остался у Забудскаго и бѣгалъ отъ нечего дѣлать по соседнимъ батареямъ; между прочимъ однажды забѣжалъ на Шварцовъ редутъ, гдѣ увидѣлъ 9 небольшихъ мортиръ. «Позвольте мнѣ выстрѣлить изъ мортирки!» сказалъ онъ командиру редута Ханжоглу²⁾ (это случилось въ июлѣ, когда Шварцъ уже былъ раненъ). Ханжоглу дозволилъ. Мальчикъ выстрѣлялъ хорошо и такъ полюбилъ мортирки, что началъ проситься перейти на редутъ. Ханжоглу, для формы, послалъ его къ Забудскому, какъ къ старому начальнику, спросить, позволить ли онъ. Забудскій отпустилъ Пищенку и тотъ поселился на редутѣ Шварца, состоя нбдъ командой одного опытнаго матроса. 9-го июля этотъ матросъ былъ убитъ и Пищенко остался у мортиръ одинъ и до конца осады управлялъ ими.

Главнокомандующій узналъ о маленькомъ стрѣлкѣ, и наградилъ его медалью. Въ послѣдствіи онъ получилъ георгія. У насъ въ походной литографіи былъ отпечатанъ портретъ Пи-

¹⁾ Пушечные патроны.

²⁾ Всѣ эти свидѣнія собраны отъ него.

щени, во весь ростъ, и въ томъ видѣ, какъ онъ стрѣлялъ на батареѣ: въ короткихъ брюкахъ, въ отцовской курткѣ, которая хватала ему чуть не до колъвъ, и босикомъ.

Пищенко вышелъ изъ огня благополучно и ни разу не раненъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ Орта-Каралеѣ, гдѣ стоялъ временно Главный штабъ. На батареѣ онъ смотрѣлъ взрослымъ матросомъ, исправнымъ комендоромъ. Но тутъ все пропало: это былъ опять мальчикъ и въ добавокъ сильный шалуни.

Какъ не одинъ экземпляръ Кошки былъ въ Севастополѣ, такъ же точно являлись и Пищенко.

На 1-мъ бастионѣ служили два мальчика, одинъ 14-ти, а другой 6-ти лѣтъ, но я не могъ узнать ихъ именъ. Старшему, въ июнѣ мѣсяцѣ оторвало обѣ ноги, однако онъ остался живъ. Меньшой уцѣлѣлъ, исправляя на бастионѣ разныя мелкія работы.

Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ Кошкой, мыѣ задумалось отправиться въ Корабельную, срисовать Бѣлостокскую церковь, — пунктъ, около котораго собиравсь наши резервы по тревогѣ, куда прежде всего спѣшилъ Хрулевъ, потому-что Рогатка, находившаяся за церковью, считалась самымъ слабымъ мѣстомъ и требовала рѣшительнаго и смѣлаго отпора.

Я хочу рассказать объ этой прогулкѣ единственно для того, чтобы дать понятіе читателямъ, какъ брали у насъ въ Севастополѣ мнимыхъ шпионовъ.

Былъ жаркій день, градусовъ 25, но я все-таки накинулъ сверхъ сюртука шинель, чтобы скрыть подъ нею свои рисовальные снаряды, на которые солдаты и матросы всегда глядѣли подозрительно. Имъ вѣрно было задерживать всѣхъ, кто хо-

дять около бастіоновъ высматривая и распрашивая, а тѣмъ болѣе рисуя. Я уже попадался нѣсколько разъ, а потому и принялъ предосторожности, которыя, впрочемъ, не послужили ни къ чему.

Я прошелъ Корабельную благополучно. На площадкѣ у Владимірской церкви толпилось много солдатъ, составлявшихъ ближайшее прикрытіе Малахова кургана. По улицамъ также бродили солдаты и только солдаты; кто въ шинели, кто въ рубашкѣ. Болѣе всего они тѣснились къ домикамъ направо (если идешь отъ Доковой балки къ заставѣ), гдѣ были защищены отъ выстрѣловъ. Тутъ же, мѣстахъ въ двухъ или трехъ, какія-то бабы торговали лукомъ, хлѣбомъ, вяленой рыбой. Изрѣдка въ улицахъ ложились гранаты и посвистывали пуля.

Подойдя къ заставѣ, я выглянулъ направо, въ поле, устьянное осколками¹⁾: никого не было тамъ. Единко стояла въ концѣ его Блѣстопадная церковь, съ крышей, свѣтившейся насквозь. Вдали тянулся валъ, за которымъ сидѣли штуцерные. Порою надъ нимъ завивался дымокъ, почти безъ звука. Направо, вплоть до кургана и частію на самомъ курганѣ, бѣжали остатки домиковъ, болѣею частію одни груды камней, безъ крышъ и безъ оконъ.

Подлѣ одного домика, у самаго подножія кургана, сидѣли на лавкѣ два матроса, изъ которыхъ одинъ тачалъ сапоги.

Кромѣ этихъ двухъ существъ я не видалъ въ окрестности ровно никого.

Пройдя немного впередъ, я выбралъ самый разрушенный домъ, забрался внутрь и сталъ рисовать, глядя въ отверстіе окна и считая себя скрытымъ отъ всѣхъ наблюдений; но только что я наложилъ первыя черты, какъ сзади послышался шорохъ:

¹⁾ Я уже описалъ это поле, говоря о перемиріи 7-го іюня.

кто-то карабкался по камням и я увидѣлъ передъ собою матроса, какъ водится, въ одной рубашкѣ (впрочемъ въ брюкахъ: такъ постоянно ходили матросы. Солдаты же ходили въ рубашкахъ и порткахъ) и въ форменной шапкѣ, съ номеромъ оянпажа.

« Вы чтѣ здѣсь дѣлаете, ваше благородіе? »

— Рисую вотъ эту церковь.

« Вы чтѣ, инженеры чтѣ ли? »

— По формѣ видишь, что я не инженеръ, а изъ штаба.

« Здѣсь планы списывать не позволено: пожалуйте къ батареинному командиру! »

— Погоди немногѣ: ты дѣлаешь свое дѣло, дай мнѣ додѣлать свое, и тогда пойдемъ куда хочешь.

« Извольте! »

Онъ сталъ съ боку, а я продолжалъ рисовать. Это было очень забавно и оригинально: матросъ слушался своего плѣнника и терпѣливо дожидался окончанія его затѣй. Во все время мы разговаривали самымъ дружелюбнымъ образомъ. Впрочемъ, это былъ одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ. Обыкновенно этотъ народъ обходился со своими плѣнниками безъ церемоніи, особенно, если былъ убѣжденъ по своему, что беретъ шпиона. Мой матросъ едвали считалъ меня шпиономъ; онъ только исполнялъ то, чего требовала его обязанность.

Между тѣмъ какъ мы бесѣдовали, вверху, надъ нами, безпрестанно пролетали бомбы, гудя своимъ извѣстнымъ гуломъ. Я сталъ побаиваться, какъ бы иная не пожаловала къ намъ, и часто спрашивалъ матроса: « куда это? не къ намъ ли катить? »

Онъ прислушивался, поворачивая одно ухо въ сторону летѣвшей бомбы, прислушивался недолго, и потомъ отвѣчалъ самымъ спокойнымъ тономъ: « нѣтъ, это не сюда, это въ бухту, по кораблямъ! »

И точно бомба шлепала въ бухту.

«А вотъ это по Владимірской»¹⁾), говорилъ онъ, выслушивая новую бомбу.

Ни разу не случилось, чтобы онъ ошибся. Бомбы ложились постоянно по его предсказанію. Какая удивительная смѣтка! Однимъ слухомъ опредѣлять высоко въ воздухѣ невидимую черту, по которой несется бомба. И какъ просто и спокойно онъ это дѣлалъ! Стояло только взглянуть на его пріемъ и потомъ услышать его слова, чтобы убѣдиться сразу, что онъ не лжетъ.

Замѣчу здѣсь, что матросы и солдаты, преимущественно послѣдніе, давали непріятельскимъ бомбамъ разныя прозвища. Двухпудовыя, съ кольцами, свистѣвшія особеннымъ образомъ, назывались у нихъ «Молдавская почта ѣдетъ». Онѣ напоминали солдатамъ Молдавскаго извозчика, который, скача верхомъ, свистеть всю дорогу.

Бомбы въ два пуда 16 фунтовъ, пускаемыя непріателемъ пріцѣльно въ гаубицъ, были прозваны «Лакматками».

— Лак-матка! кричалъ сигнальщикъ, пріѣдая, когда слышалъ особенный голосъ этой бомбы.

Большія пятипудовыя носили прозвище: «ви-жу, ви-жу, тутъ, всѣ прочь!» кажется отъ того, что ихъ скорѣе можно было увидѣть. «Тутъ, всѣ прочь!» означало: «когда она тутъ, всѣ должны бѣжать прочь»... а при другихъ бомбахъ пожалуй хотъ и оставаться.

Замѣчу, что не одну 5-ти пудовую бомбу можно было видѣть днемъ. Привычный глазъ отличалъ даже ядро, летящее прямо на него. Старики учили новичковъ, какъ хитрить съ такими ядрами: прилегать, отекакивать въ сторону. Но часто, прежде, нежели не совѣтъ бойкій ученикъ постигалъ эту гра-

¹⁾ То есть, по Владимірской площади

моту, его сносило вдромъ, отъ котораго дѣйствительно, можетъ статья, былъ способъ уйти ¹⁾...

Но кромѣ бомбъ, гудѣвшихъ надо мной и матросомъ, мы слышали поминутно свистѣвшія пули. Онѣ шмыгали всюду, распѣвая на разные голоса. Иная звучала какъ струна, тонкимъ, приятнымъ звукомъ. Другая пѣла густой октавой и, казалось, пролетала тихимъ, важнымъ полетомъ, вѣроятно сдѣлавъ прежде рикошетъ. Третья высвистывала быстро и тутъ-же закапывалась въ землю. Четвертая мяукала какъ кошка. Вотъ двѣ просвистѣли въ перегонки и шлепнулись въ камень...

Навстрѣчу этимъ пулямъ, по дорогѣ между домиками и церковью, шелъ иногда солдатъ, неся ведро дѣл на Рогатку своимъ товарищамъ, и тихо переваливаясь съ ноги на ногу. Не рѣдко пуля поднимала песокъ на полвершка отъ его ступни. Онъ и не замѣчалъ и продолжалъ переваливаться.

Но бѣльшую частію площадь и дорога были пусты.

Я копчилъ, и мы пошли вверхъ по горѣ, изрытой траншеями, zagrożожденной траверсами и всякими насыпями, гдѣ образовалось множество короткихъ и узкихъ переулковъ. Я не узналъ Малахова кургана, котораго не видалъ съ февраля. Куда дѣлись эти площадки? Эта пустота и тишина? Какъ-будто сжался, сбился въ кучу весь курганъ. Ни гдѣ на немъ не безопасно. Бывало, смотри изъ-за вала сколько хочешь, а теперь нельзя и подумать высунуть голову. Пули свищутъ во всехъ направленияхъ. Ивѣдъ лопаются гранаты. Все измѣнилось, но русскіе безопасные люди остались тѣ же. Я видѣлъ кучки солдатъ,

¹⁾ Начальникъ артиллеріи 4-го, а потомъ 3-го отдѣленія, капитанъ 1-го ранга, Перелешинъ 1-й, увѣрилъ меня, что онъ постоянно и притомъ весьма легко усматривалъ дымъ бомбы и ядра, летѣвшія на него прямо, и даже замѣчалъ дымящуюся въ бомбѣ трубку. Мнѣ лично случалось видѣть дымъ только тѣ бомбы, которыя пускали при мнѣ съ нашихъ батарей, и то тогда, когда я стоялъ подлѣ орудія.

которые лежали противъ новыхъ орудій, на буграхъ, раскинувшись во всю красу и какъ-будто нарочно подставивъ себя всякимъ снарядамъ. Народу вездѣ было очень много. Я съ трудомъ пробираюсь вверхъ, иногда отстраняя рукой торчавшій передо мною штыкъ ружья, на которомъ солдатъ несъ манерку съ водой, или со щами. Я все ждалъ башни, но она оказалась не скоро. Еще приземистѣе стала она, какъ-бы ушла въ землю. Я спустился по той-же самой лѣстницѣ и въ тотъ блиндажъ, куда спускался въ февралѣ, къ адмиралу Истомину. Всегда пріятно вспомнить прошлое, когда оно обставлено не совѣтъ обыкновенными предметами, — и я внимательно оглядывалъ тѣ стѣны, на которыя тогда глядѣлъ безъ особеннаго вниманія, а можетъ и не глядѣлъ вовсе... Въ блиндажѣ меня встрѣтилъ начальникъ 4-го отдѣленія, капитанъ 1-го ранга Кернъ, котораго матросы называли Керинъ и онъ въ самомъ дѣлѣ былъ похожъ скорѣе на Керина, нежели на Керна. Его уже предувѣдомили обо мнѣ и онъ, послѣ немногихъ словъ, извинился въ ошибкѣ.

Это была моя первая встрѣча съ Керномъ, но я давно зналъ его имя. Онъ былъ одного экипажа съ офицерами Коварны и у него на ординарцахъ служилъ нашъ матросъ, штыкъ-бóутный¹⁾ Короткій.

Стало быть, знакомиться намъ было нечего. Къ тому-же Керинъ былъ добрейшая и простѣйшая душа.

¹⁾ Матросъ, который «береть, или отдаеть штыкъ-бóуть», то есть привязываетъ особой веревкой (она-то и есть штыкъ-бóуть) уголь паруса къ коверѣ, на повошь рифѣ. «Взять, или отдать рифъ» значить уменьшить, или увеличить площадь паруса. Другіе матросы дѣлають это, стоя на «пертакъ» особѣпо-подвизавныхъ къ реямъ веревкахъ; а штыкъ-бóутный сидитъ въ это время верхомъ на реѣ, потому что его дѣло труднѣе прочихъ. Штыкъ-бóутный навачають самаго ловнаго и расторопнаго матроса. На каждой реѣ находится по два штыкъ-бóутныхъ, на концахъ, и у нихъ по одному помощнику.

Мы направились туда и потому пошли по бастиону. Впереди нас, за транспортом, была группа и убил трех солдатъ. Изъ тотчасъ подняли и повесили штыкъ. Пришлось переть черезъ свѣжій капля крови, которая капала съ высоты. Доведа меня до горжи, Кернъ показалъ мнѣ, на гѣвомъ скатѣ кургана, остатки домиковъ, откуда непріятель отстрѣливался 6-го іюня (5-й стрѣлковый батальонъ Гарнѣ). Нельзя было безъ особеннаго пріятнаго чувства и волненія осматривать эту мѣстность, гдѣ такъ недавно русскій штыкъ уничтожилъ единственный успѣхъ непріятеля. На этихъ камняхъ, избитыхъ ядрами, такъ и читалось имя Хрудева и Свѣдъсъ...

У горжи я простился съ Керномъ. Онъ далъ мнѣ проводника, матроса 44 экипажа, Яковлева. Мы спустились внизъ, между домиками, и прошли въ Аполлонову балку, къ пристани, устроенной за водопроводомъ. На дорогѣ намъ попадались много солдатъ. Большая часть изъ нихъ была занята какимъ-нибудь дѣломъ. Одни, выкопавъ тутъ же, среди улицы, яму, вѣшали надъ нею котелокъ и варили кашу. Другіе что-нибудь тащили на батарею, или оттуда. Кому нечего было дѣлать, тѣ играли въ оранку. Это была любимая игра солдатъ самая же улица была ничто иное, какъ гора, безъ всякихъ правильныхъ очертаній, безъ столбовъ и тротуаровъ; нѣгде нѣсколько площадокъ и была изрѣзана мелкими канавами, размытыми дождемъ; когдѣ, по сторонамъ, выглядывали зеленые сады, также полные солдатами, въ бѣлыхъ рубахахъ. — У пристани я нашелъ еще болѣе народу и движенія. Тамъ «для порядку» торчалъ даже и жандармъ, но порядку большого не было. Между прочимъ происходила такая сцена: двое пьяныхъ матросовъ, приставшихъ къ берегу въ катерѣ, выгружали ядра, кидая ихъ на доски пристани, одно за другимъ, и явно скучая этой работой. Мудрено привезти ядро изъ Кіева въ Севастополь, по грязи нашихъ степей, по труднымъ горнымъ

дорогамъ Крыма. Бьется бѣдный крестьянинъ со своимъ чугунинымъ возомъ; бережетъ и чуть не обдуваетъ каждое ядрышко, какъ будто бы оно было золотое; онъ знаетъ, что съ него спросятъ строгій отчетъ въ его клажъ, при сдачѣ ея на Сѣверной пристани. Закричатъ на мужиченку тысячи голосовъ, совсѣмъ оглушать и перепугаютъ до смерти... по тутъ-же мигомъ и пропадетъ вся важность и цѣна ядеръ: ихъ свалатъ кое-какъ въ кучу и кончено! Кому дѣло, что они проѣхали очень много верстъ, что подъ ними дошли и валились сотни лошадей и воловъ...

Пьяные матросы, о которыхъ я сказалъ, думали объ этомъ еще меньше нежели кто-нибудь. Ядра, кидаемые ими, гремѣли по доскамъ и скатывались на берегъ, а шны, чуть не половина, падали въ воду. Жандармъ глядѣлъ во все глаза и былъ совершенно спокоенъ. По его понятіямъ, все обстояло благополучно.

Яковлевъ отыскалъ мнѣ яликъ, и я отправился на Коварну. Когда я пріѣхалъ, мнѣ сказали, что меня дожидается какой-то человекъ, присланный отъ Нахимова. Я сейчасъ-же велѣлъ его позвать: вошелъ малый лѣтъ 20-ти, остриженный въ кружокъ, въ черномъ долгополомъ сюртукъ, похожій болѣе всего на мѣщанина.

«Павелъ Степановичъ прислалъ къ вамъ, чтобы вы засвидѣтельствовали о моей личности» — заговорилъ онъ весьма проворно: «такъ-какъ вы изволите меня знать: я наборщикъ отъ Готье, Владиміра Ивановича, Гаврила Гамбургъ.»

Я не могъ припомнить его лица, но по распросамъ оказалось, что онъ дѣйствительно былъ въ Москвѣ и служилъ въ типографіи Готье, о чемъ я и увѣдомилъ немедленно Павла Степановича.

Исторія Гамбурга довольно затѣйна и отчасти знакомитъ

сь характеромъ Нахимова, а потому я и рѣшаюсь разсказать ее читателямъ.

Гамбургъ прибылъ въ Севастополь безъ всякаго вида и сталъ продавать въ Сѣверной балкѣ квасъ у какого-то солдата ¹⁾. Солдатъ мѣсяца два не спрашивалъ у него паспорта, но потомъ сталъ побавяться, какъ бы чего не случилось. Гамбургъ, конечно, и самъ былъ не покоенъ; но какъ и гдѣ добыть паспортъ и что дѣлать? Онъ придумывалъ разные способы, чтобы какъ-нибудь извернуться, а между тѣмъ продавалъ да продавалъ солдатскій квасъ.

Однажды я, по какому-то случаю, сѣдла на лошадь не тамъ, гдѣ мнѣ подавали ее обыкновенно, а подлѣ красной лавки Гамбурга.

«Кто это?» спросилъ онъ у моего кучера, когда я отѣхалъ. Тотъ ему сказалъ. «Да я ихъ зналъ еще въ Москвѣ и статьи для нихъ набиралъ...» онъ задумался — и тутъ же пришла ему мысль, архимедово «Еврика». Онъ съѣлъ въ яликъ, переплылъ на Южную сторону и явился къ Нахимову. Нахимовъ, какъ известно, выслушивалъ всѣхъ. Онъ выслушалъ и Гамбурга, который несъ ему околесную около часу, и между прочимъ сказалъ, что имѣлъ къ нему письма отъ двухъ профессоровъ Московскаго университета, но потерялъ ихъ дорогой, вмѣстѣ съ паспортомъ.

«Что-же значать потерянные письма? замѣтилъ ему адмиралъ: другое дѣло, если бы ты ихъ доставилъ!»

— Какъ что-же значать? отвѣчала проворный архимедъ безъ малѣйшей церемоніи: стало-быть вы не уважаете ни русской исторіи, ни словесности ²⁾.

¹⁾ Въ это время пристань уже была перенесена изъ Курной балки въ Стѣвную.

²⁾ Письма были отъ профессоръ исторіи и словесности.

«Каковъ-съ! (мнѣ рассказывалъ объ этомъ самъ Нахимовъ) я ему говорю о паспортѣ, а онъ толкуеть о какой-то словесности! Да еще что-съ? я спросилъ у него: ну, а какъ Москва? какъ духъ народа? — Трусы, говоритъ, все; также трусы, что не приведи Богъ... Какъ трусы? Въ Москвѣ трусы? И ты смѣешь это говорить?.. Ну, ужъ тутъ я не выдержалъ-съ, взялъ его за хохолъ!»

Такова была ихъ оригинальная беседа. Добрѣйшая душа Павелъ Степановичъ, подъ-конецъ, какъ водится, умилостивился и спросилъ, не знаетъ-ли онъ кого-нибудь въ Севастополѣ?

«Какъ-же, отвѣчалъ живо Гамбургъ: у меня есть знакомый офицеръ при штабѣ» и онъ назвалъ меня. Въ этомъ-то и была вся штука, архимедово «*Eureka*».

Нахимовъ отправилъ его тотчасъ ко мнѣ (о чемъ уже было сказано), а на другой день опредѣлилъ на 18-й номеръ батареи, однако просилъ меня написать въ Москву, дѣйствительно ли Гамбургъ состоялъ при типографіи Готье и отправляясь въ Севастополь, получалъ рекомендательныя письма. Я написалъ немедленно; мнѣ отвѣчали довольно скоро, что онъ просто-за-просто бѣжалъ, растративъ какія-то деньги...

Въ это время уже не было нашего добраго адмирала.

28 июня онъ былъ раненъ. Вотъ какъ случилось это несчастіе, погрузившее въ уныніе весь Севастополь.

Адмиралъ поѣхалъ, по своему обычаю, послѣ обѣда, осматривать бастионы.

Еще за обѣдомъ, въ продолженіи котораго былъ очень веселъ, онъ приказалъ адъютантамъ быть готовымъ, потому что па 3-мъ бастионѣ поднялась сильная стрѣльба. Впрочемъ, адъютанты были бы готовы и безъ приказанія: адмиралъ ѣздивъ почти всякій день, болѣею частію не предупреждая объ этомъ

никого, а просто, отдохнувъ послѣ обѣда, говорилъ: «ну-съ, на коней-съ!» Всѣ выходили и сѣдлись.

Пожалуй можно разсказать любителямъ примѣчаній, что въ этотъ разъ, за обѣдомъ, кто-то пролилъ по столу красное вино передъ самымъ адмираломъ. Онъ взглянулъ на фигуру пятна и замѣтилъ: «посмотрите, какъ странно: буторъ и кресты!» — Всѣ взглянули и нашли это сходство, но промолчали.

Адмиралъ однако же выѣхалъ веселымъ.

Прибывъ на 3-е отдѣленіе, онъ осмотрѣлъ всѣ батареи и побѣхалъ на Малаховъ.

Начальникъ 4-го отдѣленія Кернъ былъ въ это время у все-нощной ¹⁾. Вдругъ ему докладываютъ о пріѣздѣ адмирала. Кернъ вышелъ къ нему на-встрѣчу. Нахимовъ отправился прямо на гауссисную батарею, вѣѣзъ на одинъ банкетъ и взявъ трубу, сталъ смотрѣть, высунувшись, какъ обыкновенно, изъ за вала, и показывая непріятелямъ свои густые шпалеты. Кернъ молчалъ, но когда адмиралъ поднялся на банкетъ у слѣдующаго орудія, рядомъ съ первымъ, и снова сталъ смотрѣть въ трубу, — Кернъ рѣшился ему замѣтить, что съ этого банкета видно тоже самое, что и съ перваго. Нахимовъ однако же продолжалъ глядѣть. «Не угодно-ли вамъ отслушать все-нощную?» сказалъ ему потомъ Кернъ. — А вотъ сейчасъ, я приду-съ! вы ступайте! — Кернъ, разумѣется, не пошелъ. Адмиралъ смотрѣлъ довольно долго и часто высовывался. «Да не высовывайтесь, ваше высокопревосходительство!» сказалъ ему Кернъ. — Ничего-съ, вѣдь они плохо стрѣляютъ, отвѣчалъ Нахимовъ ²⁾. «Однако!» замѣтилъ Кернъ. Въ это время

¹⁾ Это случилось наканунѣ Петра и Павла, и вмѣстѣ Керновой свадьбы.

²⁾ Обыкновенный его отвѣтъ въ такихъ случаяхъ былъ: «не всякая пуля въ лобъ-съ!» Нужно-же было, чтобы пуля, назначенная ему, именно попала въ лобъ!

пуля ударила въ мѣшокъ. Адмиралъ все-таки продолжалъ смотрѣть. Потомъ отдалъ трубу и сталъ сходить съ банкета, какъ вдругъ вахтенный, прижавшій трубу и тотчасъ приставившій ее къ глазу, забормоталъ какъ бы про себя: «ишь какъ ловко зацѣпила! вонъ какъ!» онъ говорилъ о бомбѣ, пущенной отъ насъ по нучкѣ Англичанъ, несшихъ фашишникъ. Это было роковое мгновеніе и роковыя слова. Нахимовъ остановился... и вдругъ упалъ на правый бокъ такъ быстро, что никто не успѣлъ подбѣжать и принять его на руки. Пуля попала ему въ лобъ, надъ лѣвымъ глазомъ, пробила черепъ и вышла около лѣваго уха. Кервь бросился къ нему первый: адмиралъ пропалъ что-то невнятное... Съ этого времени онъ уже не говорилъ ни слова.

Ту же минуту сдѣлали перевязку и повезли адмирала на солдатскихъ носилкахъ въ Аполлонову балку. Кому-то вздумалось отвезти его на Сѣверную — всѣ согласились и повезли, сперва на вольномъ явнкѣ, а потомъ, уже на пути, пересѣли въ катеръ, посланный съ парохода Владимиръ и прибывши въ бараки. Съ трудомъ нашли свободную комнату. Всѣ медики, какіе только были на-лицо, явились тутъ, и сдѣлана другая перевязка: изъ раны вынуто 16 косточекъ и къ головѣ приложенъ ледъ.

Объ этомъ лѣдѣ ходили странные слухи. Говорили, что одинъ изъ бывшихъ адъютантовъ Нахимова, лейтенантъ Шкоттъ, съѣздивъ въ семь часовъ времени въ Симферополь (туда и обратно 120 верстъ) и привезъ льду, поливая его на дорогѣ эфиромъ.

Это былъ совершенно вымышленный рассказъ, одинъ изъ тѣхъ неизбежныхъ и далеко не случайныхъ рассказовъ, которые, такъ сказать, роятся и носятся въ воздухѣ вокругъ всякихъ серьезныхъ и замѣчательныхъ событій. Не мѣшаетъ прислушиваться къ этимъ неизвѣстно чьимъ созданіямъ, ибо

въ нихъ нерѣдко яснѣе отражается истина, нежели въ яномъ безукоризненнѣйшемъ повѣствованіи, оставленномъ по самымъ вѣрнымъ источникамъ.

За льдомъ никто не ѣздилъ; Шкотта даже не было въ это время въ Севастополѣ. Ледъ достали въ Корабельной, въ трактирѣ «Ростой на Дону.» Замѣчательно только, что это былъ *последній* ледъ.

Грустная вѣсть мгновенно разнеслась по холмамъ Севастополя. Сколько ни старались скрывать, не скрыли ничего. Всѣ видѣли, какъ провели его лошадей; какъ проскакали его адъютанты... говорили разное: кто говорилъ — «убить», кто — «ранить.» Я находился въ это время въ городѣ; сколько могу припомнить, былъ 7-й часъ. Народъ бѣжалъ къ Граевской пристани, ожидая, что адмирала повезутъ съ Малахова домой; но кто-то сказалъ, что его отвезли въ Михайловскую батарею. Я бросился туда, прямо къ старшему офицеру. Бываютъ всякіе чудачки на свѣтѣ. Этотъ любилъ во всѣхъ случаяхъ начинать ab ovo. «Скажите, вы слышали?..» спросилъ я, найдя его на дворѣ, гдѣ толпилось еще нѣсколько офицеровъ и матросовъ и я уже по ихъ лицамъ видѣлъ, что имъ все извѣстно. «А вотъ пойдемте ко мнѣ и тамъ поговоримъ какъ слѣдуетъ», сказалъ онъ таинственно — и мы пошли по длиннымъ лѣстницамъ и корридорамъ батарей. Онъ привелъ меня въ свою комнату, усадилъ въ кресла, сѣлъ самъ черезъ столъ напротивъ и набивая важно и медленно трубку, произнесъ съ нѣкоторыми разстановками: «да... это точно... Греки сражались... Римляне сражались»...

— Боже мой, какіе тутъ Греки и Римляне! скажите, гдѣ адмиралъ?

«Ничего не знаю!»

— Чтожь вы не сказали мнѣ объ этомъ еще на дворѣ?

Я побѣжалъ изъ батарей и тотчасъ наткнулся на адмиральскаго флагъ-офицера Фельдгаузена, который скакалъ во весь опоръ въ Михайловское укрѣпленіе.

— Пойдите, скажите, гдѣ адмиралъ?

— Въ Сѣверныхъ баракахъ...

Я пошелъ туда, но уже стемнѣло. Одинъ баракъ горѣлъ яркими огнями. Кругомъ толпились народъ. Окно было растворено. Я взглянулъ: комната полна докторами. Адьютанты адмирала стояли, утирая слезы. Онъ лежалъ въ одной сорочкѣ, съ закрытыми глазами, тяжело дыша и слегка поводя рукой... надежды было немного ¹⁾.

На другой день (это были послѣднія именовны адмирала и вотъ какъ онъ ихъ встрѣчалъ!) отправляясь въ лагерь, я заѣхалъ къ Нахиму: ему, казалось, было лучше. Онъ открывалъ глаза и останавливалъ ихъ на входящихъ, повидному, безъ всякой мысли. Едвали онъ кого-нибудь узнавалъ.

Въ 1-й часу трого же дня, возвращаясь изъ лагера, я заѣхалъ опять въ бараки: больному было еще лучше. Миѣ сказали, что онъ вставалъ съ постели, разумѣется съ помощью другихъ; указалъ на саногн — ему подали и онъ надѣлъ ихъ. Показалъ на шею: ему подвязали галстукъ; показалъ на плечи — ему нацѣпили шинель,

И въ такомъ положеніи онъ остался вѣрнѣ своимъ привычкамъ: поднявшись съ постели, онъ обыкновенно одѣвался ту же минуту.

Миѣ рассказали еще, что онъ уже не срывалъ повязку, какъ накануне, и если трогалъ ее, то весьма осторожно. Казалось, онъ сталъ приходить къ большему сознанию. Для насъ блеснула-было надежда... но къ утру 30-го ему стало

¹⁾ Я срисовалъ его тогда. Этотъ портретъ, найденный схожимъ, приложенъ къ Морскому Сборнику, 1856, № 1, январь.

хуже. Я нашел его лежащим не прямо, как въ тѣ дни, а бокомъ. Онъ очень тяжело и часто дышалъ. Въ 10 часовъ съ четвертью Нахимовъ не стало.

Я подѣхалъ, около полуночи, въ баракъ и увидѣлъ обнушенную веревку, которой было отблесено заданіе друтомъ, чтобы никто не подѣзжалъ ближе десяти сажанъ. Караульные не стало: я издали все пональ...

Во второмъ часу, барказъ, буксируемый двумя катерами (какъ катати взволновалось вмѣстѣ съ нами и стонало сибое море, потерявшее послѣдняго адмирала старымъ временемъ и старой славы) — везъ тѣло съ Сѣверной стороны на Грасскую пристань. Народъ, заиычая далеко почальный барказъ, съ крестомъ и священникомъ на носу, отоварася въ пристани толпами, снимая шапки и крестясь. Адмирала Пашеловъ съ офицерами принялъ тѣло и отнесъ въ домъ, гдѣ тотчасъ отслужили панихиду. Покойнаго покрыли флагомъ съ корабля «Императрица Марія», на которомъ онъ дрался въ Сивкопскій бой. Флагъ былъ пробить въ вѣсколькихъ мѣстахъ (драми¹⁾). Потомъ было объявлено, что все желающіе могутъ протатся. Одинъ за другимъ стали входить въ комнату матросы, солдаты и простые обыватели. Было много и женщинъ. Между ними я увидѣлъ въ первый разъ Прасковью Ивановну Грассову, о которой впоследствии скажу нѣскольکو словъ.

Адмиралъ до слѣдующаго дня лежалъ на столѣ какъ живой. Но утромъ 1-го юля, когда его положили въ гробъ, онъ очень измѣнился. Пришлось закрыть лицо покрываломъ. Въ головатъ утвердили три флага: контръ-адмиральскій, вице-адмиральскій и адмиральскій. На стѣнахъ комнаты, противъ обыкновенія,

¹⁾ Художественный Листокъ, 1856, № 19.

оставили висѣвшія на нихъ всегда картинки: портретъ Лазарева и фрегатъ «Крейсеръ» въ бурю ¹⁾.

Въ 6 часовъ вечера (1 июля) былъ назначенъ выносъ. Прибылъ главнокомандующій со штабомъ. Тѣло вынесли изъ дому адъютанты покойнаго и пронесли въ Михайловскій соборъ, между двумя батальонами матросовъ и солдатъ, стоявшихъ вдоль улицы подъ ружьемъ. Густыя толпы народа покрыли бульваръ Казарскаго и всѣ окрестныя высоты. Едвали Севастополь, даже и въ мирное время, видалъ когда-нибудь на своихъ холмахъ столько народа, сколько стеклось на погребеніе Нахимова. Непрiятель не стрѣлялъ. Даже распространился слухъ, что англійскіе корабли скрестили реи и спустили флаги, но кажется этого не было ²⁾.

По окончаніи службы матросамъ было дозволено проститься. Они стали подходить по два въ рядъ, протанувшись по улицѣ длинной шеренгой, и прощались около часу. Потомъ тѣло понесли въ гору; тронулась артиллерія; пушки насылу възъехали на крутой бугоръ... и тутъ я увидѣлъ опять странную Прасковью Ивановну, подъ руку съ однимъ генераломъ.

Нахимова положили не подалеку отъ Библиотеки, подлѣ трехъ другихъ адмираловъ: Лазарева, Корнилова и Истомина, на томъ мѣстѣ, гдѣ заложенъ храмъ св. Владиміра. Кругомъ тѣснились рыдающіе матросы. Всякому хотѣлось бросить горсть земли... и вотъ прогрябли почетные захпы...

Едва разошлись толпы, какъ въ бухту полетѣли снова ракеты и бомбы.

¹⁾ Нахимовъ совершилъ на Крейсере кругосвѣтное плаваніе, подлѣ командой Лазарева, тогда еще капитана.

²⁾ Намъ, стоявшимъ тогда въ улицѣ, было не видно моря. А когда мы поднялись на гору, вслѣдъ за гробомъ, было уже 8 часовъ — время, когда на морѣ кончаются всѣ церемоніи.

Съ тѣхъ поръ прошло два года. Въ это время, да и во время самой осады, о Нахимовѣ ходили весьма разнообразныя толки. «Трудно, скажу словами Гизо, говорить объ умершихъ, даже и о самыхъ лучшихъ, когда еще громко выражаются чувства вокругъ ихъ бранныя останковы, и кажется, что сами они еще тутъ, и прислушиваются къ рѣчи, о нихъ произносимой!»¹⁾

Два года ровно ничего не значать для исторiи.

Вотъ что покажётся и рѣшаюсь сказать о нашемъ добромъ адмиралѣ Нахимовѣ.

Начиная говорить объ немъ, слово «добрый» надо поставить на самомъ первомъ мѣстѣ. Необыкновенная, истинная доброта озаряла теплымъ и вѣстѣ могущественнымъ свѣтомъ всю жизнь Павла Степановича. Она сглаживала всѣ неровности и странности его характера. Она дополняла то, чего не доставало въ другихъ способностяхъ.

Нахимовъ казался человѣкомъ довольно-обыкновенныхъ дарованiй. Физиономiя его не представляла ничего такого, что сейчасъ бросается въ глаза въ «выбравныхъ фигурахъ»: среднiй ростъ; немного полное, сырое тѣлосложенiе; самое добродушное лицо; тихiй взглядъ; малая походка; совѣсть незатѣйливая рѣчь.

Однако-же какъ-то случилось, что его, этого простаго и скромнаго человѣка, всѣ знали и любили больше, нежели другихъ, блестящихъ и бойкихъ, одаренныхъ, можетъ-быть, высшими способностями духа. Какъ-же это случилось?

Объясненiе загадки прежде всего скрывается въ той рѣдкой, исключительной добротѣ и задушевности, о которыхъ я уже сказалъ.

¹⁾ Статья Гизо: Sir Robert Peel, Revue des deux Mondes, 15 mai, 1856.

Съ первыхъ чиновъ и до послѣдняго, адмиральскаго, Нахимовъ держалъ себя со всѣми просто и одинаково. Когда кругомъ все дѣлалось иначе; когда большинство, по мѣрѣ повыше-ній, уходило вдале и подчасъ становилось вовсе недосыгаемымъ, — Нахимовъ былъ все тотъ же простой, бездемонный Павелъ Степановичъ Нахимовъ, душа-товарищъ, отецъ-командиръ, всегда и всѣмъ доступный.

Сначала все это выходило у него такъ, само собою, вслѣдствіе природныхъ свойствъ и требованій души. Но потомъ онъ увидѣлъ, что быть доступнымъ и выслушивать терпѣливо каждаго есть дѣло очень важное, есть первая и священная обязанность добросовѣстнаго начальника, и сталъ держаться крѣпко того способа обращенія съ равными и подчиненными, какой ему давно подсказало сердце.

Относительно этой доступности и простоты ходитъ объ немъ столько разсказовъ, что не знаешь, что выбрать. Истина перемѣшалась съ вымыслами, и съ этой стороны Нахимовъ становится мпощескимъ лицомъ небывалаго времени.

Но должно сказать правду: въ этой безконечно доброй и нѣжной душѣ таились необъяснимые недостатки и странности, какія-то дикія, болѣзненные вспышки: Нахимовъ вдругъ становился придирчивъ, раздражителенъ, шумѣлъ и кричалъ, и домъ его, обыкновенно ясный, тихій и привлекательный, вдругъ получалъ какой-то сумрачный характеръ.

Къ счастью это бывало не надолго, и Павелъ Степановичъ уже замѣчалъ оидеру: «Что это вы нарядились какъ китайскій императоръ! На что этотъ киверъ, помидуйте-сь! Небось двухъ-мѣсячное содержаніе пошло на одинъ киверъ!»

Даже случалось, что онъ, стараясь изгладить мгновенную вспышку, переходилъ въ своей нетребовательности надлежащую черту, какъ постоянно бываетъ съ первыми характерами.

Случались другія необъяснимыя минуты, когда Нахимову приходила фантазія спорчить генерала въ общепринятомъ духѣ, поддѣлываясь подъ ладъ рѣчей, какія говорились другомъ, — но выходило далеко не то, чего ему хотѣлось. Говоря тогда напыщенно-таинственнымъ тономъ, почти шепотомъ, онъ тутъ же бужалъ съ плеча какую-нибудь слишкомъ откровенную матросскую штуку, и знать не хотѣлъ, что все это виѣсть куда какъ не ладилось. Напротивъ; въ припадкѣ таинъ комедій, онъ постоянно воображалъ, что претолчило веѣвъ морочить...

Но и это было не надолго и потому; подобныя переходы и неровности не сглаживали общему, пріятному впечатлѣнію. Нахимовъ любилъ и считалъ за счастье слушать у него подъ командой, несмотря даже и на то, что онъ, выступивъ въ море, терпѣть не могъ заходить въ портъ и мучилъ войтъ безвредными эволюціями. Онъ любилъ пребываніе въ морѣ больше, чѣмъ на сушѣ: онъ чувствовалъ тамъ себя несравненно ловчѣе...

Синопскій бой¹⁾ придавалъ Нахимову еще больше значенія. До той поры онъ былъ только добрымъ начальникомъ, любезнымъ одному, Севастополю, а подлѣ Синопа обдѣлался и звѣстегъ веѣмъ. Любимое Черномордіе для него зардилось славой.

Само собою разумѣется, что съ этой минуты начали отыскивать въ героѣ геройскія свойства. Даже въ его тихихъ чертахъ находили нѣчто особенное и выразительное.

А Нахимовъ былъ все тотъ-же Павелъ Степановичъ Нахимовъ, простой и задушевный. Онъ мало заботился о своей славѣ и никакъ не думалъ, что объ немъ, старикѣ, такъ много сочиняють и хлопочуть.

И вотъ начался для него другой Синопскій бой, — продолжительный, безконечный.

¹⁾ Художественный Листокъ 1854, № 7, и 1855, № 27.

Нахимовъ примѣнилъ къ новой стихіи, къ сухопутнымъ батареямъ, все то, что выработалъ на морѣ. Онъ показалъ себя точно такимъ-же доступнымъ и спускательнымъ начальникомъ для солдатъ, какимъ былъ для матросовъ. Это придадо ему еще больше народности. Конечно, во время осады, не было въ Севастополѣ ни одного человѣка, кто бы не зналъ имени Нахимова. Бабы на базарѣ, торговавшія лукомъ и огурцами, и тѣ толковали о Нахимовѣ. Большинство Севастопольскаго народонаселенія знало его въ лицо.

Въ особенности онъ былъ народенъ на батареяхъ. «Ребята, отецъ матросовъ идетъ!» говорили матросы, завидѣвъ его издали. Такъ-какъ батареи были накрыты траншеями и разгорожены траверсами, то прислугѣ у орудій, когда она встрѣчала Нахимова, никакъ нельзя было узнать, видѣлся-ли онъ передъ тѣмъ съ батарейнымъ командиромъ, или нѣтъ, и потому Нахимовъ, пользуясь этимъ, начиналъ обыкновенно съ ободреній: «Хорошо, ребята! Спасибо! Я сейчасъ видѣлъ вашего командира (а можетъ вовсе не видѣлъ: командиръ могъ находиться на другомъ фасѣ батареи) — онъ хвалилъ мнѣ вашу службу; молодцы!»

Кажется, чего проще этихъ словъ, а между тѣмъ очень немногіе ободряли солдатъ такимъ образомъ. Множество подобныхъ, повидному незначительныхъ вещей выставляли Нахимова рельефою для простаго человѣка.

При каждомъ посѣщеніи батареи онъ имѣлъ случай сблизиться съ народомъ больше и больше. Ту-же минуту къ нему подходилъ какой-нибудь изъ комендоровъ и дѣлалъ нѣсколько замѣчаній объ орудіи, пѣз котораго стрѣлялъ. Разумѣется, кому же лучше знать свое орудіе, какъ не тому, кто цѣлый мѣсяцъ, или больше, наводитъ его на одну и ту же точку? Кому лучше видѣть всякую малѣйшую переиѣну въ извѣст-

номъ, небольшомъ пространствѣ поля, какъ не тому, кто смотритъ туда дни и ночи направленнымъ окомъ, и выучилъ наизусть всѣ бугорки и рытвины? Тутъ ровно ничего не значить свѣжій человекъ, въ какомъ бы онъ ни былъ чинѣ, и хотя бы обладалъ зрѣніемъ телескопа. Тутъ адмиралъ пасуетъ передъ послѣднимъ матросомъ. Нахимовъ понималъ это лучше иного генія. Съ простотой и довѣрчивостью ученика выслушивалъ онъ комендора-профессора, смотрѣлъ, соображалъ и тотчасъ приказывалъ исполнить всякій дѣльный совѣтъ и замѣчаніе.

Конечно, не безъ того, чтобы ему, не приходилось выслушивать иногда совершенныхъ пустяковъ. Но въ этомъ-то и была его заслуга: всякій бы пошелъ на одни дѣльные совѣты, а Нахимовъ выслушивалъ все, всякую неслѣпицу до конца, дожидаясь, не будетъ ли и тутъ хоть одного пригоднаго къ чему-нибудь слова, и часто, выслушавъ разскащика, говорилъ: «дуракъ, шчего пе смыслишь! вотъ какъ велю тебѣ дать 25 леньковъ, такъ и узнаешь, какъ беспокоить начальнииа такимъ вздоромъ!»

Съ адъютантами своими адмиралъ обращался какъ съ дѣтьми. Сто разъ на дню побываетъ у нихъ въ комнатахъ. Иногда простишься съ нимъ совѣтъ; зайдешь къ его флагъ-дѣтамъ, глядь: и онъ бѣжитъ туда-же, и заговаривается съ вами еще на полчаса.

Нахимовъ сильно не любилъ письма и всякихъ счетовъ. «Вотъ, сказалъ онъ мнѣ однажды: возненавидѣлъ своего роднаго племянника за то, что онъ всякій дѣнь является вотъ съ эдакимъ портфелемъ! Заваливаютъ-сь! Гдѣ-бы можно прислать казака, тутъ ишутъ въ три листа бумагу, и читай, когда надо дѣлать, дѣлать!»

Деньги его и всѣ домашніе счета были на рукахъ одного изъ его адъютантовъ, Фельдгаузена, весьма молодого человека,

котораго Нахимовъ очень любилъ. Впрочемъ, онъ любилъ всѣхъ своихъ флагъ-офицеровъ и всѣ они казались ему почти одинаково хороши.

Въ числѣ загадочныхъ странностей этого почтеннаго чело-вѣка можно упомянуть еще о томъ, что онъ постоянно ходилъ въ сюртукъ и въ эполетахъ въ то время, когда они совершенно вышли изъ употребленія въ Севастополѣ. Онъ былъ одинъ, носившій тогда эполеты. Ближайшіе къ нему объясняли это тѣмъ, что будто бы онъ рядился для внушенія солдатамъ бодрости, чтобы видѣли, что у насъ все еще въ порядкѣ. Кажется, это такъ. Онъ и прежде приписывалъ эполетамъ магическое дѣйствіе. Въ Синопскій бой Нахимовъ былъ въ вицмундирѣ и во всѣхъ орденахъ. Замѣтивъ одного мичмана въ старомъ сюртукѣ, онъ послалъ его переодѣться. Покойникъ Истоминъ велъ себя въ этомъ отношеніи точно такъ же. О немъ говорили, что онъ и спитъ въ эполетахъ.

Нахимовъ не позволялъ почему-то снимать съ себя портрета, называя это тщеславіемъ, хотя тутъ крылось что-нибудь другое. Когда просили его объ этомъ, онъ говорилъ: « что рисовать меня старика, вотъ рисуйте А — ва! »

Да едвали, въ самомъ дѣлѣ, можно было снять его точь-въ-точь, такимъ, какимъ мы его видали. Значеніе, которое имѣлъ Нахимовъ въ Севастополѣ, заставляло несколько не думать о его сюртукѣ съ дымчатыми, старыми эполетами; не смотрѣть на его короткія брючки; не видать его оригинально подбритыхъ и подстриженныхъ усовъ.

Будучи произведенъ въ полные адмиралы, онъ носилъ все тѣ же дымчатые контръ-адмиральскіе эполеты, которые были старше Чернаго моря. Когда его стали хорошить, ему надѣли цовые эполеты, найденные въ комодѣ, но и тѣ были еще однимъ чиномъ.

Въ заключеніе замѣчу, что Нахимовъ не любилъ женщинъ. Было-ли это слѣдствіемъ особенныхъ условій характера и воспитанія, или другихъ какихъ причинъ, — рѣшить трудно. Иные объясняютъ это неудачами въ любви, которыя горько отозвались въ такомъ нѣжномъ сердцѣ, весь вѣкъ стремившемся любить. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ словахъ его и поступкахъ прорывалось иногда нѣчто такое, что допускаетъ подобныя объясненія. Павелъ Степановичъ постоянно остерегалъ молодыхъ людей отъ опасныхъ сближеній съ хорошенькими, и если замѣчалъ, что кто-нибудь изъ подчиненныхъ ему офицеровъ начинаетъ увлекаться, отъ не отходилъ отъ него ни на шагъ и старался всѣми мѣрами, дружескими и начальническими, разсѣять увлеченіе въ самомъ зародышѣ. Иногда говорилъ прямо: «убѣжайте, она васъ погубитъ, я ужь знаю»...

Въ послѣднее время, будучи губернаторомъ Севастополя, онъ совершенно нечаянно отплатилъ своимъ неприятельщикамъ за всѣ безпорядки, занесенныя ими во флотъ: онъ выслалъ ихъ изъ города и даже запретилъ имъ жить на военныхъ судахъ.

Говорятъ, однажды, встретивъ на Южной сторонѣ какую-то случайно залетѣвшую птицу, онъ рѣшился ей замѣтить: «вамъ, можетъ быть, не на чѣмъ отсюда перебраться? Не угодно-ли и прикажу дать гичку!»

Дамы сердились на него за такой остракизмъ, представлявшійся имъ рѣшительнымъ притѣсненіемъ. А когда умеръ, всѣ онѣ заплакали о немъ прежде насъ и пошли поклониться его праху.

Таковъ былъ Нахимовъ. Доброта-ли его, скрытые-ли проблески гениа, который, какъ алмазъ, таятся иногда подъ непроницаемой корою, или наконецъ, подготовленны къ тому обстоятельства времени, только имя Нахимова стало для насъ дорогимъ импечемъ, и ни одна потеря, кромѣ потери самого Сева-

стополя, не отозвалась такъ во всѣхъ сердцахъ, какъ смерть незабвеннаго адмирала, честно и добросовѣстно отслужившаго свою службу Россіи. Ни однѣ похороны не справлялись въ Севастополѣ такъ, какъ похороны Нахимова. Онъ привлекъ сердца всѣхъ. Объ немъ говорили, страдали и плакали не только мы, на холмахъ, орошенныхъ его кровью, но и вездѣ, во всѣхъ отдаленныхъ уголкахъ безконечной Россіи. Вотъ гдѣ его Синопская побѣда!

●

Юль мѣсяць. — Концертъ Воробейчина. — Нѣсколько обывденныхъ случаевъ на бастіонахъ. — Смерть Прасковьи Ивановны Графовой. — Бѣглый очеркъ ея Семастопольской жизни. — Саранча. — Приготовленія къ битвѣ на Черной рѣчкѣ. — Мнѣнія Хрулева. — Отъѣздъ на Мемельскую гору. — Бивакъ. — Ночь. — Посѣща союзынцовъ. — Битва 4-го августа. — Пржевій Александръ Ивановичъ. — Уходъ за ранеными.

Юль начался и прошелъ безъ всякихъ особенныхъ событій.

Изъ числа частныхъ, немного выдающихся происшествій, можно упомянуть о свадьбѣ одного офицера Охотскаго полка: онъ выписалъ къ себѣ невесту изъ Волынской губерніи. Какіе хлопотъ и безпокойствъ стояло ей проклять это пространство при тогдашнемъ разстройствѣ станцій! Молодые поселились на Сѣверной сторонѣ и устроили у себя пріемный салонъ изъ четырехъ офицерскихъ палатокъ. Дѣло было не совсѣмъ

обыкновенное для осажденнаго города, а потому и салонъ казался необыкновеннымъ, и въ немъ засиживались необыкновенно долго за чаемъ и за картами.

Воробейчикъ далъ 10-го числа концертъ на Павловскомъ мыскѣ, въ пользу раненныхъ. Народу собралось человекъ 300. Онъ сталъ думать о другомъ концертѣ, въ залѣ Собранія, нѣсколько пошире и позамысловатѣе. Мы уже толковали о выборѣ шестъ. Я обещалъ ему напечатать въ Штабѣ афишки и билеты... какъ вдругъ онъ получилъ приказаніе готовить музыкантовъ совсѣмъ къ другому концерту. Стали говорить о намѣреніи главнокомандующаго открыть наступательное движеніе со стороны Черной рѣчки. Мы были въ это время въ самыхъ большихъ силахъ, въ какихъ не были ни прежде, ни послѣ. Но вѣрнаго объ этомъ движеніи не зналъ никто, и потому, поговоривъ нѣсколько дней, всѣ уюлики, и обратились опять къ Севастополю.

Мы, фрегатскіе, вели все ту-же, довольно регулярную жизнь: ѣздая на Южную, заглядывали на Сѣверный базаръ; устраивали прогулки къ Волоховой башнѣ¹⁾, чтобы видѣть закатъ солнца въ море. По временамъ являлись къ намъ бастионные пріятели, отдохнуть на денекъ, на два, или хоть на нѣсколько часовъ. Ради дорогихъ гостей, всякій разъ придумывалось какое-нибудь прибавленіе въ столъ: пирогъ, паштетъ, и послѣ обѣда шоколадъ, вмѣсто обычнаго кофею.

Сколько по этому поводу припоминается мелочей, которыя въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ были бы конечно забыты. Я помню, съ какимъ удовольствіемъ ходили мы съ однимъ офицеромъ отыскивать живыхъ поросятъ въ Сухую балку...

¹⁾ Волохова башня стояла неподалеку отъ берега моря, вправо отъ Константиновской батареи.

Отъ чего все это такъ живо и крѣпко въ памяти? Или наши чувства, среди тревога, напрягаются сильнѣе, и этотъ подавленный страхъ и пританцованая гдѣ-то приваиваемость къ существованію, пробиваются наружу въ такихъ мелкихъ интересахъ, и могутъ дать цѣну самымъ ничтожнымъ явлениямъ жизни?

Въ числѣ батареинныхъ поствителей пришелъ къ намъ однажды, въ половинѣ іюля, братъ нашего штурманскаго общера, служившій на 6-мъ бастионѣ, и разсказалъ за чаемъ нѣсколько обыденныхъ происшествій того времени.

Былъ у нихъ матросъ 86-го экипажа Зелинскій, состоявшій комендоромъ при 8-мъ орудіи. Онъ сталъ съ баснословной мѣткостью стрѣльба изъ своего орудія. Однажды, стрѣляя бомбами по старой 9-ти-орудійной неприятельской батарее, находившейся въ 800-хъ сажняхъ отъ бастиона, онъ засыпалъ четыре амбразуры, одну за другой, причемъ у одного орудія подбѣжалъ станокъ. Начальникъ отряда, видѣвши это, далъ Зелинскому три рубля серебромъ, батареинный командиръ два, одинъ изъ постороннихъ общероу — штырь. «Ну, ребята, теперь покутите!» сказалъ ликовавшій командиръ своимъ товарищамъ, прислугѣ того же орудія¹⁾, и уловивъ свободную минуту, отправился съ ними въ ближайшій трактиръ выпить водки, а до тѣхъ поръ онъ не пилъ ни капли. Стали гулять. Деньги у Зелинскаго лежали подъ фуражкой, на скамьѣ. Когда пришлось расплачиваться, онъ хватъ, а денегъ нѣтъ! «Что же, братцы, вы меня обижать? нѣтъ, я не позволю!» И съ этимъ словомъ баць одного подозрительнаго. Пьяные матросы кинулись на угощателя и порядочно его помали. Зелинскій воротился на бастионъ послѣднимъ, весь въ крови, и еще не совсѣмъ

¹⁾ У каждаго орудія должно быть 12 человекъ прислуги, которая называется номерами: № 1-я, № 2-я и т. д. У бомбическаго орудія 16 номеровъ.

травил; упалъ на свое орудіе, заплакалъ и сказалъ: «Только ты меня не обижай!» Батареинный командиръ велѣлъ его убрать. Матросы подошли, какъ вдругъ Зелинскій размахнулся и замахнулъ однимъ совѣмъ... на другой день ему дали 500 леньковъ. Матросы не охотно исполняли наказаніе, говоря, что они все его прощаютъ. «Да что себѣ не прощаю! сказалъ имъ Зелинскій: эхъ, братья, спасибо еще, что помиловали: не то бы со мною надо сдѣлать, а побѣдить въ амбразуру и убить изъ рукъ!»

Послѣ того онъ сталъ по прежнему стрѣлять изъ своего орудія, — и въ ротъ ни капли.

Случалось иногда, что онъ былъ не доволенъ своими выстрѣлами, или выстрѣлами товарищей, и ночью пробирался ползкомъ за валъ, мимо неприятельскихъ секретовъ, и тамъ слѣдилъ за нашими выстрѣлами. «Гадко, ребята, Французъ смѣется!» говорилъ онъ, воротясь на бастионъ, весь въ слезахъ: «бери правѣе, вотъ по этому буру! черезъ четверть часа я тамъ буду!» и опять уползалъ за ложементы. «Ну вотъ, такъ хорошо!» говорилъ онъ воротясь снова: «Французъ ушелъ!» а иногда говорилъ: «опять гадко: совѣмъ не туда!»

Зелинскій былъ 5 разъ контужемъ, но не уходилъ съ бастиона.

Однажды ранно его обожгло пуля, разбившейся объ орудіе. Пришлось отпраматься на перевязочный пунктъ, котораго матросы и солдаты боялись пуще Бога знаетъ чего¹⁾. Ему сдѣлали перевязку и велѣли придти на другой день показать. «Нить! шутникъ! больше не приду!» и въ самомъ дѣлѣ не

¹⁾ Еще больше боялись они Гущина дома (близъ бульвара Казарскаго, между Екатерининской и Морскою улицами) куда велѣно было относить безнадельныя.

пошел; стал приманивать рану водою и водкой — и она зажила.

Другой матрос, Басин, брал раны пулей в голову, так, что она прошла до черепка, отошла до затылка, перешла до кости. Его отосла на паровозный пункт, сделал провяжку и ошью на тот же день, стал опять проситься на бастионъ. «Да куда ты там, голыш-о? ты вода жидка», сказали ему. «Нить ужь, пустите, заставьте васъ Богъ молить». Его отпустили и ошью больше не явился; лечил голову вапито своими протираниями, какъ говоритъ «траншея-судебною» и рана закрылась безъ шововъ, по шитью.

Былъ еще на 8-мъ бастионѣ матросъ Самсоновъ, служивый до крайности.

Надо знать, что солдаты, казачество и стрелки на бастионѣ, бывали всегда, на первыхъ порахъ, трусоватые матросовъ, обстрелянныхъ съ самаго начала.

Самсоновъ, замечая однажды, что много стрелковъ и пушекъ, слышалъ издали, шурша къ нему, и бросилъ къ нимъ и сталъ для ублаженія стрелковъ и пушекъ. «Богъ захочетъ сохранить», и началъ шурша. «Да ты вотъ сидь на валу, да оттуда и разговаривай!» «Отвѣтъ ему» одинъ затѣйливый солдатъ. Самсоновъ, не возвращая ни слова, ту же минуту взобрался на валъ, сѣлъ къ неприятелю задомъ и закурилъ трубку. Онъ сидѣлъ нѣсколько минутъ, осыпанный пулями, пока батарейный командиръ не приказалъ ему слѣзть, чему, вѣроятно, былъ радъ и онъ самъ, и товарищи, любившіе Самсоновъ, какъ исправнаго и лилаго матроса.

Еще случалось такое происшествіе и все на томъ же 6-мъ бастионѣ.

Солдатамъ и матросамъ работающимъ въ траншеяхъ, за валомъ, постоянно запрещалось возвращаться на бастионъ черезъ амбразуры, а они, какъ водится, все-таки возвращались.

Однажды ночью, солдатъ, работавшій во рву, вздумалъ во-
ротиться этимъ сокращеннымъ способомъ. Часовой, стоявшій
въ амбразуру, окликнулъ: кто идетъ? — и послѣ троекратнаго
оклика не получая отвѣта, махнулъ штыкомъ, но къ счастью
тотъ увернулся и закричалъ: «Сенька! что ты дѣлаешь: это я!
мы съ тобой одной роты!» — Чтожъ ты не отзываешься, от-
вѣчалъ часовой Сенька, когда тебя окликаютъ? Ты по край-
ности отзовись! — Да я тебя узналъ, думалъ, что и ты меня
узналъ, что я свой! — Далъ бы я тебѣ своего! отвѣчалъ
простодушно Сенька; тѣмъ дѣло и кончилось.

Противъ 5-го бастіона, послѣ одной вылазки, лежалъ уби-
тый французскій штабъ-офицеръ. Массивная золотая цѣпочка
протягивалась по его груди и блестя на солнцѣ. Но ни
намъ, ни имъ нельзя было достать эту цѣпочку, предполагав-
шую при себѣ, конечно, и часы. У насъ однако стали про-
ситься нѣсколько матросовъ; одному было разрѣшено, и онъ по-
ползъ ту же минутѣ, среди бѣла дня. Французы подпустили его
къ убитому, и даже позволили взяться за цѣпочку, но тутъ сверк-
нуло нѣсколько выстрѣловъ и матросъ покотился кубаремъ,
ни пикнувъ. Кажется, было ясно, что идти нельзя, однако же
выпросился еще одинъ матросъ, и думалъ схитрить половчѣе,
но и онъ завертѣлся. Больше не пустили никого, хотя проси-
лось много. Къ ночи, охотниковъ попытать счастья, собралась
цѣлая толпа. Командиръ долго не соглашался, наконецъ пу-
стил — и цѣпочка съ часами явилась на бастіонѣ.

26-го іюля была убита на Малаховомъ курганѣ Прасковья
Ивановна, о которой я уже упоминалъ. Ее знали всѣ. Это
была толстая, здоровая баба, происхожденіемъ купчиха, лѣтъ
сорока, не глухая, но имѣвшая обыкновеніе чудить и прики-
дываться душой и душой несносной.

Прасковья Ивановна прибыла изъ Петербурга въ одно время
съ сестрами милосердія и сначала пристроилась къ нимъ об-

шнѣ, но ужасаясь съ ними не могла. Ее помѣстили на Павловскій мѣстокъ вмѣстѣ съ докторомъ старушкой, въ одномъ изъ домовъ служившихъ прежде складскими магазанинами, а на ту пору давнѣею боль переизычонный пунктъ. И тутъ же ужасаясь эта баба выкинула однажды за одно пожитку своей сожительницы и грозилась ее самую опустить туда же. Старуха жаловалась; Прасковья Ивановна вслѣдъ добралась съ мыска; она пошла къ Хрудеву (съ которымъ ужъ тогда познакомиться нѣсколько пражде), и стала говорить, что ее обижать, что вотъ то и то. — Ну, доченька давай на бастионъ? спросилъ у ней Хрудевъ.

— Отъ чего по цѣлѣ возьми! — И она поволилась за 4-мъ отдѣленіи, гдѣ была очень полезна при переделахъ, не уступая въ ловкости любому сальднеру и въ силѣ самому отчаянному шатросу.

Однако же она не любила сидѣть на одномъ мѣстѣ, а регулировала по всему лѣвому флангу, руководилась болѣею частью указаніями желудка, вертѣлась чѣмъ тамъ, гдѣ лучше бѣли. Въ приступъ 8-го июля ее привела, мажоръ-то случаемъ, или завтракомъ, на Перемышу, гдѣ она, подъ непріятельскими выстрѣлами, перемалала собственными своими руками 183 человекъ.¹⁾

Жила и ночевала она также въ разныхъ мѣстахъ и блиндажахъ 3-го и 4-го отдѣленія, но преимущественно все таки пребывала на Малаковомъ курганѣ, считая блиндажъ Керна своимъ блиндажемъ. И тамъ, на батареяхъ, не оставляла она своихъ привычекъ и чудачествъ, которые забавляли солдатъ и офицеровъ: обливалась всякій день холодной водою, раздѣваясь донага при всѣхъ, и болтала безпрестанно какой-нибудь вздоръ

¹⁾ Число невѣроятное, но такъ говорили у насъ въ штабѣ, куда пришли эти вѣсти прямо съ батарей.

спороннаго содержанія. Постоянной договоркой ея было: «будь веселъ!» Эта баба действительно никогда не унывала.

Наконецъ объ ней узналъ главнокомандующій и велѣлъ позвать ее къ себѣ. Прасковья Ивановна отправилась въ Инкерманскій мѣдуръ баркомъ, на строемъ жандармскомъ конѣ, съими дамужекъ, кордъ въ атреана, и все въ томъ-же коричневомъ платѣ, ослѣдствіи милосердія, котораго не оставляла никогда, и въ чепцѣ въ радѣ шпильки.

Главнокомандующій благодарилъ ее за службу и обещалъ наградить. «Да ты какъ меня наградишь?» спросила она своимъ безцеремоннымъ тономъ: «ты, можетъ быть, хочешь мнѣ дать анну въ петлицу: я не возьму! Такъ дай мнѣ на шаг!» А ей просто-за-просто хотѣлось какой-нибудь медали, но, какъ смѣтливая баба, она знала, что надо просить чего нибудь выше, а за пожалуй и ничего не дадутъ.

Пробывши на Инкерманѣ, всего какъкъ нибудь полчаса, Прасковья Ивановна успѣла взглянуть въ замѣтки знакомыхъ ей генераловъ и даже, отребомендовалась новышъ.

Когда ранникъ Нахимовъ, она плакала довольно подозрительно и все трубила, что она первая прибѣжала къ нему на помощь. При похоронахъ толкалась у его гроба, ставила во всеувидѣніе свѣчи, молилась съ разными вскриками и всѣмъ надѣла своимъ плачемъ и безотвязными разказами, что вотъ она-то, да те-то...

26 іюля, въ бѣдѣ часу послѣ обѣда, Прасковья Ивановна сидѣла на бревнахъ, противъ входа въ Малахову башню, и ѣла шоколадъ, привезенный изъ города лейтенантомъ Вульфертномъ. Вульфертъ сидѣлъ тутъ же, у дверей блиндажа генерала Буссау, лицомъ къ Прасковьѣ Ивановнѣ, саженьяхъ въ двухъ отъ нея. Рядомъ съ ними сидѣли: майоръ Свѣскаго полка Львовъ, и капитанъ того же полка Тризна. Шоколадъ подавъ поводъ къ разговорамъ, до которыхъ Прасковья Ивановна была

Но не шутка было атаковать такую позицию, какую неприятель имелъ на Федухиныхъ. — Въ нашихъ распоряженіяхъ чувствовалась какая-то нерѣшительность. Много разъ собиравсь совѣты. Большинство одобряло движеніе на Черную рѣчку. Хрулевъ, съ немногими, былъ противъ. Онъ подалъ главнокомандующему 4 доклада въ запискахъ, отъ 25, 26, 28 и 30 іюля (1855), изъ которыхъ въ первой совѣтуетъ дѣйствовать одною совокупною массой, въ 65 тысячъ человекъ, съ 3-го и 4-го отдѣленій, на пространство между Лабораторной балкой и Киленбалкой: пробить центръ неприятельской позиціи и овладѣть Сапунь-горой, а потомъ и Зеленой Горкой, подъ прикрытіемъ батарей лѣваго фланга и пароходовъ. Успѣшное окончаніе этого предпріятія доставляло намъ, по мнѣнію генерала, всѣ дороги Сапунь-горы, Саперную, а также и Инкерманскій мостъ.

Въ запискѣ отъ 26 іюля Хрулевъ объясняетъ бесполезность движенія на Федухины, предсказывая цѣну нашей потери, если мы направимъ туда свою атаку.

Въ 3-й запискѣ, упомянувъ опять о бесполезномъ движеніи со стороны Черной рѣчки, генералъ Хрулевъ снова совѣтуетъ напасть на Сапунь-гору и Зеленую, или, наконецъ, оставить Севастополь, сохранивъ армію.

Въ послѣдней запискѣ генералъ Хрулевъ опять предлагаетъ оставить городъ, и переправивъ войска съ Южной на Корабельную, соединить ихъ съ войсками Слободки, что составитъ 75 тысячъ человекъ; двинуться на Сапунь-гору и занять пространство отъ Делагардіевой балки къ Старому реду, до спуска Южнобережнаго шоссе съ Сапунь-горы. Такимъ образомъ открылась бы новая линія укрѣпленій, втрое короче занимаемой. 25 тысячъ войска были бы въ состояніи ее охранить, а остальная армія могла быть употребляема, по мѣрѣ надобности, въ разныхъ пунктахъ.

Но так-какъ большинство было въ пользу движенія на Фелюхины горы, то и рѣшено готовитъ войска къ наступленію съ этой стороны.

Планъ этого движенія былъ слѣдующій:

Въ долину Черабы рѣчки, между Фелюхиными горами и Балаклавскимъ хребтомъ, находилась одна господствующая возвышенность, называемая Гасфортовой горой.

Такъ-какъ непріятель не имѣлъ на ней большаго числа и значительныхъ укрѣпленій¹⁾, то и было предположено быстрѣе и неожиданнѣе напасть на эту гору, для чего назначены: часть 6-й и 12-й пѣхотныхъ дивизій и все 17-я дивизія, съ ихъ артиллеріей, весь отрядъ войскъ и артиллеріей генерала Либранда²⁾.

¹⁾ За нѣсколько времени передъ тѣмъ сдѣлана была развѣдочная экспедиція гена-рала-майора Веймарна, съ небольшимъ отрядомъ кавалеріи. Пѣхотинцы, содержавшіе аванпосты на Телюградской горѣ, заметили въ долину долины ланія своихъ укрѣпленій, отступивъ самъ на сторону и дождливо дождю, не сдѣлавъ по намъ ни одного выстрѣла, хотя и были чрезвычайно близко и въ превышавшихъ силѣхъ. Когда пѣхотинцы долго не увидѣли ни въ пошлю уже тогда, когда Веймарнъ самъ выскочилъ впередъ, и началъ лѣзть на пѣхот-ской батарее. Мы осмотрѣли эту батарею во время подробнѣе.

²⁾ Вотъ полный составъ этого отряда:

6-я пѣхотная дивизія Низовскій и Симбирскій егерскіе полки — 8 батальоновъ.

12-я пѣхотная дивизія Дибровскій полкъ — 4 батальона. При нихъ: 4-я батареяная батарея 6-й артиллерійской бригады — 12 орудій, и 8-я легкая той же бригады — 8 орудій. — 1-я батареяная батарея 7-й артиллерійской бригады — 12 орудій, и заводъ горной артиллеріи — 2 орудія.

17-я пѣхотная дивизія — 16 батальоновъ. При ней: 1-я батарея, батарея 16-й артиллер. бригады — 12 орудій; 2-я легкая той-же бригады — 8 орудій, и 3-я батарея, батарея 17-й артил. бригады — 8 орудій.

Кромѣ того:

3-й стрѣлковій батальонъ; 6-го стрѣлк. батальона 3 роты; 8-го сапернаго батальона одна рота, 8-го саперн. батальона одна рота; Греческій легионъ и двѣ сотни Донскаго казачьяго № 9-го полка.

Всего 30¼ батальоновъ, 1 легионъ, двѣ сотни и 62 орудія.

Но дабы неприятель не могь догадаться съ перваго разу о нашемъ намѣреніи, рѣшено было повести предварительно фальшивую атаку на мостъ в Оедюхны горы, для чего назначены: вся 7-я и часть 12-й пѣхотной дивизіи, при 62-хъ орудіяхъ, и подъ прикрытіемъ двухъ кавалерійскихъ полковъ: уланскаго и казачьяго, весь отрядъ подъ начальствомъ генералъ-отъ-кавалеріи Реада ¹⁾.

Оба отряда двинутся съ Менязіевои горы, въ одно время, одинъ за другимъ прикати. Дивизіа упреждаетъ Реада и очищаетъ себя дорогу къ Гасфортовой горѣ, сбивая передовыя неприятельскія укрѣпленія, на предшествующей ей Телеграфической горѣ, манитой, какъ сказано выше, Пьемонтскими аванпостами.

Генералъ Реадъ идетъ къ мосту, и расположивъ свою артиллерию на выданныхъ мушкетахъ, въ разстояніи малаго пушечнаго выстрѣла отъ рѣки, открываетъ огонь. «Если будетъ особое приказаніе... то двинутся впередъ, на Оедюхны, а до тѣхъ поръ стоять на мѣстѣ.»

Когда главныя неприятельскія силы, именно 3 французскія дивизіи, расположенныя на Оедюхныхъ, увлекутся въ дѣло съ отрядомъ Реада, пѣхота генерала Дивранди устремляется на Гасфортву гору, и туда же присоединится и Реадъ съ 7-ю

¹⁾ Вотъ полный составъ этого отряда по диспозиціи:

7-я пѣхотная дивизіа — 4 полка 3-хъ батальоннаго состава — 12 батальоновъ. При нихъ 8-я артиллерійская бригада: 12 орудій батарейныхъ и 22 легкихъ. Всего людей около 4,300.

12-я пѣхотная дивизіа, 3 полка 4-хъ батальоннаго состава — 12 батальоновъ. При нихъ 14-я артилл. бригада: 12 орудій батарейныхъ и 12 легкихъ. Всего людей въ дивизіи около 5-хъ.

Кромѣ того 2-я стрѣлковая батальонъ. Одна рота 2-го сапернаго батальона. Уланскій полкъ — 8 эскадроновъ. При немъ 4 конныхъ орудія, и Донской казачій 37-й полкъ, 6 сотенъ.

Итого: 25½ батальоновъ, 8 эскадроновъ, 6 сотенъ и 62 орудія.

и 12-ю дивизию, оставя у моря одну артиллерию, под прикрытием каменного обрыва.

Утвердившись на Гасбортовой горе, с большим количеством орудий, мы могли бы действовать или в тыл войск, атакующих городъ, и поставить ихъ между двухъ огней.

Одновременно съ этой атакой предполагалось другое наступательное движеніе изъ двухъ пунктовъ Кордобельной:

1) Съ батареи Жерве и Буллиева и 2) съ Рогатки — въ между Малаховынъ курганомъ и 2-мъ бастиономъ.

Для сего назначены: съ батареи Жерве 4-й пехотный дивизионъ, 2-я бригада 14-й пехотной дивизіи, 2-я бригада 14-й пехотной дивизіи, батальонъ жориковъ, всего до 10 тысячъ человекъ.

На левое крыло: 8-й пехотный дивизионъ, 1-я бригада 10-й пехотной дивизіи, и 1-я бригада 9-й пехотной дивизіи, всего 10,200 человекъ.

По сигналу съ Мекензиевой горы, войска праваго крыла, раздѣлясь на двѣ линіи, спускаются въ долину оврага и, обойдя неприятельскіе подступы, атакуютъ ихъ съ фронта и Камчатскій редутъ съ фронта и съ тыла.

1-ю линію (на этомъ крылѣ) составляютъ полки: Ляутскій и Охотскій, подъ командой полковника Малевскаго.

2-ю — полки Селенгисскій и Камчатскій, подъ командой генералъ-майора Голева.

Обѣими линіями командуетъ генералъ-майоръ Сабашинскій.

Въ то время, какъ 1-я линія атакуетъ подступы и редутъ, 2-я подвигается по оврагу и прикрываетъ атакующія войска.

Въ резервъ у нихъ находится 2-я бригада 14-й п. дивизіи и батальонъ жориковъ, подъ командой полковника Аленикова.

Всѣ войска праваго крыла состоятъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хрузева.

Лѣвый флангъ, раздѣлясь на 4 эшалона, остается сначала на куртиль и выдвигается частями, въ такомъ случаѣ, если непріятель станетъ угрожать атакующимъ съ лѣваго или фланга.

1-й эшалонъ составить 1-я бригада 16-й пѣхот. дивизіи, подъ командой генераль-маіора барона Дельвига.

2-й — 1-я бригада 9-й п. дивизіи, подъ командой генераль-маіора Юсорова.

3-й — 1-я бригада 8-й п. дивизіи.

4-й — 2-я бригада 8-й п. дивизіи.

Оба послѣдніе эшалона состоятъ подъ командой генераль-адъютанта князя Урусова.

Всѣ же войска лѣваго фланга поручаются генераль-маіору Лысенку.

2-го августа мы прочли печатный приказъ о назначеніи перевозочныхъ пунктовъ на 3-е число.

Я долженъ былъ находиться во время боя при дежурномъ генералѣ, и потому, прочтя приказъ, уже не поѣхалъ, по окончаніи занятій, на фрегатъ, а остался почевать въ лагерѣ, на какой-то телегѣ, но не могъ сомкнуть глазъ: меня кусали наши маленькіе лагерные враги и волновали ожиданія битвы.

Слѣдующій день (3-е августа) весь прошелъ въ тревогахъ. Я умѣлъ позаботиться только объ лошади; все остальное рѣшительно не шло въ голову.

Вѣроятно, большинство читателей не знаетъ вовсе, что такое сраженіе, биваки, перевозочные пункты, и потому я раскажу подробно все, что видѣлъ наканунѣ битвы, въ самую битву и послѣ.

Мы выѣхали передъ вечеромъ 3-го августа, вавоемъ съ однимъ офицеромъ Азовскаго полка. У него былъ провожатымъ

казака, у меня мой вучеръ, дѣтина самыхъ простыхъ свойствъ, урженецъ средней, степной полемъ Россіи. Онъ еще меньше моего думать о томъ, какъ имъ будетъ штыковаться на Мелензевой горѣ, гдѣ начался нашъ привалъ, передъ битвой.

Мой товарищъ и его казакъ попались намъ подъ стать: вои мы ровно ни о чемъ не думали, кромѣ сраженія.

Трудно, невозможно передать состоянія души передъ битвой, этого пріятнаго и страннаго безпокойства. Мнѣ случилось ослѣдять любимую женщину. Почти также, съ тѣмъ же нетерпѣніемъ и лихорадочной охотой къ битвѣ. Другаго сравненія не приберу...

Мы вѣдали шагать, обогнали войска турокъ, зарядные ящики. Страшныя массы штыковъ двигались по дорогѣ, довольно ровной и широкой. Конца не было стройно-колыхавшимся штыкамъ.

Направо и налево отъ насъ шли мелкіе дубовые и орѣховые кусты, среди свѣже-срубленныхъ пеньковъ. Мы часто сворачивали въ эти кусты, чтобы объять верховья палуурковъ, или колонну солдатъ. На половинѣ пути намъ встрѣтился Азовскій полкъ, стоявшій въ сторонѣ, на бивалахъ, совсѣмъ готовый къ бою ¹⁾. Мы слѣзали съ лошадей и подошли къ вучкѣ офицеровъ, — однополчанъ моего товарища. Разговоръ завязался живо и весело. Никто-жъ не думалъ, что черезъ нѣсколько часовъ половины говорившихъ не будетъ на свѣтѣ. Однако же въ нашихъ бесѣдахъ все-таки было что-то странное, какое-то замираніе, жажда поговорить еще...

Кругомъ ложились тьма. Кое-гдѣ блестятъ далеко штыкъ, а сзади раздавались мѣрные шаги проходившихъ полковъ.

Надо было проститься. Мы слѣли опять на коней и трону-

¹⁾ Черезъ часъ послѣ того онъ двинулся, вмѣстѣ съ другими полками 12-й дивизіи, по направленію къ Черной рѣкѣ.

дней кустами. Скоро стемнело совсѣмъ. Въ лагернѣ, разбросанныхъ кругомъ дороги, загорѣлись огни. Я спросилъ у одного солдата: «Гдѣ Штабъ 6-го корпуса?»¹⁾ — А вонъ тамъ, гдѣ деревья! — отвѣчалъ онъ. Вдали, на свѣтъ неба, действительно можно было разглядѣть нѣсколько невысокихъ стволовъ. Это были деревья, оставленные охенцерами 6-го корпуса, частію для красы и тѣни, частію для поддержки палатокъ. Остальное все было вырублено.

Мы подвѣхали въ эти деревья и стали отыскивать своихъ товарищей, но ничего нельзя было разобрать въ потьмахъ. Пылавшіе костры были пламенемъ въ глаза и еще больше мѣшали видѣть предметы. Люди шевелились какъ черныя тѣни. Безпрестанно мелькали верховые, чаще всего казаки. Мы стали спрашивать сотника Попова²⁾. После третьяго вопроса намъ указали на огни, влѣво отъ деревьевъ... Смотримъ: и сотникъ Поповъ! Все стало узнаваться. Огни освѣтили еще нѣсколько знакомыхъ лицъ. Мы сѣзли и пошли кустами, среди лошадей, привязанныхъ къ пенькамъ и кормившихся дубовымъ листомъ и клочками брошеннаго имъ сѣнца. Все это глядѣло весьма однообразно: лошади и кусты, кусты и лошади, огни и казаки, двигавшіеся темными тѣнями; такъ что, сдѣлавъ шагъ, уже забывалъ гдѣ былъ и не зналъ, какъ воротиться назадъ. Такъ по крайней мѣрѣ было со мной на первыхъ порахъ, а сотникъ Поповъ и его казаки раслаживали тамъ какъ дома.

Пройдя немного, мы увидѣли нѣсколько палатокъ, ярко освѣщенныхъ внутри. Они нарывались на темномъ фонѣ ночи

¹⁾ Намъ бивакъ былъ подлѣ него!

²⁾ Сотникъ — поручикъ. Сотникъ Поповъ командовалъ казаками, принадлежавшими собственно къ Главному штабу, или точнѣе къ дежурстwu Главнаго штаба, и былъ весьма распорядительный офицеръ, хорошій хозяинъ и добрый товарищъ.

как сатана сама. Палам одной чашкою молока на конуръ
 5... в...
 Случилось, ребята, прощайте! Шестое привезо шитую
 сь, чашку...
 бродят до рассвета, а потом...
 Ударило...
 дось! Таинственный, так сказать, эфирный, мало-помалу
 сумрак ночи, и эти невнятные, но чувственные "Итихи" —
 придавая, безъ всякого особеннаго, необъяснимое... Все
 тихо...
 заряду далеко зовши, я слышу слышу...
 недрамный зракъ, съ некоторою экстра-букою битвой...

Наши мечты рвались. Богъ знаетъ куда, какъ это всегда
 бываетъ въ подобныхъ случаяхъ...

Часа черезъ два, рѣчи стали затихать, головы наклонились. Я
 нащупалъ недалеко отъ себя...
 подъ головами...
 что-то меня разбудило...
 шадъ. Все спало въ кусты...
 давался по временамъ и...
 мой кучеръ и спросилъ пронакаю: «Кто же тутъ сна отпу-
 стить?» Тогда только и подумалъ...
 лось, что мы забыли о...
 вещахъ. Сотникъ Поповъ очутился подлѣ меня и услышавъ
 просъ кучера: «Кто сна отпустить?» сказалъ онъ: «Куда
 тебѣ сна, коли не валя своего. Ты вотъ наложилъ...
 сучьевъ, да и брось ей подъ морду-то! вотъ и все!» — Да и
 самому-то бы мнѣ похоть, заговорилъ онъ наивный стапнякъ:
 не позволите-ли ханъ съ кавказами? — «Мои кавкази питаются,
 братъ, акридами, да и тѣхъ только про себя!» замѣтилъ, усмѣх-
 нувшись, сотникъ и снова пропалъ въ потьмахъ...

Я далъ кучеру денегъ, велѣвъ отыскать маршанта 6-го корпуса, а самъ вернулся опять на коверъ и хотѣлъ заснуть, но не могъ. Я смотрѣлъ на небо, устаннымъ взглагомъ, на туманные абрисы горъ и слушала тихій шелестъ ночи, а сердце билось...

Неприятель точно не дремалъ въ эту минуту.

Прежде, нежели стану говорить о его распоряженіяхъ передъ боемъ, необходимо описать мѣстность, гдѣ предстояло быть сраженію, и позицію, которую занимали союзники.

Между Мекензиевой горой и Балаклавскими высотами лежала длинная долина (верста 10 въ длину и версты $1\frac{1}{2}$ въ шир. ¹⁾), перерѣзанная въ концѣ, ближайшемъ къ Севастополю, Черной рѣчкой, черезъ которую, почти на серединѣ долины, шелъ извѣстный каменный мостъ, pont de Traktir, какъ его называли Французы, по причинѣ трактира ²⁾), стоявшаго когда-то влѣво отъ дороги, по сѣ сторону рѣчки.

Въ верстѣ слѣшкомъ отъ этого моста, на нашемъ или правомъ берегу, находилась небольшая возвышенность, называемая Телеграфической горой, которая тянулась влѣво, къ Балаклавскому хребту, параллельно Черной рѣчкѣ.

На этой горѣ, какъ сказано не разъ, стояли Пьемонтскіе аванпосты.

Нѣсколько далѣе, уже за рѣчкой, поднималась Гасфортова гора, занятая Пьемонтскими и Турецкими войсками.

¹⁾ Въ началѣ, отъ висоты Шулы, она имѣла названіе Мокрой Луговини, а далѣе называлась Долиной Черной рѣчки.

²⁾ Онъ принадлежалъ помѣщикѣ Ревильотти, владѣльщикѣ села Чоргунъ, и существовалъ до конца 1854 года. Кажется Французы соединили съ словомъ traktir совсѣмъ другое значеніе, выше hôtellerie, и потому ставили передъ нимъ de, какъ передъ собственнымъ именемъ. — Трактирный мостъ представленъ въ Севастопольскомъ Альбомѣ на рисункѣ № 16.

Затѣмъ, направо, такъ же съ ту сторону рѣку, гдѣ и въ настоящее время держался фронтъ, въ виду чего фронтъ долженъ былъ держаться въ томъ же мѣстѣ. Въ концѣ этой долины, 4-я линия отряда Кавказской кавалерійской дивизіи генерала Морриса — 4 полка конныхъ егерей.

Вправо оттуда, почти противъ моста, въ полуверстѣ отъ него, шли, одна за другою, три небольшие плоскія холма, раздѣляемые оврагами и называвшіеся Оедохинскими горами, а также и Уральскими, потому что на нихъ, въ концѣ 1854 и въ началѣ 1855 года, стояли наши Уральскіе казаки.

На первомъ изъ этихъ холмовъ расположена была, на скатѣ къ мосту, 1-я бригада дивизіи Фомы (2-й егерскій полкъ и 19-й стрѣлковый батальонъ) съ 6-ю батареями 13-го артиллерійскаго полка.

На другомъ холмѣ, немного выше первого, на скатѣ, ближайшемъ къ рѣкѣ, находилась 2-я бригада дивизіи Фомы (генераль Фадеевъ, съ 95-мъ и 97-мъ егерскими полками) и 1-я бригада (нашего дѣла бригада) дивизіи Каму (50-й линейный и 3-й правый полки) съ 3-ми батареями 2-го артиллерійскаго полка.

Наконецъ, на послѣдней возвышенности, ближе къ лѣвому скату, расположена была 2-я бригада (несколько частей бригады) дивизіи Каму (6-й и 82-й линейные полки, съ 3-ми батареями 13-го артиллерійскаго полка).

Въ резервъ, за этими войсками, стоялъ генераль Кларъ, съ 62-мъ и 73-мъ линейными полками и пятью конными батареями, изъ коихъ двѣ были гвардейскія.

Правѣ Оедохинскихъ горъ шла известная Сапунъ-гора, на скатѣ которой, къ Инкерману, не вдалекѣ отъ Канроберова

редута¹⁾; помешалась 4-я бригада дивизии Дюрбилюона (47-й и 53-й линейные полки, при 14-й стрелковой батальон).

Командование войска востане на этой позиціи поручено было генералу Гербилюону²⁾.

Еще гораздо прежде, нежели мы рѣшились идти на Оедюхны горы, Французы догадывались о нашем намѣреніи. Они знали также, что къ намъ прибьютъ новыя силы.

Нѣсколько дней сряду генералъ Гербилюонъ получалъ отъ генерала д'Аллонвиля, съ высотъ, окружающихъ Бандарскую долину, телеграфическія депеши о переходахъ и сборахъ нашихъ войскъ въ одно мѣсто. На это не обращалось большаго вниманія.

Точно также получена депеша отъ $\frac{3}{15}$ августа, прерванная наступленіемъ ночи, гдѣ говорилось, что Русскіе были въ движеніи цѣлый день³⁾.

Гербилюонъ и на этотъ разъ не сдѣлалъ никакихъ приготовленій.

Между тѣмъ наши войска, еще съ вечера 3-го августа, начали спускаться съ Мекензіевой горы.

¹⁾ Иначе Инкерманскій редутъ (redoute d'Inkermann). Не надо смѣшивать этого редута съ Капюберовой батареей, находившейся на высотѣ, вправо отъ Георгіевской балки (отъ нихъ вправо).

²⁾ Отъ сакъ, во время боя, какъ узналъ меня одинъ Французъ, бывший при немъ, находился на средней Оедюхной горѣ, близъ 98-го линейнаго полка.

³⁾ Въ отношеніи къ этой депешѣ (какъ рассказывалъ мнѣ тотъ же Французъ) — прислать къ намъ, часотъ въ 10 ночью, съ 3-го на 4-е августа, Татарскіе и объявить, что Русскіе движутся къ Чортуну. Татарскіе этотъ успѣхъ повѣдали въ Главномъ штабѣ французской арміи и получили тамъ денши, а тутъ выпросилъ еще. (Послѣ узнали, что онъ служилъ и мнѣ, и майѣ). Французы и тутъ не сдѣлали никакихъ особенныхъ приготовленій на Оедюхныхъ, только послали сказать генералу д'Аллонвилю, чтобы онъ двинулся къ Варнаутѣ. — Часу во вторую ночь эскадронъ африканскихъ егерьей отправился въ разѣздъ и попалъ между нашихъ войскъ близъ Чортуна. Одинъ егерь быстро повернулъ лошадь и уска-

Отряд генерала Липранди — 12-я дивизия двинная, — от 3-ья батарея артиллерии — артиллерийский отряд, состоящий из 3-х батарей. Направление отряда — в направлении на гору Мемениевую.

Волга на томъ излучинѣ и Редъ съ 1-ой батареей артиллерии и артиллерийскимъ отрядомъ.

Потомъ стали спускаться в долину (до передовыхъ отрядовъ).

Часть 6-я и вся кавалерія спустилась в долину по Шуринской дорогѣ.

Отрядъ генерала Редъ, дойдя до вѣтви, называемой Шуринской, спустился в долину. Въ это время оставался еще мѣсяць.

Генераль Редъ, лежа на травѣ, спросилъ у адъютанта начальника штаба, ротмистра Сталыпина: « съ какой стороны вы увидѣли мѣсяць? »

— Съ правой, ваше высоко превосходительство! —

« А я такъ съ лѣвой, сказалъ Редъ: говорить, это не хорошо! »

Когда начало браться, 12-я и 7-я дивизии тронулись съ мѣста, и дойдя до уступовъ, соединились съ Телеграфической горою, поставили на нихъ свою артиллерію.

Въ это время въ отрядѣ Липранди послышались выстрѣлы:

шли къ своей лагерю, гдѣ явился къ генералу Моррису и описавъ ему подробности побѣды. Моррису послалъ на Федюхины... Между тѣмъ дѣло началось въ отрядѣ Липранди. Егера однако же спасаясь всѣ, кромѣ одного, который былъ убитъ маленькимъ ядромъ, при переправѣ черезъ Черную рѣчку.

1) 1-я батарея батарея 16-й арт. бригады — 12 орудій, 3-я батарея батарея 17-й арт. бригады, — 8 орудій и 2-я легкая 16-й арт. бригады — 12 орудій. Всѣхъ 32.

2) На отлогости Мемениевой горы, вправо отъ главной дороги, къ подножью, гдѣ она имѣетъ особый поворотъ къ Чорзулу. — У Французовъ: *redoute Gortchakoff*.

онъ атаковалъ Телеграфическую гору. Это произведено такимъ образомъ:

Полки 17-й дивизіи (Бородинскій и Тарутинскій въ 1-й линіи, а потомъ Московскій и Бутырскій), подойдя, еще въ потьмахъ, къ Телеграфической горѣ, залегли передъ нею въ кустахъ. Все было тихо. Съ приближеніемъ разсвѣта приказано Тарутинцамъ подняться и атаковать гору. Тарутинцы, подъ командой генералъ-майора Гордѣва, разсыпавъ застрѣльщиковъ, двинулись впередъ. Вскорѣ грануло нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ — и первый завалъ Пьемонтскихъ аванпостовъ былъ взятъ, можно сказать, одними застрѣльщиками. Пьемонтцы отступили къ своему редуту, вѣтви, и спѣшили переправиться на ту сторону Черной рѣчки, гдѣ стояли ихъ главныя силы.

Этому движенію Пьемонтцевъ и очищенію редута способствовалъ также генералъ-лейтенантъ Бельгардтъ, явившійся у Чоргуна, съ остальными частями лѣваго отряда. Согласно диспозиціи, онъ расположилъ войска такимъ образомъ: на *Безымянной горѣ*: Симбирскій полкъ, 2 батальона Низовскаго и 2 Дѣпровскаго; 3-й стрѣлковый батальонъ, греческій легіонъ, саперную роту и двѣ батареи: 4-ю батарею 6-й артиллерійской бригады (12 орудій), подъ командой подполковника Рагозинскаго, и 1-ю батарею 7-й артлл. бригады (12 орудій), подъ командой подполковника Бормана. На *Артиллерійской горѣ*: остальные 2 батальона Низовскаго и 2 бат. Дѣпровскаго полковъ ¹⁾, 8-ю легкую батарею 6-й артлл. бригады, подъ командой капитана Викгорста и заводъ горной артиллеріи.

Когда Тарутинцы двинулись, батарея Бормана «первая» от-

¹⁾ Симбирскій полкъ, приблизительно, тысячи двѣ чел., Дѣпровскій до 1200; Низовскій до тысячи человекъ.

крыла огонь по Телеграфической горѣ. Было ровно 4 часа. После 10-го выстрѣла, неприятель сталъ отвѣчать съ Гасфортовой горы и осаждалъ Безымянную гору снарядами. Тогда построилась къ Борману батарея Рагозинскаго и начала дѣйствовать по Гасфортовой горѣ. Капитанъ Викгорстъ стрѣлялъ не долго; онъ сдѣлалъ только 8 выстрѣловъ, по редуту Пьемонтцевъ на Телеграфической горѣ, и за тѣмъ прекратилъ огонь, замѣтивъ, что его снаряды туда не долетаютъ. Двѣ же другія батареи стрѣляли съ успѣхомъ часовъ до 10-ти дня, сдѣлавъ отъ 15 до 20 выстрѣловъ на орудіе. Мы заняли всю эту позицію почти безъ боя, при самой незначительной потерѣ.

На редутѣ, оставленный Пьемонтцами, вѣзхла 3-я батарейная батарея 17-й бригады, подъ командой подполковника Христіановича, а 1-я батарейная батарея 16-й бригады, подъ командой подполковника Кондратьева, расположилась нѣсколько правѣе, почти насупротивъ французской батареи капитана Сальи, стоявшей на склонѣ ближайшей къ Оедюхивымъ горѣ.

Мѣстность позволила Кондратьеву построить батарею, имѣя въ интервалѣ между орудіями 30 шаговъ. Онъ открылъ артиллерійскій огонь по неприятелю ¹⁾ и не смотря на большое разстояніе (глазомерно 850 сажень) разстроилъ батарею Сальи и взорвалъ у него одинъ ящикъ; послѣ чего прискакали на помощь къ Сальи еще двѣ батареи, но всѣ онѣ вредили нашей артиллеріи очень мало, потому что были заняты дѣйствіемъ по пѣхотѣ, которая вскорѣ (какъ увидимъ ниже) двинулась на Оедюхивы. Къ тому-же калибръ Французскихъ орудій (приблизительно 8-ми-фунтовый) былъ на такомъ разстояніи жадо дѣйствителемъ: 1-я батарейная батарея 16-й артл. бригады потеряла во все время боя 2-хъ нижнихъ чиновъ и двѣ лошади.

¹⁾ Это было почти черезъ часъ по занятіи Телеграфической горы.

За то ее выстрелы памяти Французамъ.

Начальникъ артиллеріи 6-й артиллерійской дивизіи, генералъ-майоръ Кашинскій подѣливалъ къ подполковнику Кондратьеву нѣсколько разъ и благодарилъ лично отъ себя и отъ корпуснаго командира за извѣстную стрельбу. А потомъ благодарилъ его и самъ, личнокомандующій.

Между тѣмъ нашъ лагеръ вѣшался. Я слышалъ, какъ въ потьмахъ, по крутой дорогѣ, шагать въ 10-ти отъ нашихъ палатокъ, проскакивалъ главкомандующій со своимъ штабомъ. Крутомъ раздавались голоса, чувствовалось увлекающее движеніе войны. Я бросился искать свою лошадь: ее не было! Мой главный степнякъ-кучеръ увелъ ее понть и пропалъ совершенно по деревенски. О, какія это были мучительныя минуты! Всѣ уже сидѣли на коняхъ и ждали появленія дежурнаго генерала. Стадо сидѣть. Я глядѣлъ бешеноюно по сторонамъ... Богъ знаетъ что приходило въ голову... наконецъ, смотрю: выдвигается изъ мрана очень знакомая фигура, въ одной рубашкѣ, волосы въ кружокъ и, какъ водится, безъ шапки...

Генералъ показался съ правой стороны, верхомъ, въ шинели въ-накидку. Мы тронулись по дорогѣ назадъ, потомъ повернули вправо, и пройдя около версты, стали спускаться.

Видъ былъ великолѣпный: внизу, далеко, безконечная равнина; по ней двигались штыки, зарядные ящики, орудія и кавалерія, все это мелко и туманно, такъ что едва отличимъ всадника отъ пѣшаго. По ту сторону разнообразныя холмы, зарумяненные зарею. Мы ѣхали тихо, съ трудомъ пробираясь между зарядными ящиками 4-й дивизіи, которая спускалась послѣ всѣхъ. Сердце билось. Всѣ молчали и смотрѣли вдаль, на роковое поле. Черезъ минуту, въ концѣ долины, верстахъ

въ двухъ отъ насъ, залучившись бывше облаки: кто былъ динь
нашии оруди на Телеграфической горѣ.

Мы спустились внизъ горы и, обогнувъ резервы (4-ю и 5-ю
дивизию съ нѣк. артиллеріей и четами кавалеріи), повернули
вълево, поднимаясь по незначительному скату, между желтими
кустами. Этотъ скатъ былъ началомъ Телеграфической горы,
только-что занятой полками 17-й дивизіи.

Мы шли нагомь, поминутно подымая дубицей, которые
туть же и ткнулись въ кусты, но смая, что они дадутъ въ ге-
ристыи мѣстѣ, два сна залетѣли вбродъ въ первый разъ
отъ ролу, вострѣвѣвшеи ораа. ошннн гнрннн днннннннн
войскъ и громомъ батарей.

Скоро прутежъ насъ запылали дѣра и стали хлопать гра-
наты. Сначала чувствовались неловко брѣди этии свистовъ и
варывовъ, несмотря на Севастопольскую подготовку. Но скоро
тревога улеглась, я успокоился и даже, залушь бумажнннн,
начертилъ въ немъ линнн-противоположенннн гѣрѣ.

Влево, за рѣчкой, немного наискось отъ того мѣста, гдѣ
мы остановились, зеленѣлъ лугъ. Вправо тянулось бывше Фе-
дюхины холмы, лишенные всякой растительности. Видно было,
какъ Французы строились въ колонны...

Генералъ Редъ, услыша выстрѣлы въ отрядъ Липранди,
также открылъ артиллерійскій огонь (какъ сказано было въ
диспозиціи), но, не причиня почти никакого вреда неприятелю,
вскорѣ прекратилъ бесполезную стрѣльбу, по совѣту своего
начальника артиллеріи, генералъ-лейтенанта Гагемаа.

Между тѣмъ главнокомандующій послалъ въ нему своего
адъютанта съ приказаніемъ: «начинать». Въ ту минуту, когда
адъютанта отправляли, Редъ не открывалъ еще огня, но когда
адъютантъ поскѣкалъ, — дѣйствіе артиллеріи праваго фланга
уже началось.

Адъютантъ подъѣхалъ къ Реаду и сказалъ: «главнокомандующій приказалъ начинать!»

— Что значить «начинать?» — спросилъ Реадъ.

«Я не знаю, ствѣчалъ тотъ: мнѣ только передано это слово.»

— Стало быть, начинать атаку? продолжалъ Реадъ: потому что предписанное въ диспозиціи нами уже начато, да за этимъ и не посылаютъ. Скажите же князю, что я начинаю атаку: пускай посылаетъ резервы!

Адъютантъ ускочилъ, а къ Реаду подъѣхалъ Веймаръ (генералъ-майоръ, начальникъ его штаба) бывшій до того времени впереди, у артиллеріи.

«Надо атаковать!» сказалъ ему Реадъ.

— Какъ атаковать? Зачѣмъ?

Реадъ рассказалъ ему о пріѣздѣ адъютанта. Напрасно Веймаръ увѣрялъ, что тутъ есть какая-нибудь ошибка и говорилъ, что боевой фронтъ еще не готовъ (не прибылъ уланскій полкъ, которому слѣдовало поддержать правое крыло отряда); Реадъ и самъ понималъ, что дѣло что-то не такъ и вести атаки не должно, но онъ былъ человекъ точный, немного свѣжій въ Крыму, не знавшій нашихъ порядковъ; къ тому же онъ увѣдомилъ главнокомандующаго, что начинаетъ атаку... дѣло приняло другой смыслъ: и потому, сообразивъ все это, двинулъ 12-ю дивизію на жестъ.

Она легко заняла предмостные дождементы непріятеля и перешла рѣчку, частію по мосту, частію въ бродъ, потому что Французы обрубилъ спуски и приготовленные нами мосты оказались короткими.

Наши неслись, подъ огнемъ картечи, по выраженію самихъ Французовъ ¹⁾, «какъ лавина, свергаемая бурей съ высоты

¹⁾ Базанкуръ, II, 386.

горь» — разница была только в томъ, что этой лавинѣ пришлось не свергаться съ горы, а лѣзть на гору.

Французы спрашивали полковъ, какъ называются поляки, шедшіе въ эту славную атаку, и записали ихъ имена. Эти поляки, заслужившіе честную похвалу столь же храбрыхъ и стойкихъ противниковъ, были: Украинскій, Одесскій и Азовскій.

Первыми колонны неприятелей опрокинуты. Это былъ генералъ Фальн со 2-ю бригадою дивизіи Фомё (а частью и 1-я бригада той-же дивизіи.) Но получивъ въ подкрѣпленіе 73-й линейный полкъ (стоявшій въ резервъ съ генераломъ Клеромъ) онъ двинулся впередъ и снова оттѣснилъ нашихъ къ мосту.

Мы понесли при этомъ огромныя потери. Больше половины офицеровъ выбыло изъ фронта. Убитъ командиръ Одесскаго полка полковникъ Слюдери ¹⁾.

7-я дивизія также перешла рѣку и обводный каналъ (иные увѣряютъ, что перешла только часть, а другая, ббольшая, все время оставалась на этомъ берегу, подъ сльнѣйшимъ огнемъ неприятеля) и встрѣчена штыками 80-го линейнаго и 3-го азовскаго полковъ. 82-й линейный, спустившись съ задняго холма, ударяя 7-й дивизію во флангъ.

Въ то же время, слѣва (отъ нихъ справа) стали наступать 2 батальона 62-го и батальонъ 73-го линейныхъ полковъ (остальной резервъ), подъ командой самого Клера, и соединяясь съ первой бригадою дивизіи Фомё, обошли нашихъ.

12-я дивизія бѣтея не вдалекѣ отъ моста (по ту сторону рѣчки), ожидая помощи... одинъ солдатъ приближалъ оттуда къ Реаду, стоявшему близъ Екатерининской мли, по сю сторону рѣки, въ 450-ти шагахъ отъ моста, и сказалъ: «ваше

¹⁾ Портретъ его въ Художествен. Листкѣ, 1857, № 12.

превосходительство, дайте намъ резервы: непріятель одолѣвъ совѣтъ!»

Каково услышать это отъ простаго солдата и не имѣть средствъ помочь! Реадъ отвѣчалъ ему грустно: «Я самъ ожидаю резервовъ, а теперь, видишь, ничего нѣтъ!»

Резервы были еще далеко.

Главнокомандующій, получивъ донесеніе отъ посланнаго, что Реадъ атакуетъ, удивился.

«Такъ онъ атакуетъ? Ну, нечего дѣлать... остается поддерживать!»

Онъ послалъ, какъ рассказывали послѣ, штабсъ-капитана генеральнаго штаба барона Мейендорфа привести 5-ю дивизію. Мейендорфъ, помня, что эта дивизія идетъ съ Мекензіевой горы, поскакалъ туда, и встрѣтивъ первыя попавшіяся ему колонны, закричалъ: «за мной! приказалъ главнокомандующій!» Но потомъ, уже на дорогѣ, спохватился, что это не 5-я дивизія, а 4-я (5-я прошла уже этимъ мѣстомъ и направилась въѣздомъ къ отряду Липранди) — онъ бросился туда, и видя, что потерялъ много времени, велѣлъ людямъ бѣжать бѣгомъ. Они прибыли на мѣсто чрезвычайно утомленные и все-таки поздно: 12-я дивизія почти не существовала; въ рядахъ ея слышался отбой... Тогда Веймаръ сказалъ окружающимъ: «Ну, теперь сраженіе проиграно!»

Разумѣется, уже нечего было и думать о занятіи Гасфертовой горы: минута прошла! оставалось спасать разбросанные влочки отступающихъ полковъ.

Генераль Липранди двинулъ съ Телеграфической горы полки Бутырскій и Московскій. Они прошли въ интерваллы батарей Кондратьева и переправились на ту сторону рѣчки, въ бродъ.

Главнокомандующій Сардинской арміи, замѣтивъ это движеніе,

спустился съ Гасфортовыхъ высотъ 2-ю дивизию своего корпуса, подъ командой генерала Тротта, при двухъ батареяхъ.

Наши полки быстро опрокинуты назадъ. Съ помощью имъ пошелъ Бородинскій полкъ и также не имѣлъ успѣха ¹⁾

Одновременно съ движеніемъ Бородинцевъ, Реадъ, получа приказаніе главнокомандующаго, направилъ 5-ю дивизию на мостъ.

Начальникъ этой дивизіи, генералъ-лейтенантъ Вранкоуъ, былъ раненъ, еще до дѣйствія, пулей въ руку. Веймарнъ припалъ послѣ него команду и выдвинулъ впередъ 2 полка.

Къ этому времени Французы успѣли поставить на противоположной сторонѣ 7 батарей, подъ начальствомъ полковника Форжб; между тѣмъ изъ города прибыли, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ, новыя силы: дивизія Левальяна, дивизія Дюлака и гвардія ²⁾.

Полки, предводимые генераломъ Веймарномъ, подпущены неприятелемъ очень близко и вдругъ встрѣчены сильнѣйшимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Первый батальонъ повернулъ назадъ. Веймарнъ бросился къ нему самъ, удержалъ батальонъ у самаго моста и намѣревался лично вести его въ бой, но едва выѣхалъ передъ фронтъ, какъ упалъ съ лошади, пораженный пулей въ лобъ. Лошадь ускакала... адъютантъ генерала, ротмистръ Стальпинъ, соскочивъ мгновенно съ лошади,

¹⁾ Въ эти три полка (Московскій, Бутырскій и Бородинскій) понесли большія потери: имѣвши до этой атаки около полуторы тысячи въ полку, вернулись, имѣя отъ 500 до 700 человекъ въ полку.

²⁾ Наши войска, стоявшія около Малахова кургана, для предполагаемой вылазки, которая, въ слѣдствіе неудачи на Черной, не состоялась, замѣтили, что неприятельскія траншеи впереди ихъ почти совсѣмъ опустѣли. Въ память не осталось ничего: все это двинулось на Федулкины.

подбѣжалъ къ любимому мнѣ начальнику ¹⁾, поднялъ его и перенесъ въ задніе ряды дивизіи, гдѣ, взявъ носильщиковъ, понесъ убитаго дальше. Онъ наснаду нашелъ для этого людей: всѣ кинули боемъ и никому не хотѣлось выходить изъ фронта.

Вскорѣ за тѣмъ палъ и Реадъ, подлѣ Екатерининской мѣли, пораженный ядромъ или картечью.

Полки 5-й дивизіи двинулись подъ начальствомъ своихъ командировъ, перешли мостъ и достигли до французскихъ лагерей. Вологодскій полкъ шелъ, на Федюхиныхъ горахъ, подъ командой майора Давыдова, который былъ раненъ и взять въ плѣнъ. Послѣ него команду принялъ какой-то подпоручикъ ²⁾.

Бельгардъ также получилъ приказаніе слѣдовать по направлению къ мосту съ 8-ю батальонами, оставивъ прочія части на Безымянной горѣ. Симбирскій полкъ, 2 батальона Низовскаго и 2 Днѣпровскаго двинулись. Это было въ половинѣ восьмаго. Батареи непріятеля загорѣлись. Все потонуло въ дыму. Ружейные выстрѣлы въ сторонѣ моста раздавались подобно рокоту безчисленныхъ барабановъ.

Черезъ часъ пальба стихла, дымъ разсѣялся и мы увидѣли, что наши войска отступили и строятся сзади въ колоннахъ: пѣхота заняла часть Телеграфической горы, а кавалерія осталась на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояла вначалѣ бой, то-есть у подножія Мелензѣевой горы.

Бой кончался. Разсыпанные по кустамъ, въ полуверстѣ отъ рѣчки, штуцерные стали подыматься въ гору и уходить. Перестрѣлка прекратилась, только долго звывался въ долинѣ, передъ самой рѣчкой, чей-то одинокій дымокъ. Главнокоманду-

¹⁾ Веймарна любилъ всѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ храбрыхъ, образованныхъ и симпатичныхъ генераловъ нашей арміи. Портретъ его въ Художественномъ Листкѣ, 1856, № 20.

²⁾ Слышалъ отъ солдатъ Вологодскаго полка.

ющій велѣлъ узнать, кто тамъ стрѣляетъ. Трое казаковъ спустились внизъ верхами и отозвали стрѣлявшаго. Это былъ высокій, здоровый солдатъ, принесшій, не задолго передъ тѣмъ, въ гору, на своихъ плечахъ, троихъ раненыхъ и опять спустившійся внизъ стрѣлять. Главнокомандующій, узнавъ объ этомъ, кивнулъ солдата къ себѣ, своеручно повѣсилъ ему георгія и спросилъ: «какъ тебя зовутъ?» — Матвѣй Щелкуновъ. — «Откуда ты родомъ?» — Изъ Сибири, изъ Енисейской губерніи. — «А много тамъ внизу раненныхъ?» — Много; я было хотѣлъ еще принести, да не въ мочь. Лагерь стоитъ: его пробовагъ — и не подвинешь! — «А можешь ты указать отсюда, гдѣ лежатъ раненные?» — Отчего не указать: вонъ тамъ, подъ горкой лежитъ, а подъ тѣмъ кустинкомъ двое лежатъ!

Послали казаковъ и они подобрали раненныхъ на сѣдла.

Неприятель (можно сказать, въ заключеніе спектакля) поставилъ на ближайшихъ къ Оедохиннымъ отлогостяхъ Сапунъ-горы ракетную батарею¹⁾ и сталъ пускать ракеты въ нашу кавалерію. Первые 5 — 6 ракетъ не долетѣли, а послѣдующія ложились удачно, не рѣдко въ самую середину колоннъ, не разстроявая ихъ, однакоже, нисколько и не причиняя большого вреда. Эскадроны стояли неподвижно.

Такъ, глядя другъ на друга, пробыли двѣ арміи, почти безъ всякаго дѣйствія, около двухъ часовъ.

На мосту видѣлось много народу, всадниковъ и пѣшихъ. Они смотрѣли въ нашу сторону, какъ смотреть на спектакль. Кажется, это былъ главнокомандующій французской арміи со своимъ штабомъ.

¹⁾ Кажется, на своемъ Инкерманскомъ редутѣ.

Въ 3-мъ часу пополудни нашия войскамъ велѣно отступить обратно къ Мекензѣевой.

Дежурный генералъ поѣхалъ на нижній перевязочный пунктъ. Мы тронулись за нимъ, провожаемые послѣдними ядрами, котормя, рикошетируя; уносились очень далеко...

Нижній перевязочный пунктъ былъ устроенъ какъ разъ подъ верхнимъ, въ одномъ ущельи, на половинѣ разстоянія отъ Телеграфической горы до Мекензѣева спуска. Раненные, свозимые туда въ полуфуркахъ и приносимые на носилкахъ, лежали на травѣ, ожидая перевязокъ. Изрѣдка слышались стоны. Больше всего было раненыхъ пулями. Одному пуля попала въ ротъ. Онъ не могъ говорить и только показывалъ пальцемъ на свой разбитый и распухшій языкъ.

Осмотрѣвъ этотъ пунктъ, генералъ поѣхалъ дальше. Въ это время по всей долигѣ тянулись, гдѣ въ порядкѣ, а гдѣ и въ рассыпную, наши стѣрые солдаты. Иные сажались подъ кустами и отдыхали. Другія разряжали ружья, посылая къ чорту сердитыя пули...

Мы поднялись на верхній перевязочный пунктъ. Это было ровное мѣсто, на самой Мекензѣевой горѣ, выбранное заранѣ и уставленное палатками и землянками. Въ серединѣ, на площадкѣ, шириною сажень въ 50, лежали на землѣ раненные, прибывавшіе безпрестанно: ихъ подвозили снизу на полуфуркахъ. Иногда, подлѣ землянокъ, пробирались носилки: солдаты несли бережно своего командира. Вся площадка была набита народомъ, который бѣгалъ и суетился. Въ нѣсколькихъ большихъ палаткахъ дѣлались ампутаціи. Докторамъ помогали сестры милосердія.

Было около 5 часовъ, когда мы воротились на позицію. Тутъ я почувствовалъ нужду въ палаткѣ. Остаться на солнцѣ, послѣ такого утомленія, было нестерпимо. Къ счастью

сотникъ Мелевъ, который умѣлъ всегда являться очень кстати, на службѣ и въ дружбѣ, какъ нарочно встрѣтился со мною, когда я ходилъ въ дачныхъ кустахъ, и раздумывалъ, гдѣ-то сажу. Онъ пошелъ тотчасъ, о чемъ я раздумывалъ и пригласилъ меня въ оной наметъ, устроенный изъ казачьихъ цѣкъ и покрытый бурками и шинелями. Подлѣ стоялъ фургокъ, набитый разными съестными добромъ ¹⁾. Я бросился подѣ тѣнь гостеприимнаго Донскаго шатра и черезъ минуту уже спалъ...

Когда я проснулся, было темно. Звѣзды глядѣли какъ и наканунѣ, только мы глядѣли на нихъ иначе. Сотникъ улаживалъ чай...

На другой день мы встали очень поздно. Пріятель мой затѣвалъ обѣдъ, но его варили, варили и подали уже къ вечеру, мнѣ одному, потому-что козанинъ умѣлъ на мѣсто сраженія, взглянуть, не осталось-ли тамъ рапешныхъ. Раненные действительно оказались: они приползли съ разныхъ сторонъ, и были подобраны захваченными сотникомъ казаками и привезены на позицію.

Едва я успѣлъ пообѣдать, какъ меня потребовали къ генералу: онъ далъ мнѣ порученіе, съѣздить на Сѣверную и купить тамъ десятка два быковъ.

Я сѣлъ на копя, взялъ двухъ казаковъ и поскакалъ. Къ кому было обратиться, какъ не къ Александру Ивановичу: онъ могъ указать лучше всякаго другаго, гдѣ и у кого на Сѣверной ищются быки.

Часовъ въ 10 ночи мы подѣехали къ широкой палаткѣ базарнаго главнокомандующаго. Войдя подѣ навѣсъ, я ту же минуту услышалъ звонкій голосъ Александра Ивановича, раздававшійся за перегородкой, куда ходъ былъ по доскамъ, надъ какою-то темной пропастью, вѣроятно погребомъ для винъ

¹⁾ Въ Севастоп. Альбомѣ рисунокъ 15-й.

и водокъ. Я перешелъ этотъ подъемный мостъ и очутился въ маленькой квадратной комнаткѣ, сгороженной изъ досокъ, пополамъ съ парусиной. Въ переднемъ углу висѣло много образцовъ, горѣвшихъ золотомъ. Они были черезчуръ велики и ярки для того сѣраго уголка, гдѣ помѣщались. Налѣво стоялъ диванъ и столъ, за которымъ сидѣлъ Александръ Ивановичъ, окруженный «гражданами новаго Севастополя». Онъ и не называетъ ихъ иначе, какъ «граждане». Я увидѣлъ сразу, что это былъ прежній, февральскій Александръ Ивановичъ. Онъ узналъ меня тотчасъ и преслѣлъ преслѣсть.

«Я прѣхалъ къ вамъ за дѣломъ, изъ штаба».

— За дѣломъ? позвольте, господа!

Граждане удалились. Остались только ихъ слѣды: водка, рюмки и какія-то лужи на столѣ.

Я сейчасъ объяснилъ хозяину, зачѣмъ прѣхалъ.

«Э, все это достанемъ! Отвѣчалъ онъ рѣшительно: вы не сомнѣвайтесь!... вотъ ужъ констатированъ торжественный день! Я только съ перевязочнаго пункта: доставилъ туда 35 ведеръ вина и мы разлили его по порціямъ, съ однимъ генераломъ: на бочку по 5-ти ведеръ, чтобы сдѣлать, такъ сказать, лимонадъ: кислоту, невредную для больнаго; то-есть, это приводило воду въ такое положеніе, что было похоже на лимонадъ: и кислота, и букетъ...»

— Все это хорошо, но мнѣ надобно быковъ и притомъ сію же минуту.

«А сколько вамъ быковъ?»

— Быковъ 20.

«Есть, есть! Тысячу двадцать, если угодно!... высокій день, торжественный день! И этикетъ я обязалъ полковнику Арсеневу: прѣзжаетъ, говорить: Александръ Ивановичъ, намъ, говорить, нужно вина, доставьте туда-то! чтѣ будетъ»

стоять, вамъ отдадутъ. Алаторцевъ, мой товарищъ, такъ и закипѣлъ: помилуйте, говорить, полковникъ, мы развѣ не Русскіе? Намъ не нужно ничего, мы такъ доставимъ... Эй, мальчикъ, дай-ка сюда чаю для господина офицера!»

— Но будетъ поздно, Александръ Ивановичъ: къ 5-ти часамъ утра быки должны быть на позиціи!

«Будутъ, раньше будутъ! Эй, ктонибудь! заложить намъ дрожки парой! Мы съ вами поѣдемъ въ Учкучевку: тамъ рѣзня⁴⁾ и тамъ живетъ Иванъ Ивановичъ Алаторцевъ».

Подали чай, которому и чрезвычайно обрадовался Александръ Ивановичъ продолжалъ: «теперича у меня не то, что прежде: другіе размѣры на все. Держу семь лошадей, мѣтъ телеги, дрожки, коляску: вѣроятно видѣли, — тутъ стоять! Въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ фельдшеръ отъ Ея Величества Государыни Императрицы, съ корпіей, холстомъ и рубахами; все это въ Бахчисараѣ оставилъ, самъ верхомъ прыскакалъ, явился къ начальнику штаба: такъ и такъ, молъ, ваше превосходительство: лошадей нѣтъ, а я вотъ съ чѣмъ пріѣхалъ! Надо вамъ замѣтить: въ то время ни за тысячу рублей нельзя было найти въ Севастополѣ лошадь. Я услышалъ объ этомъ происшествіи, представился генералу и говорю: позвольте, ваше превосходительство, я привезу, только съ тѣмъ, чтобы денегъ мнѣ съ васъ не брать, — и привезъ все на своихъ подводахъ! у меня семь лошадей, дрожки, коляска... и теперича мы съ Алаторцевымъ доставили въ пользу церкви на Сѣверной сторонѣ 600 цѣлковыхъ. Я пошелъ по гражданамъ, говорю тому, другому: никто не отказалъ! Я, можно сказать, старшина въ полномъ составѣ слова. Вотъ взгляните, я вамъ покажу!»

⁴⁾ По нашему «бойня». Александръ Ивановичъ подхватилъ уже Севастопольское слово.

И онъ вынулъ изъ кармана бумагу, въ которой утверждался отъ штаба въ званіи базарнаго старшины.

«Прочли? не правда-ли: что можетъ быть слышнѣе? И потому все здѣсь передо мною трасется. Самая полиція, на что ужь дѣлать зенко ведетъ, какъ тонко, — и та передо мной ничего не можетъ одѣлать. Здѣсь прежде тѣснили всякую бабу, которая торгуетъ яицами, овощемъ, хлѣбомъ; тѣснили Татарина, который привозитъ курей, масла, молока... съ него полиція наровитъ ввать кабарá; да ты съ меня возьми кабарá, говорю я частному, а Татаринъ мнѣ нуженъ: не прїѣдетъ Татаринъ, не прїѣдетъ баба: на базарѣ не будетъ ни яиць, ни курей, ни масла, ни... опъ ввернулъ еще одно словцо, которое ввертывается само-собою у русскаго человѣка, когда онъ расходится.

«И точно: можно сказать, продолжалъ Александръ Ивановичъ: это будетъ настоящая практика въ жизни моей, которую я впоследствии покажу! не даромъ я воспитывался въ Коммерческомъ училищѣ въ Санктъ-Петербургѣ, хоть курса и не кончилъ и меня оттуда чуть-чуть не выгнали, потому-что я былъ мальчикъ шалунъ и дерзкій, и покойные родители взяли меня оттуда отъ бѣды прочь, да теперича-то изъ меня вышелъ человѣкъ весьма дѣльный!»

Покажѣсть онъ говорилъ этотъ монологъ, могшій цыкогда не кончиться, я напился чаю.

— Я думаю, пора, Александръ Ивановичъ: поѣдемъ!

«Готово ли? спросилъ онъ черезъ перегородку. Отвѣчали, что готово. Мы вышли, сѣли и поѣхали. Только вмѣсто дрожекъ оказалась почему-то телега.

Когда мы загремѣли широкой улицей базара, тихо дремавшаго во тьмѣ, Александръ Ивановичъ началъ опять:

«Теперича, вотъ видите, базаръ! какъ начали пускаться

сюда: равны; ии съ Алаторцевымъ бѣжали какъ сумасшедшіе, — замѣтите это въ своей памятной книжкѣ: какъ сумасшедшіе! — и все забывали огонь. А сегодня сколько я любѣгалъ! 38 верстѣ забѣгалъ пришло!»

Александръ Ивановичъ сѣлъ напротивъ меня, въ передней части экипажа, для большаго удобства разговаривать, и взялъ меня за обѣ руки: «Да, именно 38 верстѣ! Боюсь то, что этого шута не видите! (Мнѣ пришла въ эту минуту на мысль Прасковья Ивановна) Мнѣ 18-ти лѣтъ бросилъ въ Херсонъ и уѣхалъ сюда на помощь русскому войскаву! Еще преподавателству, профессору Пирогову студенту для большаго сахара по своей цѣнѣ, по 45-ти копѣекъ, тогда въ Севастополѣ былъ по рублю! Винъ боченокъ даромъ подарилъ! На 25 цѣлковыхъ лимоновъ пожертвовалъ, для господъ сенцеровъ лимонадъ-газезъ...

Мнѣ вздумалось спросить, сколько было лимоновъ.

«Вы не спрашивайте, сколько, а спросите лучше, какого это было числа, отвѣчалъ, не запинаясь, находчивый Александръ Ивановичъ: — это было 17-го декабря... Вотъ мы и прѣехали!»

Въ открытомъ полѣ земляно нѣсколько изгородей: это были Учкеевскія рѣзни. Мы отыскали рѣзню Алаторцева, разбудили его, условились и поѣхали назадъ. Рѣшено было прислать къ нему казаковъ, а онъ выдастъ имъ быковъ, при двухъ погоньщикахъ.

На обратномъ пути Александръ Ивановичъ разсказалъ мнѣ еще нѣсколько своихъ патріотическихкихъ подвиговъ.

Когда мы воротились, я послалъ въ Учкеевку казаковъ, накоряченныхъ бѣгъ насъ до отвала, а самъ опять вошелъ за перегородку. Александръ Ивановичъ мигнулъ прикащику и тотъ принесъ намъ бутылку удивительнаго шато-д'ювель,

какого мѣ не случилось пивать я въ Россіи. Судите-же, чѣмъ цѣну оно имѣло тамъ, на пустынной Сѣверной сторонѣ, въ прохладѣ южной ночи, при гулѣ батарей, и послѣ тревогъ и волненій битвы.

Александръ Ивановичъ увѣрялъ, что это вино досталось ему по смерти одного моряка. Онъ купилъ цѣлый погребъ.

За тѣмъ послѣдовала еще бутылка, а тамъ еще... Когда я выѣхалъ и взглянулъ въ сторону Севастополя, бомбы долго мѣшались у меня со звѣздами: и тѣ, и другія прыгали по небу совершенно одинаково.

Ночь была обворожительная. Я ѣхалъ шагомъ, въ самомъ невозмутимомъ настроеніи духа, какъ казалось, одинъ-одинешенекъ среди горъ и полей. Ясно и отчетливо раздавался каждый шагъ моей лошади. Такъ было хорошо, что ѣхалъ-бы цѣлую вѣчность по этимъ горахъ, и пускай-бы все дышала эта прохладная севастопольская ночь...

Я воротился въ лагерь на зарѣ и нашелъ быковъ уже на мѣстѣ: на одной лужайкѣ, подлѣ дороги. Казаки мои тутъ-же спали, при своихъ лошадкахъ. Только погонщики, въ своихъ странныхъ оборванпыхъ поддевкахъ, косматые и загорѣлые, стояли поодаль, опершись на свои длинныя палки. Картинка была хоть куда. Немного дальше просыпался лагерь, курились костры, а тамъ, на горизонтѣ, неподвижными бѣлыми облаками вставали горы, слегка озаренныя утромъ.

Мнѣ сказали, что дежурный генералъ уже на перевязочномъ пунктѣ. Я отправился прямо туда. Все приняло другой видъ: раненные лежали въ палаткахъ, каждый былъ напоенъ чаемъ. На площадкѣ, близъ самаго обрыва, откуда было видно поле битвы и нижній перевязочный пунктъ, — готовился раненымъ супъ, слишкомъ въ пятистахъ котлахъ.

Я доложилъ генералу объ исполненіи его порученія. Онъ

велѣлъ сдать бывшѣ особому комиссару, и потомъ готовиться къ отъѣзду на Иммерманъ.

Воротаясь на позицію, я нашелъ весь лагерь въ движеніи. Казаки съѣдали лошадей, палатки снимались. Фурштатскія телеги, загроможденные столами, скамейками и разной рухлядью, гремѣли между пенками...

Передъ вечеромъ того дня было перемиріе на Черной рѣчкѣ, неподалеку отъ моста. Французы явились въ самыхъ блестящихъ мундирахъ, были очень любезны и даже угощали насъ шампанскимъ. Зуавы обходились съ нашими солдатами совершенно по-братски, дарили имъ трубки, которыя получили отъ императора Наполеона, съ день его именинъ, $\frac{3}{15}$ августа, наканунѣ битвы ¹⁾). Когда приходилось поднять убитаго, его подымали зуавъ и Русскій, вмѣстѣ, и уносили за черту. Потомъ, разставаясь, зуавъ протягивалъ нашему руку и показывалъ жестомъ, что теперь все кончено, остается только: пукъ! пукъ! а Русскій, въ отвѣтъ, взмахивалъ руками, какъ ходять на штыки. И въ этихъ мелочахъ сказывался характеръ обихъ: одному было сподручнѣе пукать, другой все-бы ходилъ на штыки.

Французы-любопытно тѣснились къ нашимъ казакамъ и спрашивали: Донъ? Донъ? — Казаки постоянно обращали на себя ихъ особенное вниманіе. Вотъ что значить мѣстное, характерное войско, невызванное никакимъ подражаніемъ.

Между прибывшими на перемиріе Французами, показалась въ нѣкоторомъ отдаленіи амазонка, прикрытая вуалью. По ее скоро смутили сотни взглядовъ, полетѣвшихъ на ту сторону, — и она удалилась.

— Вправо отъ моста, за рѣкой, явилось также нѣсколько Англичанъ, въ оригинальныхъ картузахъ, съ холстиннымъ навѣ-

¹⁾ Fête de l'Empereur.

3370

сомъ сзадъ. Англичанинъ вездѣ Англичанинъ и къ строгой
всейной формѣ оуъ прицѣпить что-нибудь такое, чего не при-
цѣпить никто другой. Наши солдаты имѣли особенное чутье
въ угадываніи Англичанъ. И на этотъ разъ, замѣтивъ кучку
въ невиданныхъ картузахъ, сказали утвердительно, немного
нараспѣвъ: Англичане!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

О П Е Ч А Т К И.

ТОМЪ I.

	Напечатано.		Должно читать.
Стран.	строка.		
9	св. 8	вести	везти
59	последняя	часа ¹⁾ .	часа ²⁾ .
73	св. 7	Cdzież	Gdzież
146	— 14	Но	На
181	последняя	буквы ¹⁾ .	буквы ²⁾ .
237	св. 5	по оврагу	по оврагу
243	— 6	артиллерійскаго	артиллерійскаго
244	— 8	Чорчуну.	Чоргуну.
245	св. 16	высоко превосходительство!	высокопревосходительство!
—	св. 2	Чорчуну.	Чоргуну.